

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2014

№2(12)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (председатель совета), д-р юрид. наук, проф., директор Юридического института Национального исследовательского ТГУ, заслуженный юрист РФ; **Азаров В.А.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Лебедев В.М.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского ТГУ, заслуженный юрист Российской Федерации; **Свиридов М.К.**, д-р юрид. наук, проф. кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского ТГУ, член-корр. СО Академии наук Высшей школы, действительный член Международной академии наук Высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Севрюгин В.Е.**, д-р юрид. наук, проф. кафедры административного и финансового права Института государства и права Тюменского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Селивёрстов В.И.**, д-р юрид. наук, проф. кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ; **Треушников М.К.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой гражданского процесса юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Шафиров В.М.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии), д-р юрид. наук, проф., директор Юридического института Национального исследовательского ТГУ, завкафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, заслуженный юрист Российской Федерации; **Казakov В.В.** (зам. председателя редколлегии), д-р экон. наук, проф. кафедры финансового права Юридического института Национального исследовательского ТГУ, депутат Законодательной Думы Томской области; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии), канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, зам. директора Юридического института по научной работе Национального исследовательского ТГУ; **Агашев Д.В.** (ответственный секретарь редколлегии), канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Национального исследовательского ТГУ; **Андреева О.И.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского ТГУ; **Барнашов А.М.**, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Национального исследовательского ТГУ; **Дергач Н.С.**, канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Национального исследовательского ТГУ; **Елисеев С.А.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского ТГУ; **Журавлев М.М.**, канд. юрид. наук, д-р философских наук, завкафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского ТГУ; **Мананкова Р.П.**, д-р юрид. наук, проф. кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского ТГУ; **Осокина Г.Л.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского ТГУ; **Савицкая И.С.**, ст. преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского ТГУ; **Якимович Ю.К.**, д-р юрид. наук, проф. кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского ТГУ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Савченко Д.А. Ответственность за наиболее опасные правонарушения по Псковской судной грамоте	5
---	---

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Андреева О.И. О предотвращении произвольного вмешательства государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан в ходе уголовного процесса.....	17
Архипов А.В. Предмет и объективная сторона мошенничества, связанного с незаконным получением средств материнского (семейного) капитала.....	29
Гавриленков С.А. Юридическое содержание вины и виновности в уголовном законе Российской Федерации	39
Грушин Ф.В. Альтернативные наказания в Российской Федерации: тенденции развития.....	47
Долматов А.О. Обстоятельства, характеризующие условия жизни и воспитания несовершеннолетних, совершивших преступления, подлежащие учету при назначении наказания.....	54
Зинкин В.К. Раскрытие преступления как вектор оптимального его расследования.....	59
Логина К.Ю. Криминологическая характеристика имущественной преступности несовершеннолетних: региональный аспект	66
Никитин А.Д. Первый опыт применения постпенитенциарного административного надзора	75
Романова А.В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме.....	83
Свиридов М.К. Самостоятельность суда при постановлении приговора.....	88
Татаринов С.А. К вопросу о принципах осуществления конституционного судопроизводства в Конституционном Суде Российской Федерации	96
Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству	105

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Андрющенко А.В. Место организационных отношений в предмете гражданско-правового регулирования.....	111
Соломин С.К. Понятие прекращения обязательства	117
Суздальцева Т.И. Некоторые вопросы компенсационного производства	123
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	128

CONTENTS

PROBLEMS OF LIGAL THEORY AND HISTORY

Savchenko D.A. Liability for the most dangerous crimes under the Pskovian Judicial Charter.....	5
--	---

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Andreeva O.I. On the prevention of arbitrary interference of state bodies and officials into the private life of citizens in the course of criminal proceedings	17
Arkhipov A.V. The subject and objective side of fraud connected with misappropriation of the resources of maternity (family) capital	29
Gavrilentov S.A. Legal content of guilt and culpability in the criminal law of the Russian Federation	39
Grushin F.V. Alternative penalties in the Russian Federation: development tendencies	47
Dolmatov A.O. Circumstances characterizing the conditions of life and upbringing of juvenile offenders taken into account when punishment is imposed	54
Znikin V.K. Disclosure of a crime as a vector of its optimum investigation	59
Loginova K.Yu. The criminological characteristic for property crimes committed by juveniles: a regional aspect	66
Nikitin A.D. The first experience in using the post penitentiary administrative supervision	75
Romanova A.V. The subject and limits of proof under the reduced form of inquiry	83
Sviridov M.K. Autonomy of courts in sentencing	88
Tatarinov S.A. On the problem of principles of constitutional procedure in the Constitutional Court of the Russian Federation	96
Yakimovich Y.K. Differentiation of criminal procedure should have reasonable limits and shouldn't lead to simplification.....	105

PROBLEMS OF THE PRIVATE LAW

Andryushenko A.V. The place of organizational relations in the subject matter of civil legal regulation	111
Solomin S.K. The concept of termination of an obligation	117
Suzdaltseva T.I. Some problems of a compensation procedure.....	123
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	128

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 34 (09)

Д.А. Савченко

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАИБОЛЕЕ ОПАСНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ

В статье рассматриваются предписания Псковской судной грамоты, в которых впервые в русском законодательстве кража из храма, поджог и другие наиболее опасные для общества деяния были выделены в особую категорию правонарушений. С учетом особенностей древнерусской религиозно-правовой системы исследуются правовые источники норм, санкционировавших применение за них смертной казни, а также содержание предусмотренных Псковской судной грамотой имущественных последствий этих правонарушений.

Ключевые слова: древнерусское право, Псковская судная грамота, правонарушения, смертная казнь, конфискация имущества.

Псковская судная грамота занимает особое место в отечественной юридической истории. Она является крупнейшим памятником русского законодательства XIV–XV вв. В Псковской судной грамоте отразились новые по сравнению с Русской правдой правовые институты, свидетельствующие о качественном изменении системы древнерусского права.

Одним из таких нововведений стало законодательное выделение особой группы наиболее опасных правонарушений и определение ответственности лиц, их совершивших. Уже в начальных статьях Псковской судной грамоты¹ было записано: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати». В историко-правовой литературе утвердилось мнение о том, что в этой статье названы «тягчайшие преступники, которых знает Псковская Судная грамота» [1. С. 44], а именно: два вида воров («татей») – кримской и коневой, поджигатель («зажигалник») и лицо, оказавшее помощь врагу («переветник»).

Предписание «живота не дати» обычно трактуется как «казнить смертной казнью». Положение о том, что Псковская судная грамота предусматривает смертную казнь за «тяжкое воровство, зажигательство и измену», было сформулировано еще в XIX в. первыми исследователями этого правового акта И.Е. Энгельманом [2. С. 70] и Ф.Н. Устряловым [3. С. 57–59] и затем неоднократно повторялось в литературе.

¹ Всего в тексте Псковской судной грамоты принято выделить 120 статей. Анализируемая статья обычно публикуется под номером 7. Известный советский историк Ю.Г. Алексеев предложил собственную разбивку грамоты на статьи. Указанную норму он считал частью пятой статьи, в которую, по его мнению, входит и последующее правило: «Что бы и на посад(е) не крадется ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий ряд изли(чи)в, живота ему не дати, крам кромьскому татю» [1. С. 44].

Принято считать, что соответствующая статья Псковской судной грамоты «вводит новый вид наказания, не знакомый Русской Правде, – смертную казнь» [1]. Утверждается, что «Псковская Судная грамота явилась своеобразной вехой в развитии законодательства о смертной казни. Впервые... к действию смертной казни была отнесена целая группа преступных деяний» [4. С. 22]. Как представляется, такое утверждение нуждается в уточнении.

Ю.Г. Алексеев отмечал, что в Псковской судной грамоте смертной казнью заменен известный Русской правде «поток и разграбление». «Поток и разграбление – лишение гражданских и политических прав, т.е. гражданская смерть. Человек, объявленный вне закона, потерявший все социальные связи, становится беспомощным и беззащитным. Имущество его предается грабежу, сам он может быть немедленно и безнаказанно убит, а семья его продана в рабство. Фактически это смертная казнь с конфискацией имущества... Суть ее – изгнание преступника из того мира, в котором он живет и принадлежность к которому определяет его социальное лицо...» [1. С. 46–47].

Таким образом, «поток и разграбление» включали меры как личного, так и имущественного характера. Смертная казнь пришла на смену личной составляющей этого наказания. Однако при ее назначении открытым оставался вопрос о судьбе имущества преступника.

Этот вопрос вставал и в тех случаях, когда смертная казнь по тем или иным причинам (например, из человеколюбия, под влиянием «печалования» церковных иерархов) не применялась. От судьбы имущества преступника зависела и его способность выкупить свою жизнь. Ведь возможность откупиться от смертной казни, как и предшествовавшая ей возможность откупиться от кровной мести, с давних времен допускалась правовыми обычаями. Как подметил Р.Л. Хачатуров, еще в договоре Руси с Византией 911 г., который предписывал кровную месть для убийцы, предусматривалась и его возможность откупиться от наказания [5. С. 113–114].

Как представляется, правило «живота не дати» как раз и характеризовало имущественные последствия указанных в Псковской судной грамоте наиболее опасных преступлений.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в древнерусских нормативных актах слово «живот», как правило, употреблялось в значении «имущество»¹. При этом в большинстве случаев речь шла об имущественных отношениях в семье применительно к наследственному праву.

Так, в Уставе князя Владимира среди «церковных судов», т.е. дел, отнесенных к церковной юрисдикции, названы «промежи мужем и женою о животе», что обычно трактуется как споры между супругами об имуществе [6. С. 140, 145, 149]. В Новгородском уставе князя Всеволода к этим делам добавлен «суд о бездетном животе», т.е. о наследстве человека, не имеющего детей – прямых наследников. В дополнительных статьях этого Устава речь шла о «прелюбодейной части в животе», т.е. о части наследства, выделяемой незаконной жене и ее детям. Самостоятельная норма Устава была посвящена ответственности виновных в порче торговых мерил (весов). Она предпола-

¹ Это отражено, в частности, в предметно-терминологическом указателе к книге «Законодательство Древней Руси» из многотомника «Российское законодательство X–XX веков» [6. С. 405].

ла не только казнь, но и передачу имущества церквям: «того казнити близко смерти, а живот его на-трое: треть живота святей Софии, а другая треть святому Ивану, а третья треть сочьским и Новугороду» [6. С. 251–253].

В самой Псковской судной грамоте в семи статьях речь идет о «животе» как о переходящем по наследству имущества. В ст. 14 говорится о поиске среди наследуемого имущества («живота») тех вещей, которые ранее были переданы умершему на хранение другими лицами, а также о переходе долговых обязательств умершего на наследников. В ст. 84, 87 идет речь о судьбе имущества «изорника» («живот изорнич»), т.е. человека, работавшего на земле «государя» (хозяина) и имевшего перед последним долги. Статьи 88 и 89 регулируют порядок наследования между супругами их «отчины» (полученного от собственных родителей) и «живота» (нажитого имущества). Статья 100 говорит об имуществе, которое должно передаваться по наследству, однако по воле человека «пред смертью» было передано племяннику [4. С. 25, 52–54, 57–58].

Как видим, в проанализированных актах «живот» – это нажитое при жизни человека имущество, которое является предметом наследственных отношений. После смерти собственника его судьба решается церковными и светскими властями, которые могут определить, кому и в какой пропорции передавать подлежащее наследованию имущество («живота дати»).

Изложенное позволяет предположить, что предписание Псковской судной грамоты «живота не дати» говорит не о смертной казни, а об иных – имущественных последствиях совершенных преступлений.

Это не означает, что к перечисленным в Псковской судной грамоте наиболее опасным преступникам не применялось лишение жизни в качестве наказания. Такие факты неоднократно отмечались в летописях.

Например, в Псковских летописях под 1476 г. рассказывается о том, как жители Псковского пригорода казнили (повесили) конокрада [7. С. 206].

Новгородская летопись свидетельствует о совершенной в 1230 г. на вече казни человека, обвиненного в покушении на поджог: «...а Волоса Блуткиница на вечи убиша, рече посадник: «ты еси мои двор хотел зажечи» [8. С. 1520; 9. С. 69, 276]. В 1442 г. в Новгороде «многие сожжены были по подозрению в поджогах» [10. С. 160]. Псковская летопись под 1496 г. упоминает о казни преступника, признанного виновным в умышленном поджоге города: «...загорелося на Кромю... и клетей много погорело, и ржы много и платья... а зажег Чюхно, закратчися, а послаша его ... Немцы зажечь и посулиша емоу дароу много... Изымаша его на Кромю и сожгоша его огнем» [11. С. 82].

В отношении перевета И.Д. Мартысевич [12. С. 96] отмечал, что смертная казнь за это преступление нашла отражение в летописях уже при описании событий XIII в., связанных с изгнанием князем Александром Невским немцев из города Копорья (1241 г.): «Поиде князь Олександр на немцы на город Копорью... и взя город, а Немцы приведе в Новгород, а инех пусти по своей воли, а Вожан и Чюдцю переветники извеша» [9. С. 78]. Ю. В. Оспенников обратил внимание на еще более ранний факт, относящийся к конфликту 1167 г. между новгородцами и князем Святославом: «Новгородьци же... уби-

ша Захарию посадника, и Неревина... яко творяхуть е перевет дръжаше къ Святославу» [8. С. 1517].

Летописи свидетельствуют о том, что и в последующем за перевет к преступникам по решению веча или князя применялось причинение смерти через повешение или сбрасывание с моста в реку (после предварительных побоев) [8. С. 1519–1520].

Например, Псковская летопись описывает случай казни за оказание помощи врагу, имевший место в 1469 г.: «...пришедшее Немцы ратью на миру на Псковскую землю... и побиша Пскович... и хоромы пожгли; а переветники Немець и Чудь на Псковичь подвели, а перевет учинил над ними Иванко Подкурской да другой Иванко Торгоша». После выявления преступления виновные были казнены: «...а потом... Псков доведався Иванка Покурского на бревне замучили, а другого Иванка Торгошу за лытки тогда же в осень на леду повесили» [13. С. 233].

Таким образом, летописные сообщения не оставляют сомнений в том, что в XIII–XV вв. русское право допускало возможность применения смертной казни за наиболее опасные преступления.

Вместе с тем, как представляется, не Псковская судная грамота была ее законодательным источником. Ведь с точки зрения господствовавшей на Руси христианской правовой идеологии правомерное причинение человеку смерти должно было иметь авторитетное религиозное обоснование. Ни составители Псковской судной грамоты, ни автор одного из ее источников – великий князь – не могли присвоить себе право ввести норму о лишении человека жизни в качестве наказания.

Это право принадлежало только царям (императорам). Они получали особую религиозную санкцию своих прав в акте «священного миропомазания». Знаменитый канонист XII в. Вальсамон писал: «Императоры... должны почитаться учителями в силу сообщаемого им помазания священным миром. Отсюда происходит право благоверных императоров поучать христианский народ... Сила и деятельность императора простирается и на душу, и на тело подданных». А архиепископ болгарский Дмитрий Хоматин (XIII в.) утверждал: «Как искупитель наш, помазанный Духом Святым, есть верховный наш Первосвященник, так справедливость требует, чтобы и помазанник Божий император наделен был благодатью первосвященства» [14. С. 331].

Именно царь (император) выступал в качестве формального источника Закона. Он был «одушевленным законом», а законодательство являлось важнейшим знаком императорского достоинства [15. С. 240]. Поэтому только царь мог дать закон (в его христианском понимании), тем более закон о смертной казни. Князь же лишь формировал Правила, вытекавшие из закона и конкретизировавшие его применительно к полномочиям властей.

Как известно, царями на Руси признавались византийские императоры, а в последующем – ордынские ханы. Поэтому в древнерусский период сама возможность смертной казни наиболее опасных преступников, как представляется, допускалась только в соответствии с законами царей: греческих (византийских императоров) и ордынских (монгольских ханов).

С принятием христианства на Руси появились церковно-славянские переводы греческих текстов как религиозного, так и нерелигиозного содержания,

в том числе и переводы юридических текстов. При этом на все церковно-славянские тексты в конечном счете экстраполировалось религиозное восприятие. Поэтому законодательство византийских императоров, как и христианские религиозные нормы, стало важнейшим идеологическим источником древнерусского права. Это было связано с их рецепцией как части единой христианской культуры, в рамках которой соблюдение византийского права рассматривалось как необходимый элемент спасения [15. С. 228, 230–231].

Наиболее полным религиозно-правовым источником христианской Руси была Кормчая книга («бог вдохновенная книга Кормчая; греческим языком Номоканон; словенским же Закону правила»). В Кормчей книге русское духовенство и князья видели общий юридический сборник законов¹. Одним из них был изданный между 870 и 879 гг. императором Василием Македонянином Прохирон, т.е. руководство для судей, ручная книга законов. А.С. Павлов отмечал, что Прохирон, перевод которого на Руси был известен под названием «Градский закон», до самого падения Византийской империи оставался «главной ручной книгой законов у юристов-практиков» [14. С. 69]. М. Бенеманский справедливо отмечал, что «непоколебимость авторитета градских законов совершенно приравнивалась к непоколебимости авторитета церковных канонов» [17. С. 111].

Именно Градской закон и санкционировал применение смертной казни к переветнику и зажига́льнику.

В частности, перевет как преступление по своей сути и содержанию соответствовал деяниям, предусмотренным главой 17 грани 39 Градского закона: «Иже к ратным своею волею от нас приходяще и наши советы возвещающе им, на виселицах повешаются или сожигаемы бывают» [17. С. 391].

Деяние зажига́льника предусматривалось главой 18 грани 39 Градского закона: «Аще некто ведый, рекше хотением дом зажжет или ворох жита, близ дому лежащ, и обличен быв, огневи предан боудет». При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что суть преступления в Кормчей книге передана через глагол «зажжет», а не «сожжет» (т. е. полностью истребит что-либо огнем) – в точном соответствии со смыслом византийского закона [10. С. 204].

Вместе с тем за кримскую (т.е. из храма) и коневую татьбу, а также за татьбу в третий раз в Градском законе была установлена не смертная казнь, а членовредительные наказания – ослепление и отсечение руки: «Иже во олтарь во дни или в нощи входя, и от сущих в нем священных нечто украдая, да ослепится. Аще же вне олтаря, от иныя церкви украдет что, биен и острижен, да изженется из предел»; «Аще подъяремника рекше коня (крадушии) таковым руце усечене бывают»; «Аще не единаго, но многи в татьбе яти будут, руки им да усекут» (главы 58, 53, 54 грани 39 Градского закона). Членовредительные наказания, как более гуманные, пришли в Византии на смену смертной казни за соответствующие преступления, которая сохранилась

¹ Кормчая дошла до нашего времени во множестве списков, состав ее по этим спискам неодинаков. «В Кормчих, по месту, где они составлялись, помещались все местные узаконения, как светские, так и духовные» [16. С. 297–303].

лишь для разбойников, живущих преступным промыслом: «нарочитии разбойницы ... повешении да будут» (глава 15 грани 39 Градского закона).

В то же время смертная казнь за кражу была обычным наказанием по монгольскому праву [18]. Сохранились свидетельства о том, что уже первый крупный деятель монгольского права Шихи-Хутаг, который с 1206 по 1252 г. выполнял обязанности высшего государственного судьи (судьи), должен был «наказывать за кражу во всем государстве, применять законы, убивать тех, кого должны были убить, наказывать тех, кого нужно было наказывать».

Венецианский путешественник Марко Поло свидетельствовал: «Наказание зависело от вида кражи...» Побывавший в Монголии в 1254 г. французский посланник Виллем Рубрук писал: «...они карают смертью за огромную кражу. За легкую кражу... лишь бы только человек не часто попадался в этом, они жестоко бьют...» [19. С. 79]. Для тех, кто растратил имущество других третий раз или являлся неисправимым вором, не было другого наказания, кроме смертной казни. Посол Рима Плано Карпини, приехавший в Монгольское государство в 1247 г., отмечал: «Там не обретается ... разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его или ведет к тем людям, которые для того приставлены...» «Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают безо всякого сожаления» [19. С. 12–13, 15].

Как говорилось в 53-м фрагменте Великой Ясы – главного закона монгольской империи – лишь «если украденная вещь не является важной, то следует наказывать плеткой» [18]. Есть основания полагать, что к таким «менее важным» вещам в Монголии не могли относиться кони. Как писал о монголах Плано Карпини, «лошадей они очень берегут» [19. С. 16]. Поэтому кража лошади расценивалась, вероятно, как тягчайшее преступление и влекла смертную казнь. Не случайно писатель из Аравии свидетельствовал: «В Монголии не существовало краж лошадей» [18]. По сообщению Плано Карпини, один из русских князей – «князь Чернигова Андрей» – был обвинен перед ханом Батыем в том, что «уводил лошадей Татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все-таки был убит» [19. С. 9; 20. С. 29–30]. О смерти князя Андрея Мстиславича, убитого Батыем, упоминалось и в русской летописи под 1245 г. [20. С. 199]. Это событие, вероятно, оставило глубокий след в правосознании представителей власти на Руси и могло стать прецедентом, санкционировавшим смертную казнь за конокрадство.

Кроме того, под особой защитой монгольского хана находилось имущество религиозного назначения. Плано Карпини по этому поводу свидетельствовал: «... у них есть идолы... Некоторые ставят их на прекрасной крытой повозке пред входом в ставку, и всякого, кто украдет что-либо с этой повозки, они убивают без всякого сожаления» [19. С. 7]. Даже в XVII в., когда меры наказания за преступления стали более мягкими, чем во времена Чингисхана, писанный памятник монгольского права «Восемнадцать степных законов» предусматривал смертную казнь с конфискацией имущества лица, оскорбившего действием храм [18].

Следует отметить, что хищение предметов религиозного назначения (святоотатство) влекло смертную казнь и по древнегреческому, и по римскому праву. Так, Ксенофонт в «Греческой истории» писал про закон о святоотатцах и предателях: «Лица, предавшие город или похитившие посвященные богам предметы, подлежат суду присяжных. Если они будут осуждены, то запрещается хоронить их в Аттике, а имущество их конфискуется в казну» [21. С. 108–109]. И в китайском праве кражи предметов культа как разновидность «выражения великого непочтения» относились к «непрощаемым» преступлениям, наказуемым смертной казнью. Как известно, нормы китайского права оказали серьезное влияние на развитие правосознания и законодательства монголов.

Религии покоренных народов почитались монголами так же, как их собственная религия. Поэтому ханы признали и утвердили неприкосновенность русских христианских церквей, монастырей и часовен, а за оскорбление веры установили смертную казнь. Так, в ярлыке Узбек-хана митрополиту Петру говорилось: «...а что закон их в законе церкви и монастыри и часовни их ничем да не вредят, ни хулят, а кто учнет веру хулити, или осуждати, и тот человек не извинится ничем же и умрет злою смертью» [16. С. 261]. Хан не только сам казнил обидчиков церкви по жалобе митрополита, но и позволял церковным людям убивать их. В ярлыке Атюляка говорилось: «А нам ся на кого пожалуют церковные люди, и тот от нас неживотного казнию казнен будет. А кого наших послов или пошлинников убьют церковные люди над своим добром, тому вины нет» [16. С. 261–262].

Привилегии церковного имущества в самих ярлыках объяснялись тем, что «митрополит о нас Бога молит». В ярлыке Узбек-хана митрополиту Петру (1313) объяснялось: «...ибо все то есть божие; ибо эти люди молитвою своею блюдут нас и наше воинство укрепляют»¹.

Монгольский хан считался верховным государем, царем Русской земли. Н.И. Костомаров обоснованно утверждал, что главные начала монгольских государственных порядков были применимы и к Руси [23 С. 125]. Поэтому обычаи и законы монголов, которые предусматривали смертную казнь, оказали влияние на распространение этого вида наказания и на Руси [24. С. 44].

Как представляется, именно монгольский хан был тем законодателем, который в качестве царя санкционировал возможность применения на Руси смертной казни за отдельные, наиболее опасные виды татбы – за кражу из храма и кражу лошади, а также за кражу в третий раз. При этом светские и церковные власти определяли имущественные последствия преступлений и процессуальные правила рассмотрения дел.

Псковская судная грамота как принятый на псковском вече правовой акт представляла собой «местное дополнение и частичное изменение» [4. С. 19, 246] системы действовавших тогда на Руси правовых норм. При этом основной целью составителей Псковской судной грамоты была регламентация полномочий действовавших в Пскове судов, упорядочение соответствующих процессуальных и имущественных отношений. Содержание грамоты состав-

¹ Первый такой ярлык, по сути охранная грамота митрополиту, был выдан Менгу-Тимур-ханом в 1270 г. [22. С. 139].

ляли, прежде всего, нормы гражданского процесса и гражданского права, что было отмечено в работах Ф.Н. Устрялова и большинства последующих исследователей Грамоты [4. С. 11]. Как писал И.Е. Энгельман, при наличии в Грамоте двух начал – публичноправового и частноправового – приоритет принадлежал частноправовому началу [2. С. 70]. В частности, в Псковской судной грамоте была дана детальная регламентация всех судебных пошлин [4. С. 387].

Предписание Псковской судной грамоты «живота не дати» означало лишение преступника «нажитого им достояния», а значит, и лишение его возможности откупиться от смерти, а также запрет передавать по наследству имущество этого преступника, прежде всего имущество движимое, нажитое им при жизни.

По своей конструкции правило «живота не дати» представляло собой запрещающую норму. Она предписывала судьям, к которым преступник мог бы обратиться с просьбой «дать живот», отказать в такой просьбе. Подобные запреты были известны праву других народов как неотъемлемый элемент «изгнания из общины». Так, у южных славян осужденному на «поток» запрещалось давать «исти, или питии, или инуку помоть» [25. С. 31].

Сама возможность решать вопрос о том, «давать или не давать живот», вероятно, обуславливалась существовавшим в Пскове обычаем «хранить запас зерна и движимого имущества вне двора в городе или на посаде, а именно в клети на крому... Эти запасы служили спасением на случай голода и разорения и охранялись. Вероятно, кромские клети запирались... Под защитой крепостных укреплений и Святой Троицы сбережение было надежнее»¹. После смерти собственника судьба этого имущества решалась властями.

Есть основания полагать, что весь «живот» преступника обращался в пользу общины и распределялся между горожанами. Ведь именно община была в этом случае «коллективным потерпевшим», имевшим право на возмещение причиненного ей вреда.

Здесь интересы общины могли не совпадать с интересами князя, к чьей компетенции, вероятно, относился суд над наиболее опасными преступниками. Ведь виру и продажи, получаемые в результате разрешения судебных дел, были важнейшей статьёй княжеских доходов. Сюда же, по-видимому, относились и средства, получаемые от преступника в качестве «выкупа за смерть». Поэтому княжеский суд мог быть заинтересован в выдаче преступнику его имущества для его последующего использования в качестве выкупа. Правило Псковской судной грамоты «живота не дати» запрещало принимать подобное решение. Для правонарушителя это означало обращение его «живота» в пользу общины и невозможность выкупить свою жизнь.

Выделение категории преступников, лишенных права откупиться от смерти, было известно праву и других государств. Так, в средневековом Китае допускался откуп от смертной казни, как и от иных видов наказаний [27. С. 305]. Вместе с тем закон определял перечень наиболее опасных, подрыв-

¹ И.К. Лабутина относит возникновение этого обычая к периоду не позднее XIII в., «когда детинец был единственным надежным укреплением в Пскове и произошло вынесение жилой застройки за его пределы» [26. С. 22].

вающих основополагающие устои общества и морали преступлений (так называемые «десять зол» – *ши э*), которые не подлежали обычной амнистии. Среди «десяти зол» первыми назывались злодеяния, суть которых заключалась в «неисполнении долга подданного» (*бу чэнь*). К ним относились мятеж, бунт и тайная измена своему государству¹. Как уже отмечалось, сюда же относилось и «выражение великого непочтения», разновидностью которого признавались кражи предметов культа. Лица, признанные виновными в совершении этих преступлений, не могли откупиться от наказания [27. С. 99].

Кроме того, древнерусское правило «живота не дати» по характеру последствий для имущества преступника обнаруживает черты сходства с известной римскому праву нормой о «наследственном» характере ряда преступлений, в том числе «преступлений против величия»².

Одним из юридических последствий таких преступлений было не только лишение самого преступника всех имущественных и гражданских прав, но и запрет детям преступника получать из его имущества что-либо в наследство по закону или по завещанию на общих основаниях. Имуществом преступника в таких случаях распоряжалось римское государство [28. С. 110–111].

Таким образом, Псковская судная грамота не устанавливала смертную казнь как новый вид наказания. В основанной на христианстве древнерусской религиозно-правовой системе смертная казнь за наиболее опасные преступления была санкционирована законами царей – греческих и ордынских.

Вместе с тем грамота регламентировала имущественные последствия наиболее опасных правонарушений. Она лишала преступника возможности распорядиться нажитым им имуществом («животом»), которое обращалось в пользу городской общины. Это не позволяло преступнику откупиться от смерти, а также передать имущество по наследству.

Псковская судная грамота стала первым актом древнерусского законодательства, в котором в отдельной норме была выделена группа наиболее опасных правонарушений и определены особые правовые последствия их совершения.

Литература

1. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л.: Наука, 1980. 243 с.
2. Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб., 1855. 199 с.
3. Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г. СПб.: Тип. Аполлона Фридрихсона, 1855. 194 с.
4. Памятники русского права: в 35 т. Т. 2: Памятники права удельной Руси. М.: Юрлитинформ, 2013. 408 с.
5. Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси с Византией. М.: Юрид. лит., 1988. 136 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. 432 с.
7. Псковские летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Вып. 2. 364 с.

¹ Кроме отмеченных выше, к категории «десяти зол» относились также «непокорство родственников», «жестокое преступления, противоречащие порядку вещей», «непочтение к родителям», «несогласие между родственниками», «нарушение социальной связи», кровосмесительные половые связи [27. С. 309].

² О наследственном преступлении говорилось, в частности, в конституции Аркадия и Гонория 397 г. [28. С. 110].

8. *Оспенников Ю.В.* Перевет и поджог в древнерусском праве // *Право и политика.* 2008. № 6. С. 1517–1520.
9. *Новгородская* первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1950. 659 с.
10. *Бенеманский М.* Закон Градский. Значение его в русском праве. М., 1917. 481 с.
11. *Псковские* летописи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 1. 148 с.
12. *Мартысевич И.Д.* Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М.: Изд-во МГУ, 1951. 208 с.
13. *Полное* собрание русских летописей. Т. 4: Новгородские и псковские летописи. Псковские летописи. Псковская первая летопись. СПб., 1848. 360 с.
14. *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб., 2002. 384 с.
15. *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. 758 с.
16. *Беляев И.Д.* История русского законодательства. СПб.: Лань, 1999. 639 с.
17. *Бенеманский М.* О Прохеирос потос императора Василия Македонянина. Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Сергиев Посад, 1906. Вып. 1. 563 с.
18. *Молчанов Б., Жанчивдорж М.* Уголовная ответственность за преступления по обычному праву Монголии // *Закон.* Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья. URL: <http://law.vl.ru/analit/> (дата обращения: 06.02.2014).
19. *Карпини Дж.* История монгалов // *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. 224 с.
20. *Путешествие* в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 270 с.
21. *Хрестоматия* по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 1999. 480 с.
22. *Цечоев В.К.* История государства и права России с древнейших времен до 1861 г. Ростов н/Дону, 2000. 476 с.
23. *Владимирский-Буданов М.В.* Обзор истории русского права. Ростов на/Д, 1995. 640 с.
24. *Смертная* казнь: за и против. М., 1989. 528 с.
25. *Древнее* Хорватско-Далматское законодательство. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1868. 170 с.
26. *Лабутина И.К.* Историко-топографический комментарий к Псковской судной грамоте // *Псковская судная грамота и российская правовая традиция: труды межрегиональной научной конференции, посвященной 600-летию юбилею Псковской судной грамоты.* Псков, 1997. С. 21–26.
27. *Законы* великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли): пер. с кит., исслед., примеч. и прилож. Н.П. Свистуновой. М.: Вост. лит., 1997. Ч. 1. 576 с.
28. *Щеголев А.В.* Закон Юлия об оскорблении величия в кодексе Юстиниана // *Древнее право.* 1999. № 1. С. 108–115.

Savchenko Dmitry A. Novosibirsk Institute of Tomsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

LIABILITY FOR THE MOST DANGEROUS CRIMES UNDER THE PSKOVIAN JUDICIAL CHARTER.

Key words: Old Russian Law, the Pskovian Judicial Charter, crimes, capital punishment, forfeiture of property.

It is noted in the article that the Pskovian Judicial Charter was the first legislative act of ancient Rus and it contained a separate group of the most dangerous crimes. The list of these crimes included arson, support of an enemy and some types of stealing: theft from churches (sacrilege), theft of a horse and theft for the third time. The Charter determined some special legal consequences of such crimes. It prescribed “not to be allowed to protect the stomach” for those who committed such crimes and this expression is often interpreted in the literature as “to punish by death” though in ancient Russian statutory acts the word “stomach” had the meaning “property”.

If we refer to the chronicles of Russian law of past ages we’ll find that in the XIII–XV centuries capital punishment was used for the most dangerous crimes. But the Pskovian Judicial Charter could not be the legal source to allow that type of punishment. Due to the fact that Old Russian religious

legal system was based on Christianity, capital punishment for the most serious crimes was authorized by the laws of Greek (Byzantine emperors- for arson and support of enemies) and Horden (Mongol khans –for serious thefts) tsars. Thus, the Pskovian Judicial Charter didn't impose capital punishment as a new type. But it regulated the property consequences of the most dangerous crimes. The rule "not to be allowed to protect the stomach" was a prohibiting one. It prescribed the judges to refuse an application of a criminal "to protect his stomach". Such prohibitions were known to other nations and were used for an exclusion from a community.

The very opportunity to decide whether "to protect or not to protect one's stomach" probably derives from the custom in Pskov to keep movable property outside the yard in the town or in the suburb. The Pskovian Judicial Charter deprived a criminal of the possibility to dispose of his property ("stomach") which was converted to the use of the town community. The criminal could neither buy off the death nor make his property inheritable.

Such a category of criminals who didn't have the right to buy off death was known to the law of other states, e.g. China. Moreover, the Old Russian rule "not to protect the stomach" has the same consequences for the property of a criminal as the rule of Roman law about the "inherited" character of some crimes.

References

1. Alekseev Yu.G. Pskovskaya sudnaya gramota i ee vremya. L.: Nauka, 1980. 243 c.
2. Engel'man I. Sistematischeskoe izlozhenie grazhdanskich zakonov, sodержaschichsya v Pskovskoy sudnoy gramote. SPb., 1855. 199 s.
3. Ustryalov F. Issledovanie Pskovskoy Sudnoy gramoty 1467 g. SPb.: Tip. Apollona Fridrichsona, 1855. 194 s.
4. Pamyatniki rossiyskogo prava: v 35 t. T. 2. Pamyatniki prava udel'noy Rusi. M.: Yurlitinform, 2013. 408 s.
5. Chachaturov R.L. Mirnye dogovory Rusi s Vizantiyey. M.: Yurid. lit. 1988. 136 s.
6. Rossiyskoe zakonodatel'stvo Ch–Ch vekov: v 9 t. T. 1: Zakonodatel'stvo Drevney Rusi. M., 1984. 432 s.
7. Pskovskie letopisi. M.: Izd-vo AN SSSR. 1955. Vyp. 2. 364 s.
8. Ospennikov Yu.V. Perevet i podzhog v drevnerusskom prave // Pravo i politika. 2008. № 6. S. 1517–1520.
9. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. 1950. 659 s.
10. Benemanskiy M. Zakon Gradskiy. Znachenie ego v russkom prave. M., 1917. 481 s.
11. Pskovskie letopisi. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. Vyp. 1. 148 s.
12. Martysevich I.D. Pskovskaya sudnaya gramota. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie. M.: Izd-vo MGU, 1951. 208 s.
13. Polnoe sobranie russkich letopisey. T. 4: Novgorodskie i pskovskie letopisi. Pskovskie letopisi. Pskovskaya pervaya letopis'. SPb., 1848. 360 s.
14. Pavlov A.S. Kurs zerkovnogo prava. SPb., 2002. 384 s.
15. Zhivov V.M. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury. M., 2002. 758 s.
16. Belyaev I.D. Istoriya russkogo zakonodatel'stva. SPb.: Lan', 1999. 639 s.
17. Benemanskiy M. O Proxeipoc nomoc imperatora Vasiliya Makedonyanina. Ego proischozhdenie, charakteristika i znachenie v zerkovnom prave. Sergiev Posad, 1906. Vyp. 1. 563 s.
18. Molchanov B., Zhanchivdorzh M. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya po obychnomu pravu Mongolii // Zakon. Internet-zhurnal Assoziatii yuristov Primor'ya. URL: <http://law.vl.ru/analit/> (data obrascheniya: 06.02.2014).
19. Karpini Dzh. Istoriya mongalov // Gil'om de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany. SPb., 1911. 224 s.
20. Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka. M.: Geografiz, 1957. 270 s.
21. Chrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran (Drevnost' i Srednie veka) / sost. V.A. Tomsinov. M.: Zerkalo, 1999. 480 s.
22. Zechoev V.K. Istoriya gosudarstva i prava Rossii s drevneyshich vremen do 1861 g. Rostov n/Donu, 2000. 476 s.
23. Vladimirskiy-Budanov M.V. Obzor istorii russkogo prava. Rostov na/D, 1995. 640 s.
24. Smertnaya kazn': za i protiv. M., 1989. 528 s.
25. Drevnye Chorvato-Dalmatskoe zakonodatel'stvo. Odessa: Tip. L. Nitche, 1868. 170 s.

26. Labutina I.K. Istoriko-topograficheskiy kommentariy k Pskovskoy sudnoy gramote // Pskovskaya sudnaya gramota i rossiyskaya pravovaya tradiziya: trudy mezhr regional'noy nauchnoy konferenzii, posvyaschennoy 600-letnemu yubileyu Pskovskoy sudnoy gramoty. Pskov, 1997. S. 21–26.

27. Zakony velikoy dinastii Min so svodnym kommentariem i prilozheniem postanovleniy (Da Min lyuy zzi zze fu li): per. s kit., issled., primech. i prilozh. N.P. Svistunovoy. M.: Vost. lit., 1997. Ch. 1. 576 s.

28. Schegolev A.V. Zakon Yuliya ob oskorblenii velichiya v kodekse Yustiniana // Drevnee pravo. 1999. № 1. S. 108–115.

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 343.13

О.И. Андреева

О ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ ГРАЖДАН В ХОДЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В уголовном процессе неизбежно вмешательство государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан. На практике имеют место случаи необоснованного и произвольного вмешательства в частную жизнь. Основной причиной является избранный подход к механизму правового регулирования при установлении пределов допустимого вмешательства государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан в уголовном процессе. В статье сделан вывод о необходимости механизма, не допускающего неправомерное, избыточное вмешательство государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан, предложены элементы указанного механизма.

Ключевые слова: частная жизнь, предотвращение произвольного вмешательства, уголовный процесс.

Статья 23 Конституции РФ закрепила право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Между тем борьба государства с криминальными антиобщественными проявлениями является одной из сфер общественной жизни, где неизбежно в публичных интересах вмешательство государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан и, как следствие, серьезное ограничение прав и свобод личности, в том числе права на неприкосновенность частной жизни. По характеру полномочий государственные органы и должностные лица вправе получать сведения, которые могут относиться к личной жизни как лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, так и его близких и иных лиц, что может противоречить интересам этих лиц, а также оказывать влияние на их репутацию.

В уголовном процессе частная жизнь граждан наиболее уязвима для всевозможных вмешательств и вторжений со стороны должностных лиц, в том числе незаконных и необоснованных. Одной из причин этого является то, что нормативное определение терминов «частная жизнь», «личная и семейная тайна» в действующем российском уголовно-процессуальном законе отсутствует.

Не раскрывается содержание терминов «частная жизнь», «личная и семейная тайна» и в иных нормативно-правовых актах. Так, ст. 152.2 Гражданского кодекса РФ, регламентирующая охрану частной жизни, под частной жизнью лица предусматривает сведения о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни. Уголовный кодекс РФ, содержащий норму о нарушении неприкосновенности

частной жизни, под сведениями о частной жизни лица рассматривает сведения, составляющие его личную или семейную тайну.

Применительно к понятию «частная жизнь» М.В. Баглай справедливо обратил внимание на то, что частную жизнь составляют те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других [1. С. 228]. На это же обстоятельство указывается и Европейским судом по правам человека [2]. В понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, стороны его жизни, которые он сам для себя устанавливает, которые касаются только его и не подлежат контролю со стороны общества и государства, если они носят правомерный характер [3].

По мнению И.В. Смольковой, частная жизнь как физическая и духовная область, контролируемая индивидуумом, в значительной степени свободна от внешнего направляющего воздействия, в том числе от правильного регулирования, и поэтому категория «частная жизнь» не имеет юридического содержания [4. С. 5–6]. Обстоятельства частной жизни человека являются столь разнообразными, что едва ли возможно дать перечень, охватывающий все возможные случаи. Является сложным и определение границ частной (личной) жизни человека, возникают трудности в определении, происходит ли вмешательство в частную жизнь граждан в результате той или иной деятельности должностных лиц. Право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера [5].

Право каждого на неприкосновенность частной жизни гарантируется Конституцией РФ (ст. 24), которая предусматривает, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

Гарантии установлены и нормами международного права, международными договорами. Всеобщая декларация прав человека (ст. 12) и Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 17) гласят, что «никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств». При этом нормы международного права допускают законное вмешательство в частную жизнь человека. По смыслу международных норм, вмешательство в частную жизнь человека является правомерным, если оно предусмотрено законом, предназначено для защиты прав и свобод других лиц, обеспечения национальной безопасности, охраны здоровья, нравственности и осуществляется в той мере, в какой это необходимо для достижения указанных целей. Таким образом, ограничением вмешательства государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан являются общественно необходимые, социально значимые цели.

Исходя из сказанного, можно прийти к выводу о том, что в правовом смысле обеспечить неприкосновенность частной жизни, можно только устанавливая допускаемые законом пределы вторжения в эту сферу.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не ставит возможность вмешательства в частную жизнь граждан в зависимость от тяжести совершенного преступления. Вмешательство в частную жизнь человека в уголовном процессе может произойти в результате большинства процессуальных и следственных действий, таких как осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, допрос, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, ее осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и др.

Производство части следственных действий (наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, ее осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами) осуществляется втайне от гражданина. Между тем известно, что именно там, где государственные органы и должностные лица осуществляют свои полномочия втайне, становится особенно очевидной опасность произвола, злоупотребления ими полномочиями. В этом случае гражданин лишен возможности своевременно искать эффективное средство правовой защиты, пресекая возможность нарушения его прав и законных интересов.

Еще одной причиной того, что частная жизнь граждан уязвима для вмешательств и вторжений со стороны государственных органов и должностных лиц, является возможность применения мер принуждения в уголовном процессе. В результате уголовно-процессуального вмешательства в частную жизнь граждан государственные органы и должностные лица имеют возможность получать конфиденциальную информацию, составляющую сведения о частной жизни гражданина, причем зачастую против его воли. В ходе уголовного производства постоянно присутствует дилемма, что является предпочтительнее: принудить человека с помощью тактических приемов или возможно и с помощью незаконных методов к раскрытию личных и семейных тайн или защитить его права, иногда и вопреки раскрытию преступления и установлению лица, его совершившего.

В качестве причины незаконных и необоснованных вмешательств со стороны должностных лиц в частную жизнь граждан хочется отметить также и неразвитость институтов гражданского общества, что практически исключает общественный контроль и негативную реакцию общества на неправомерные действия указанных лиц.

Следует отметить, что невмешательство в частную жизнь не является принципом российского уголовного процесса, как это, например, имеет место в Уголовно-процессуальном кодексе Украины (ст. 15) [6].

Между тем механизм правового регулирования, устанавливающий возможность государственных органов и должностных лиц ограничивать право на неприкосновенность частной жизни граждан в уголовном процессе, предусматривает пределы такого ограничения.

Как следует из содержания УПК РФ, уголовно-процессуальное вмешательство государственных органов и должностных лиц в частную жизнь человека происходит в большинстве случаев после возбуждения уголовного дела. Исключение составляет ст. 144 УПК РФ. Так, при проверке сообщений

о преступлениях уполномоченные должностные лица вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий. При этом лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также подавать жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц. Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства, при необходимости им обеспечивается безопасность.

Установлены УПК РФ и УК РФ гарантии законности и обоснованности вмешательства должностных лиц правоохранительных органов в сферу частной жизни граждан. Причем гарантии надлежащей защиты частной жизни от произвольного вмешательства государственных органов и должностных лиц касаются в основном предупреждения разглашения и в определенных случаях требования в ходе производства следственных и процессуальных действий принятия мер к тому, чтобы данные и обстоятельства частной жизни не были разглашены. Не зря право на неприкосновенность частной жизни стали рассматривать как право на защиту информации о частной жизни.

Кроме того, в уголовно-процессуальном законодательстве определены участники уголовного процесса, вмешательство в частную жизнь которых допустимо. К ним относятся не только подозреваемый, обвиняемый, но и потерпевший, свидетель.

Уголовно-процессуальное законодательство ставит степень вмешательства в частную жизнь граждан в зависимость от вида уголовного преследования. По делам частного обвинения вмешательство государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан минимально, в отличие от дел публичного обвинения.

УПК РФ закрепляет основания производства процессуальных действий и на этом основании – основания вмешательства в частную жизнь граждан. К юридическим основаниям относятся: наличие мотивированного постановления должностного лица о необходимости проведения процессуального действия, а в случаях, предусмотренных законом, – наличие решения суда.

По этой причине необходимо рассмотреть порядок принятия решения о производстве обыска в нежилых помещениях. Как следует из ч. 2 ст. 182 УПК РФ, обыск производится на основании постановления следователя. Между тем обыск в помещении организации дезорганизует ее работу и также серьезно ограничивает права граждан. В ходе обыска могут стать известны и обстоятельства частной жизни работников организации. В этой связи следует

обратить внимание на решения Европейского суда по правам человека. Так, в Постановлении от 16 декабря 1992 г. по делу «Нимитц (Niemietz) против Германии» Суд признал нарушением права заявителя на уважение его жилища обыск, проведенный в адвокатской конторе заявителя [7. С. 768–773]. В Постановлении от 15 июля 2003 г. по делу «Эрнст и другие (Ernst and Others) против Бельгии» Суд подтвердил распространение права на уважение жилища на принадлежащие заявителям-журналистам транспортные средства, в которых наряду с их домами и офисами также были произведены обыски [8]. В силу изложенных причин представляется целесообразным предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве получение решения суда на производство обыска в помещении, не являющемся жилищем.

К фактическим основаниям допустимого вмешательства в частную жизнь граждан относятся следующие положения: значение сведений, составляющих частную жизнь, для достижения назначения уголовного судопроизводства и отнесение сведений, составляющих частную жизнь граждан, к предмету доказывания по делу.

Хочется отметить, что государство, государственные органы и должностные лица не всегда гарантируют и обеспечивают неприкосновенность частной жизни граждан. Причинами этого являются: подход к механизму регулирования при установлении пределов допустимого вмешательства государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан, отсутствие системности в правовом регулировании реализации права на неприкосновенность частной жизни.

Примером несистемного подхода при установлении пределов уголовно-процессуального вмешательства в частную жизнь граждан является положение, закрепленное в ст. 182 УПК РФ, регламентирующей основания и порядок производства обыска, где указано, что следователь принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц.

Однако обстоятельства частной жизни граждан могут быть выявлены не только при проведении обыска. Подобной обязанности следователя при производстве иных следственных действий, например, при осмотре места происшествия, осмотре документов и предметов, освидетельствовании, производство которых допустимо, в том числе до возбуждения уголовного дела, при контроле и записи переговоров и др., УПК РФ не предусматривает. Вместе с тем обязанность государственных органов и должностных лиц соблюдать права личности предусматривает их активную деятельность при производстве всех процессуальных действий. Поэтому было бы логичным нормой-принципом обязать должностных лиц принимать меры, направленные на неразглашение сведений о частной жизни участников уголовного процесса и иных лиц в процессе производства любого следственного (процессуального) действия, в ходе которого возможно вмешательство в частную жизнь гражданина.

Кроме того, ст. 182 УПК РФ ориентирует правоприменителя только на необходимость принятия мер, препятствующих оглашению выявленных в

ходе обыска обстоятельств частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц. Между тем сведения о производстве следственного действия (в частности, обыска) также относятся к частной жизни лица, что не учтено в уголовно-процессуальном законодательстве. В УПК РФ необходимо предусмотреть обязанность должностного лица, осуществляющего производство следственного действия, предупреждать понятых и других лиц, участвующих в следственном (процессуальном) действии, о необходимости сохранять втайне от посторонних лиц не только ставшие им известными сведения о частной жизни лица, но и сам факт производства этого действия.

Непоследовательность законодателя проявляется и при введении запрета на применение фото-, кино- и видеосъемки при производстве следственных действий, сопровождающихся обнажением лица, без его согласия, только для освидетельствования. Между тем обнажение возможно, например, и при получении образцов для сравнительного исследования, личном обыске. Отсюда фотографирование, видеозапись и киносъемка в случаях, сопровождающихся обнажением участника следственного действия, должны также проводиться только с письменного согласия этого лица.

Отсутствует системность правового регулирования отношений и в случае регламентирования порядка осуществления уполномоченными должностными лицами проверки сообщения о преступлении. Статья 144 УПК РФ, предусматривающая порядок рассмотрения сообщения о преступлении, закрепляет положение, согласно которому участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. В ст. 161 УПК РФ между тем речь идет не о досудебном производстве, под которым в соответствии со ст. 5 УПК РФ понимается уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором дела в суд для рассмотрения его по существу, а о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Кроме того, ответственность предусмотрена Уголовным кодексом РФ также за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310), при этом применение уголовного закона по аналогии не допускается.

Механизм проверки сообщения включает полномочия должностных лиц изымать предметы и документы «в порядке, установленном настоящим кодексом» (ст. 144 УПК Российской Федерации). Между тем уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность изъятия предметов и документов в ходе выемки, однако в силу ст. 183 УПК Российской Федерации производство выемки не предусмотрено на стадии проверки сообщения о преступлении.

Кроме того, ст. 161 УПК Российской Федерации, регламентирующая недопустимость разглашения данных предварительного расследования, закрепляет положение, устанавливающее, что разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается. Причем участники уголовного процесса не вправе разглашать данные предварительного расследования, включающие в себя, по мнению законодателя, данные о частной жизни, только в том случае, если они были об этом заранее

предупреждены (ч. 3 ст. 53, ч. 3 ст. 54, ч. 6 ст. 56, ч. 4 ст. 57, ч. 4 ст. 58, ч. 4 ст. 59, ч. 4 ст. 60 УПК Российской Федерации). В этом случае виновным грозит ответственность, предусмотренная ст. 310 УК Российской Федерации. Между тем предупреждение об ответственности участников уголовного судопроизводства, от чего зависит привлечение их к ответственности, отдано на усмотрение только должностного лица. Что касается самих должностных лиц, то УПК Российской Федерации не предусматривает действенного механизма привлечения их к ответственности за нарушения принципа уважения чести, достоинства личности в уголовном процессе, в том числе за произвольное вмешательство в частную жизнь граждан.

Можно привести и другие примеры. Однако, как представляется, необходимо менять подход к механизму регулирования при установлении пределов допустимого вмешательства государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан. В этом случае развитие уголовного процесса должно идти не в русле того, как сделать так, чтобы ликвидировать последствия нарушения прав, в том числе права на неприкосновенность частной жизни граждан, а как создать эффективно работающий механизм, не допускающий неправомерное, избыточное вмешательство государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан. Этот механизм должен, на наш взгляд, включать закрепление требования о невмешательстве в частную жизнь в качестве принципа уголовного процесса, механизм контроля, ответственность и механизм защиты.

Что касается гарантий предотвращения произвольного вмешательства государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан в ходе уголовного процесса, они должны включать:

- 1) процедуру следственных и процессуальных действий, связанных с вторжением в частную жизнь человека;
- 2) порядок работы со сведениями, имеющими отношение к частной жизни, и использование результатов следственных и процессуальных действий, связанных с вторжением в частную жизнь человека;
- 3) средства исправления любого допущенного нарушения;
- 4) судебный контроль за законностью и обоснованностью вторжения в частную жизнь человека.

Вторжение в частную жизнь граждан в ходе уголовного судопроизводства должно быть допустимо либо с согласия лица, либо по судебному решению и если невозможно иным путем достичь цели уголовно-процессуального доказывания и назначения уголовного судопроизводства.

Порядок производства следственных и процессуальных действий должен минимизировать негативные последствия вторжения в частную жизнь участников уголовного процесса. В УПК РФ должно быть предусмотрено правило, согласно которому никто не может собирать, хранить, использовать и распространять информацию о частной жизни лица без его согласия, кроме случаев, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. В этой связи заслуживает внимания Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, предусматривающий, что следует проявлять большую осторожность при сохранении и использовании такой информации, которая раз-

глашается только при исполнении обязанностей или в целях правосудия. Любое разглашение такой информации в других целях является неправомерным [9].

Кроме того, особо следует обратить внимание на порядок работы с такими сведениями. В этом плане представляет интерес Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии [10. С. 125–126], где, например, в ст. 248 предусмотрено, что документы и предметы на основе ходатайства лица должны быть опечатаны и органы уголовного судопроизводства не вправе их ни осматривать, ни использовать. Уполномоченные должностные лица могут заявить в течение 20 суток о распечатывании, в противном случае опечатанные документация и предметы возвращаются уполномоченному лицу. Решение о распечатывании принимает суд в соответствии с установленной компетенцией, при этом суд вправе привлечь эксперта к проверке содержания корреспонденции и предметов.

Подобный подход прослеживается и в ряде решений Европейского суда по правам человека. Так, например, в решении по делу «Смирнов (Smirnov) против Российской Федерации» [11] Суд счел, что отсутствие независимого наблюдателя, который бы определял, какие материалы охраняются профессиональной тайной (речь в данном случае шла об адвокатской тайне), свидетельствует в том числе об отсутствии гарантий защиты от нарушения требований охраны профессиональной тайны.

Подобные правила содержатся в Уголовно-процессуальном кодексе Федеративной Республики Германии [12. С. 167–168]. Параграф 100i указанного кодекса предусматривает возможность установления при помощи технических средств номера мобильного телефона, номера его карты, а также местонахождения телефона, если это необходимо для исследования обстоятельств дела или установления местонахождения обвиняемого. Причем в рамках применения таких мер допустимо собирать личные данные третьих лиц. Примечательно, что такого рода личные данные могут использоваться только для сравнения с целью установления искомого номера прибора или карты и должны быть незамедлительно уничтожены по окончании применения меры.

На основании изложенного представляется необходимым подробно регламентировать в уголовно-процессуальном законодательстве процедуру производства всех действий, связанных с вторжением в частную жизнь человека. Причем степень регламентации должна зависеть от того, согласен ли участник уголовного судопроизводства на вмешательство государственных органов и должностных лиц в его частную жизнь или нет. При этом согласие должно быть выражено ясным и недвусмысленным образом.

Добровольное согласие гражданина делает возможным проведение следственных действий по решению следователя. Если вмешательство в частную жизнь носит принудительный характер для участника уголовного процесса, то обязательным представляется наличие судебного решения. Допускаем, что на практике возможны ситуации, когда добровольное согласие граждан будет получаться путем принудительного воздействия на них должностными лицами. В этом случае право на обжалование подобного рода действий в суд и признание судом доказательств, полученных указанным образом, недопустимыми способно решить данную проблему.

Кроме того, степень регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве процедуры производства всех действий, связанных с вторжением в частную жизнь человека, должна зависеть и от того, ставится ли в известность участник уголовного судопроизводства о производимом вмешательстве должностных лиц государственных органов в его частную жизнь. В указанном случае детальная регламентация процедуры производства следственного действия с обязательным судебным контролем над его осуществлением, а в дальнейшем и возможностью обжаловать законность и обоснованность производства указанного действия будет являться гарантией надлежащей защиты частной жизни от произвольного вмешательства государственных органов. Причем процедура судебного заседания по рассмотрению судом вопроса о законности следственного действия, произведенного без судебного решения, в случаях, не требующих отлагательства, должна предусматривать извещение судом лица о времени и месте рассмотрения дела, что соответствует позиции Европейского суда по правам человека, согласно которой решение о вмешательстве органов исполнительной власти в права отдельных лиц не подлежит судебному контролю по инициативе заинтересованного лица и с его участием до тех пор, пока оно остается тайным по законным основаниям, однако после прекращения такого вмешательства решение, как только представится возможным, должно подпадать под действие судебного контроля с участием заинтересованного лица [13]. Право на справедливое судебное разбирательство включает реальную возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения лица [14. С. 198–206].

Большое значение при регламентации процедуры следственного (процессуального) действия, связанного с вторжением в частную жизнь участника уголовного судопроизводства, имеют 1) наличие основания, 2) продолжительность такого вмешательства, 3) порядок составления итогового документа, фиксирующего результаты следственного (процессуального) действия, 4) порядок использования сведений, полученных в результате такого вмешательства, 5) порядок работы с информацией, полученной уполномоченными должностными лицами, но не имеющей отношения к обстоятельствам конкретного дела, который, что следует отметить, отсутствует в УПК РФ [15. С. 61].

Между тем такой порядок предусмотрен Уголовно-процессуальным кодексом Швейцарии от 5 октября 2007 г., – это порядок работы со сведениями, не являющимися необходимыми для разрешения дела. Такие сведения удаляются из материалов уголовного дела и до вступления в законную силу решения об окончании производства хранятся отдельно под замком и после этого уничтожаются [10. С. 75].

Гарантией предотвращения произвольного вмешательства государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан в ходе уголовного процесса, на наш взгляд, будет являться закрепленное в законе положение о том, что информация и документы, полученные в результате вмешательства в частную жизнь участников уголовного судопроизводства, не могут быть использованы для других целей, помимо тех, ради которых они были получены. При этом в законе должны быть закреплены обстоятельства, при которых сведения, полученные в результате вмешательства в личную жизнь участни-

ков уголовного судопроизводства, составляющие тайну, могут быть уничтожены. Например, при вынесении оправдательного приговора, вступившего в законную силу.

Литература

1. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учеб. 4-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2011. 454 с.
2. *Постановление* Европейского суда по правам человека «Леэмполь (Leempoel) и С.А. Эдисон Сине Ревю (S.A. Ed. Cine Revue) против Бельгии» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2005. Доступ из локальной сети Юрид. ин-та Том. гос. ун-та (дата обращения: 10.03.2014).
3. *Определение* Конституционного Суда РФ от 21.11.2013 № 1872-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курбатова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 4, 7 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2005. Доступ из локальной сети Юрид. ин-та Том. гос. ун-та. Режим доступа: свободный (дата обращения: 10.03.2014).
4. *Смолькова И.В.* Частная жизнь граждан: основания и пределы уголовно-процессуального вмешательства. М.: Луч, 1997. 100 с.
5. *Определение* Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2005. Доступ из локальной сети Юрид. ин-та Том. гос. ун-та. Режим доступа: свободный (дата обращения: 10.03.2014).
6. *Уголовно-процессуальный кодекс* Украины: Закон № 4651-VI от 13 апреля 2012 года [Электронный ресурс] / Сайт К. Калиновского. 2014. URL: www.Kalinovsky-k.narod.ru/zakon/uprk_ukr.gar. Режим доступа: свободный (дата обращения: 10.03.2014).
7. *Постановление* Европейского суда по правам человека от 16.12.1992 «Нимитц (Niemietz) против Германии» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М.: Норма, 2000. Т. 1. 856 с.
8. *Постановлении* ЕСПЧ от 15.07.2003 по делу «Эрнст и другие (Ernst and Others) против Бельгии» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2004. № 1.
9. *Кодекс* поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Организации Объединенных Наций. 2014. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml
10. *Трефилов А.А.* Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 5 октября 2007 года. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. 224 с.
11. *Постановление* Европейского суда по правам человека от 07.06.2007 г. по делу «Смирнов (Smirnov) против Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2005. Доступ из локальной сети Юрид. ин-та Том. гос. ун-та (дата обращения: 10.03.2014).
12. *Головненков П., Спица Н.* Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии – Strafprozessordnung (StPO): Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam, 2012. 404 с.
13. *Постановление* Европейского суда по правам человека от 6 сентября 1978 года по делу «Класс (Klass) и другие против Федеративной Республики Германии» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2005. Доступ из локальной сети Юрид. ин-та Том. гос. ун-та (дата обращения: 10.03.2014).
14. *Трубникова Т.В.* Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 296 с.
15. *Андреева О.И.* Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регу-

лирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 374 с.

Andreeva Olga I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

ON THE PREVENTION OF ARBITRARY INTERFERENCE OF STATE BODIES AND OFFICIALS INTO THE PRIVATE LIFE OF CITIZENS IN THE COURSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS.

Key words: private life, prevention of arbitrary interference, criminal proceedings.

The interference of state bodies and officials into the private life of citizens is inevitable in the course of criminal proceedings. As practice shows, the state, state bodies and officials don't always guarantee and ensure immunity of the personal life of citizens. The reasons for this are: a chosen approach to the legal regulation when establishing the limits of admissible interference of state bodies and officials into the private life of citizens during criminal proceedings as well as the absence of consistent legal regulation in the realization of the right to privacy.

The development of criminal proceedings should be aimed not at the elimination of the consequences of the violation of rights including the right to privacy but at the elaboration of the effective mechanism preventing any illegal, excessive interference of state bodies and officials into the private life of citizens. This mechanism should involve the securing of the requirement on non-interference into the private life of citizens as the principle of criminal proceedings, the mechanism of control (departmental and judicial), liability and the mechanism for protection. It is important to provide a detailed regulation in the criminal procedural legislation for all actions connected with interference into the private life of a person. A voluntary consent of the citizen makes it possible to conduct investigative actions related to the restriction of his personal life according to the decision of the investigator. If interference into the private life of a criminal trial participant is forced, the court's decision is compulsory. Moreover, the degree of regulation of procedural actions connected with interference into the private life should depend on the fact whether a criminal trial participant was informed about the above procedural action against him. In this case a detailed regulation of investigative actions under the compulsory judicial control and later a possibility to appeal the legality and substantiality of the mentioned action will serve a guarantee for due protection of private life against interference of state bodies.

The following factors are significant for the regulation of investigative (procedural) actions connected with interference into the private life of a criminal trial participant: existence of reasons for interference into the private life, duration of such interference, the order of drafting of a final document containing the results of investigative (procedural) actions; the order of applying the data obtained in the result of such interference, the order of work with information obtained by empowered officials but having no relevance to the circumstances of a concrete case.

References

1. Baglay M.V. *Konstituzionnoe pravo Rossiyskoy Federazii: uchebn. 4-e izd., izm. i dop.* M.: Norma, 2011. 454 s.
2. *Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka «Leempoel' (Leempoel) i S.A. Edis'on Sine Revyu (S.A. Ed. Cine Revue) protiv Bel'gii» [Elektronnyy resurs] // Konsul'tantPlyus : sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. Elektron. dan. M., 2005. Dostup iz lokal'noy seti Yurid. in-ta Tom. gos. un-ta (data obrascheniya: 10.03.2014).*
3. *Opredelenie Konstituzionnogo Suda RF ot 21.11.2013 № 1872-O «Ob otkaze v prinya-tii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kurbatova Maksima Vladimirovicha na narushenie ego konstituzionnykh prav stat'yami 4, 7 i 8 Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoy deya-tel'nosti» [Elektronnyy resurs] // Konsul'tantPlyus : sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. Elektron. dan. M., 2005. Dostup iz lokal'noy seti Yurid. in-ta Tom. gos. un-ta. Rezhim dostu-pa: svobodnyy (data obrascheniya: 10.03.2014).*
4. Smol'kova I.V. *Chastnaya zhizn' grazhdan: osnovaniya i predely ugolovno-prozessual'nogo vmeshatel'stva.* M.: Luch, 1997. 100 s.
5. *Opredelenie Konstituzionnogo Suda RF ot 28.06.2012 № 1253-O «Ob otkaze v prinya-tii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Supruna Michaila Nikolaevicha na narushenie ego konstituzionnykh prav stat'ey 137 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federazii» [Elektronnyy resurs] // Konsul'tant-*

Plyus : sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. Elektron. dan. M., 2005. Dostup iz lokal'noy seti Yurid. in-ta Tom. gos. un-ta. Rezhim dostupa: svobodnyy (data obra-scheniya: 10.03.2014).

6. Uголовно-процессуальный кодекс Украины: Закон № 4651-VI от 13 апреля 2012 года [Elektronnyy resurs] / Sayt K. Kalinovskogo. 2014. URL.: www.Kalinovsky-k.narod.ru/zakon/upk_ukr.rar. Rezhim dostupa: svobodnyy (data obrascheniya: 10.03.2014).

7. Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 16.12.1992 «Nimitz (Niemiets) protiv Germanii» // Evropeyskiy sud po pravam cheloveka. Izbrannye resheniya. M.: Norma, 2000. T. 1. 856 s.

8. Postanovlenii ESPCh ot 15.07.2003 po delu «Ernst i drugie (Ernst and Others) protiv Bel'gii» // Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka. 2004. № 1.

9. Kodeks povedeniya dolzhnostnykh liz po podderzhaniyu pravoporyadka. Prinyat rezolyuziey 34/169 General'noy Assamblei OON ot 17 dekabrya 1979 goda [Elektronnyy re-surs] / Ofitsial'nyy sayt Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy. 2014. URL.: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml

10. Trefilov A.A. Uголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 5 октябрия 2007 года. М.: ООО «NIPKZ Voschod–A», 2012. 224 s.

11. Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 07.06.2007 g. po delu «Smirnov (Smirnov) protiv Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. Elektron. dan. M., 2005. Dostup iz lokal'noy seti Yurid. in-ta Tom. gos. un-ta (data obrascheniya: 10.03.2014).

12. Golovnenkov P., Spiza N. Uголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии – Strafprozessordnung (StPO): Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona. Potsdam, 2012. 404 s.

13. Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 6 sentyabrya 1978 goda po delu «Klass (Klass) i drugie protiv Federativnoy Respubliki Germanii» [Elektronnyy resurs] // Konsul'tantPlyus : sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. Elektron. dan. M., 2005. Dostup iz lokal'noy seti Yurid. in-ta Tom. gos. un-ta (data obrascheniya: 10.03.2014).

14. Trubnikova T.V. Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: pravovye pozitsii Evropeyskogo suda po pravam cheloveka i ich realizatsiya v uголовnom prozesse Rossiyskoy Federatsii: ucheb. posobie. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011. 296 s.

15. Andreeva O.I. Konseptual'nye osnovy sootnosheniya prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v uголовnom prozesse Rossiyskoy Federatsii i ich ispol'zovanie dlya pravovogo regulirovaniya deyatelnosti po rasporyazheniyu predmetom uголовного prozessa: dis. ... d-ra yurid. nauk. Tomsk, 2007. 374 s.

УДК 343.721

А.В. Архипов

**ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА МОШЕННИЧЕСТВА,
СВЯЗАННОГО С НЕЗАКОННЫМ ПОЛУЧЕНИЕМ СРЕДСТВ
МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА**

Настоящая статья посвящена вопросам уголовно-правовой квалификации действий, связанных с хищением средств материнского (семейного) капитала мошенническим способом, объективной стороне данных преступлений. Особое внимание уделяется исследованию материнского (семейного) капитала как возможного предмета преступного посягательства.

Ключевые слова: мошенничество, предмет хищения, материнский (семейный) капитал.

Материнский (семейный) капитал как правовое понятие был введен Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [1] (далее – Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»). Данный закон, как следует из его преамбулы, был принят для установления дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей, в целях создания условий, обеспечивающих этим семьям достойную жизнь. Практически одновременно с принятием данного закона возникла и быстро приобрела без преувеличения общероссийские масштабы проблема незаконного получения и использования средств материнского капитала. Об этом свидетельствует и растущее с каждым днем количество разного рода «агентств», обещающих помочь гражданам «обналичить» материнский капитал, и количество уголовных дел, возбуждаемых по всей стране в связи с таким «обналичиванием». Как указывается в пояснительной записке к законопроекту «О внесении изменений в статьи 8 и 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», переданного на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации Правительством России 25 февраля 2013 г., только за период с января 2009 г. по сентябрь 2012 г., по данным МВД РФ, было выявлено около 2 тысяч преступлений, связанных с хищением и обналичиванием средств материнского (семейного) капитала. Также МВД РФ указывает на то, что прослеживается устойчивая тенденция увеличения количества посягательств на бюджетные средства в этой сфере и на появление новых преступных схем [2]. Учитывая размер материнского капитала, который, к примеру, с 01.01.2013 г. составляет 408 960,50 руб., очевидным становится факт, что ущерб от таких преступлений в масштабах страны может исчисляться сотнями миллионов и даже миллиардами рублей. Несмотря на то, что история борьбы с незаконными операциями с материнским капиталом насчитывает уже более шести лет, уголовно-правовая квалификация данных действий на практике не является однообразной, что создает значительные трудности для правоохрани-

тельных органов и судов. Не малую роль в сложившейся ситуации сыграла недостаточная научная разработанность вопросов квалификации хищения средств материнского капитала. Целью настоящей статьи является изучение материнского (семейного) капитала как возможного предмета мошенничества, а также изучение объективной стороны преступлений, связанных с хищением средств материнского капитала мошенническим способом.

Ввиду того, что материнский капитал относится к социальным выплатам, с 1 января 2013 г. уголовная ответственность за его хищение путем сообщения заведомо ложных и (или) недостоверных сведений установлена ст. 159.2 УК РФ.

Основным отличием рассматриваемых в настоящей статье противоправных действий от иных случаев мошенничества при получении социальных выплат является специфический предмет преступного посягательства – материнский капитал. Именно специфичность материнского капитала как предмета преступного посягательства и создает сложности с квалификацией действий, направленных на его незаконное получение и использование.

Легальное определение материнского (семейного) капитала дано в п. 2 ст. 2 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Указанная норма определяет материнский (семейный) капитал как средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, установленных настоящим Федеральным законом.

Ст. 6 указанного Федерального закона устанавливает конкретный размер материнского капитала.

Анализ приведенных норм позволяет выделить следующие признаки материнского капитала: во-первых, материнский капитал представляет собой денежные средства или, говоря более обще, имущество; во-вторых, у этого имущества имеется собственник, которым является Российская Федерация; в-третьих, данные денежные средства перечисляются собственником Пенсионному фонду России исключительно для осуществления целей, указанных в Федеральном законе «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», т.е. носят целевой характер.

Также считаю необходимым обратить внимание на такие признаки, как возможность существования материнского капитала только в форме безналичных денег и безвозмездности получения права на распоряжение материнским капиталом, что прямо вытекает из положений ст. 3, 9–12 указанного выше Федерального закона.

Из приведенных признаков материнского капитала можно сделать выводы о том, что незаконное получение материнского капитала или незаконное распоряжение им полностью подпадает под признаки хищения, указанные в примечании к ст. 158 УК РФ, поскольку оно сопряжено с незаконным безвозмездным изъятием у собственника (Российской Федерации) имущества (безналичных денежных средств) и обращением этого имущества в пользу виновного (при перечислении средств материнского капитала непосредственно на его банковский счет) или других лиц (например, посредством погашения долга виновного перед кредитной организацией). Факт причинения

ущерба собственнику в результате таких действий является очевидным, равно как и очевидным является корыстный мотив совершения таких действий.

Для более полного понимания сущности материнского капитала следует обратиться к положениям вышеуказанного Федерального закона, касающегося порядка предоставления данной меры государственной поддержки, а также порядка расходования средств материнского капитала. Поскольку формат статьи ограничен в ее объеме, позволю привести здесь лишь обобщенное описание данных процедур, опустив некоторые подробности.

Итак, в ст. 3 указанного Федерального закона перечислены категории граждан, которые имеют право на получение рассматриваемой нами меры государственной поддержки. Ими являются:

1) женщины, родившие (усыновившие) второго ребенка начиная с 1 января 2007 г.;

2) женщины, родившие (усыновившие) третьего ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2007 г., если ранее они не воспользовались правом на дополнительные меры государственной поддержки;

3) мужчины, являющиеся единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей, ранее не воспользовавшиеся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2007 г.

При возникновении права на дополнительные меры государственной поддержки вышеуказанных лиц не учитываются дети, в отношении которых данные лица были лишены родительских прав или в отношении которых было отменено усыновление, а также усыновленные дети, которые на момент усыновления являлись пасынками или падчерицами данных лиц.

Этой же статьей закона устанавливаются обстоятельства, при наступлении которых перечисленные выше граждане не могут получить данную меру государственной поддержки.

Частями 4 и 5 указанной статьи закона предусматривается возможность получения права на распоряжение средствами материнского капитала детьми в случаях невозможности получения такого права родителями.

Первым шагом для граждан, указанных в пп. 1–3 ч. 3 закона, является обращение в соответствующий территориальный орган Пенсионного фонда России с заявлением о получении государственного сертификата на материнский капитал. Заявление наряду с просьбой выдать сертификат должно содержать сведения, перечень которых дан в п. 6 Правил подачи заявления о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал и выдачи государственного сертификата на материнский (семейный) капитал (его дубликата) и формы государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, утвержденных Приказом Минздравсоцразвития РФ от 18 октября 2011 г. № 1180н [3]. К ним, в частности, относятся сведения о наличии оснований для выдачи сертификата, а также об отсутствии обстоятельств, препятствующих его выдаче. К заявлению прикладываются документы, перечень которых дан в п. 5 указанных Правил.

По результатам рассмотрения заявления территориальным органом Пенсионного фонда РФ принимается решение о выдаче (отказе в выдаче) государственного сертификата на материнский капитал.

С момента получения сертификата сведения об этом вносятся в регистр лиц, имеющих право на дополнительные меры государственной поддержки, который ведется также соответствующим органом Пенсионного фонда России.

Средства материнского (семейного) капитала по общему правилу гражданин, получивший сертификат, может распорядиться только по истечении трех лет со дня рождения (усыновления) второго, третьего ребенка или последующих детей. Во всех случаях средства материнского капитала расходуются только на цели, перечисленные в ст. 10–12 закона, которыми являются улучшение жилищных условий, получение образования, а также повышение уровня пенсионного обеспечения. При этом только в целях строительства, реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства, осуществляемого гражданами без привлечения организации, средства материнского капитала после соблюдения достаточно сложной процедуры могут быть перечислены двумя равными платежами с разрывом во времени на банковский счет непосредственно владельца сертификата. Во всех остальных случаях средства материнского капитала либо перечисляются на расчетные счета организаций или физических лиц, с которыми владелец сертификата находится в договорных отношениях (например, банк, выдавший ипотечный кредит, подрядчик, учебное заведение и т.п.), либо остаются в Пенсионном фонде и направляются для увеличения накопительной части пенсии.

Иными словами, денежные средства, составляющие материнский капитал, как правило, в собственность граждан – владельцев сертификатов не переходят, а принадлежат государству до момента перечисления их на счета вышеуказанных организаций.

Единственным случаем, когда средства материнского капитала могут быть использованы в любое время после рождения (усыновления) второго, третьего ребенка или последующих детей, является предусмотренная ч. 6.1 ст. 7 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» возможность подачи заявления о распоряжении средствами капитала для погашения основного долга и уплаты процентов по кредитам или займам на приобретение (строительство) жилого помещения, включая ипотечные кредиты, предоставленным гражданам по кредитному договору (договору займа), заключенному с организацией, в том числе кредитной организацией. Именно этот случай представляет наибольший интерес в целях настоящей статьи, поскольку наиболее часто используется для хищения средств материнского капитала. Остальные способы использования материнского капитала менее удобны для его хищения, поскольку либо исключают возможность быстрого получения денежных средств материнского капитала виновным лицом (при перечислении средств для увеличения накопительной части пенсии), либо значительно ее затрудняют, в первую очередь ввиду невозможности распорядиться средствами капитала в течение трех лет. Ниже более подробно будут рассмотрены два частных случая использования указанного способа распоряжения средствами материнского капитала для их хищения – незаконное получение средств материнского капитала указанным способом, совершаемое непосредственно владельцем государственного сертификата на материнский капитал, и неза-

конное получение данных средств при соучастии сотрудников кредитной или иной организации.

Распоряжение средствами материнского капитала в соответствии со ст. 7 закона осуществляется владельцем государственного сертификата путем подачи в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации непосредственно либо через многофункциональный центр заявления о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала (далее – заявление о распоряжении), в котором указывается направление использования материнского (семейного) капитала в соответствии с Федеральным законом. Заявление о распоряжении подается в совокупности с рядом документов, перечень которых устанавливается уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти. Заявление о распоряжении рассматривается соответствующим органом Пенсионного фонда РФ в порядке, предусмотренном ст. 8 вышеупомянутого закона. В случае удовлетворения заявления о распоряжении орган Пенсионного фонда РФ уведомляет об этом заявителя и обеспечивает перечисление денежных средств, полученных из федерального бюджета по соответствующей заявке, в соответствии с заявлением о распоряжении. При этом заявка о перечислении денежных средств из бюджета Российской Федерации в бюджет Пенсионного фонда подается Пенсионным фондом после удовлетворения заявления о распоряжении средствами материнского капитала, и поступившие на счет Пенсионного фонда денежные средства бюджета РФ подлежат обязательному перечислению на счет физического или юридического лица, указанного в заявлении о распоряжении средствами материнского капитала.

Анализируя приведенные выше положения закона, касающиеся порядка предоставления данной меры государственной поддержки, можно выделить еще несколько особенностей материнского (семейного) капитала, имеющих значение для его определения как предмета хищения и правильной квалификации незаконных операций с ним. Во-первых, выдача государственного сертификата на материнский капитал сама по себе не предоставляет возможности распоряжаться его средствами, получение государственного сертификата для этого является обязательным, но не единственным условием; во-вторых, по общему правилу средства материнского капитала при их правомерном использовании не могут поступить в собственность владельца государственного сертификата; в-третьих, распоряжение средствами материнского капитала осуществляется посредством совершения определенных действий – подачи заявления о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала с приложениями в территориальный орган Пенсионного фонда РФ, который вправе отказать в удовлетворении заявления в случаях, предусмотренных в законе; в-четвертых, средства материнского капитала выбывают из владения собственника – Российской Федерации уже после удовлетворения заявления о распоряжении средствами материнского капитала и после их зачисления на счет Пенсионного фонда подлежат обязательному перечислению на счета физических или юридических лиц, указанных в заявлении о распоряжении, проще говоря, перечисляются из бюджета РФ на цели, указанные в заявлении о распоряжении, через бюджет Пенсионного фонда.

Суммируя все сказанное выше, можно определить материнский (семейный) капитал как социальную выплату в виде безналичных денег, перечисляемых по решению уполномоченных государством должностных лиц Пенсионного фонда из средств бюджета Российской Федерации через Пенсионный фонд РФ, для их последующего использования в интересах лиц, получивших государственный сертификат на материнский (семейный) капитал, в целях, предусмотренных Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

Приведенное определение материнского (семейного) капитала полностью совпадает по объему с легальным его определением, но, на мой взгляд, обладает рядом преимуществ для уголовно-правовой квалификации, которые заключаются в следующем:

1) данное определение подчеркивает свойство материнского капитала – существование только в виде безналичных денег, что ограничивает вариативность способов его хищения, а также дает возможность более четко определить момент окончания совершения хищения;

2) в определении имеется указание на собственника данного имущества – Российскую Федерацию, а также имеется указание на то, что перечисляются средства материнского капитала по решению должностных лиц Пенсионного фонда РФ. Данные указания позволяют без труда определить, кому причиняется материальный ущерб в результате хищения средств материнского капитала и кто в целях хищения данных средств вводится в заблуждение;

3) данное определение отражает роль государственного сертификата как необходимого условия для получения возможности использования средств материнского капитала;

4) определение подчеркивает целевой характер материнского капитала, что, в свою очередь, указывает на изначально противоправный характер его нецелевого использования.

Разобравшись со спецификой материнского (семейного) капитала как предмета преступного посягательства, необходимо перейти к изучению действий, входящих в объективную сторону преступлений, связанных с его хищением.

Во всех случаях объективная сторона преступлений, связанных с хищением средств материнского капитала, будет выражаться в форме активных действий. Как и у любого другого хищения, виновному необходимо выполнить целый комплекс действий, направленных на изъятие средств из владения собственника и их обращение. Объективную сторону данных преступлений будут составлять только такие действия, которые непосредственно направлены на изъятие самих средств материнского капитала и их обращение в пользу виновного.

Как было сказано выше, материнский капитал может существовать только в виде безналичных денег, что само по себе ограничивает число способов его хищения по сравнению, например, с наличными деньгами.

Рассматриваемым в данной статье способом хищения средств материнского капитала является обман. Во всех случаях обман будет выражаться в совершении активных действий, связанных с подачей в соответствующий орган Пенсионного фонда России заявления установленного образца о распо-

ряжении средствами материнского капитала с прилагаемыми к нему документами, поскольку только в результате удовлетворения такого заявления средства материнского капитала перечисляются либо на счет заявителя, либо на счет указанного им лица. Очевидно, что в заблуждение относительно наличия оснований для распоряжения средствами материнского (семейного) капитала вводятся должностные лица Пенсионного фонда России, поскольку только им даны полномочия по одобрению заявлений о распоряжении, после которого и производится перечисление денежных средств. Все действия виновных лиц, совершенные до подачи заявления о распоряжении средствами материнского капитала, даже если они сопряжены с обманом должностных лиц Пенсионного фонда, не могут расцениваться как начало реализации объективной стороны преступления. Такие действия, как, например, незаконное получение государственного сертификата или заключение мнимой сделки купли-продажи квартиры, сами по себе без подачи полученных в результате этих действий документов с заявлением о распоряжении средствами материнского капитала в Пенсионный фонд не могут побудить сотрудников Пенсионного фонда принять решение о подаче заявки на получение денежных средств из федерального бюджета и направлении этих средств куда-либо. Указанные действия при определенных условиях могут быть квалифицированы как приготовление к совершению преступления.

Можно выделить два основанных вида обмана, типичных для рассматриваемого нами хищения. Первый вид – это подача заявления о распоряжении средствами материнского капитала с приложением незаконно полученного (или ставшего недействительным после его получения) сертификата на материнский капитал. Второй вид – это подача заявления о распоряжении средствами материнского капитала на оплату мнимой сделки. Также возможно их сочетание. Безусловно, возможны и иные частные случаи обмана, используемые для хищения средств материнского капитала, например предоставление ложных сведений о наличии объекта индивидуального жилищного строительства, осуществляемого гражданами без привлечения организации, но они менее распространены по причинам, которые были указаны в настоящей статье ранее.

В первом из указанных выше виде обмана сотрудники Пенсионного фонда вводятся в заблуждение относительно наличия оснований для получения лицом дополнительных мер государственной поддержки, во втором виде они вводятся в заблуждение относительно соответствия целей расходования средств, выделяемых в качестве такой государственной поддержки, целям, указанным в Федеральном законе.

Определенную сложность на практике представляет вопрос о том, кому причиняется ущерб в результате хищения средств материнского капитала. Во многих случаях правоприменители приходили к выводу о том, что ущерб в результате хищения средств материнского капитала причиняется не бюджету Российской Федерации, а соответствующему Управлению Пенсионного фонда РФ. По моему мнению, с таким выводом согласиться нельзя. Ошибочность данного вывода становится очевидной после анализа положений ст. 9 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и Правил перевода средств материнского (семейного)

капитала из федерального бюджета в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 20 июля 2007 г. № 457 [4]. Данные нормативные акты предусматривают только один способ перечисления денежных средств материнского капитала из бюджета РФ в бюджет Пенсионного фонда. Первым шагом, направленным на перечисление средств материнского капитала из федерального бюджета РФ в бюджет Пенсионного фонда, является одобрение Пенсионным фондом заявления владельца государственного сертификата о распоряжении средствами материнского капитала, после этого Пенсионным фондом в Министерство финансов РФ направляется заявка установленного образца, в которой указываются цели использования данных средств. На основании таких заявок осуществляется перевод средств со счета органа Федерального казначейства, в котором Министерству финансов Российской Федерации открыт лицевой счет получателя средств федерального бюджета, на счет Пенсионного фонда Российской Федерации, открытый в Центральном банке Российской Федерации по соответствующему коду расходов бюджетной классификации Российской Федерации. В дальнейшем денежные средства перечисляются со счета Пенсионного фонда на банковский счет, указанный владельцем государственного сертификата в приложении к заявлению о распоряжении средствами материнского капитала.

Из приведенного порядка перечисления средств материнского капитала следует, что при хищении средств материнского капитала денежные средства выбывают из владения собственника (из федерального бюджета) именно в результате активных действий, совершенных виновным лицом (подача заявления о распоряжении средствами капитала), которыми он вводит в заблуждение уполномоченных опять-таки собственником (государством) должностных лиц Пенсионного фонда РФ. А поскольку деньги, перечисленные из федерального бюджета в бюджет Пенсионного фонда, могут быть направлены только на счет, указанный в ранее одобренном заявлении о распоряжении средствами материнского капитала, и никуда более, при перечислении денег в бюджет Пенсионного фонда последний не получает возможности использовать данные денежные средства в своих интересах, что, в свою очередь, означает, что какого-либо ущерба в результате списания данных денежных средств со счета Пенсионного фонда самому Пенсионному фонду причинено быть не может. Государству же, напротив, ущерб причиняется, поскольку денежные средства, составляющие материнский капитал, выбывают из федерального бюджета без фактического наступления условий, обозначенных собственником как основания их расходования, т.е. вопреки воле собственника.

В заключение хотелось бы сказать, что я не ставил своей целью осветить все вопросы, связанные с уголовно-правовой квалификацией незаконных действий с материнским (семейным) капиталом. Эта тема слишком обширна для того, чтобы уместить ее в одну статью. Полагаю, что на данную проблему должно быть обращено внимание специалистов в области уголовного права, так как необходимость в ее разработке имеется уже давно, но работа в этом направлении ведется не активно. Хотелось бы надеяться на то, что данная ситуация изменится.

Литература

1. *Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»* от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (в редакции от 28 июля 2012 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. №1. Ст. 19.

2. *Пояснительная записка к законопроекту № 229645-6 «О внесении изменений в статьи 8 и 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. Электрон. дан. М., 2014. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>. Режим доступа: свободный (дата обращения: 18.06.2013).

3. *Приказ Минздравсоцразвития РФ от 18 октября 2011 г. № 1180н «Об утверждении Правил подачи заявления о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал и выдачи государственного сертификата на материнский (семейный) капитал (его дубликата) и формы государственного сертификата на материнский (семейный) капитал»* // Российская газета. 2012. № 58.

4. *Постановление Правительства РФ от 20 июля 2007 г. № 457 об утверждении «Правил перевода средств материнского (семейного) капитала из федерального бюджета в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации»* // Собрание законодательства РФ. 2007. № 30. Ст. 3946.

Arkhipov Andrey V. Tomsk Regional Court (Tomsk, Russian Federation).

THE SUBJECT AND OBJECTIVE SIDE OF FRAUD CONNECTED WITH MISAPPROPRIATION OF THE RESOURCES OF MATERNITY (FAMILY) CAPITAL.

Key words: fraud, subject of misappropriation, maternity (family) capital.

The problems of classification of fraudulent acts connected with misappropriation of the resources of maternity (family) capital

The present article deals with some practical problems of classification of illegal acts connected with the collection of maternity (family) capital; illegal receipt of maternity (family) funds directly by a maternity (family) capital certificate holder and illegal receipt of maternity (family) funds with complicity of either a lending institution or any other organization staff members

Maternity (family) capital as a legal notion was introduced by the Federal law 29.12.2006 № 256-ФЗ "On the supplementary measures of state support of families having children". Alongside the adoption of this law the problem of illegal receipt and use of maternity funds acquired the all-Russian scale. Despite the fact that the history of struggle against illegal operations with maternity capital extends back over 6 years their criminal legal qualification is not undifferentiated and this results in considerable difficulties for law enforcement agencies and courts.

The purpose of the present article is to study both the maternity (family) capital as a possible subject for fraud and the objective side of crimes connected with misappropriation of the resources of maternity (family) capital by fraud. On the basis of the provisions of the above Federal law and a number of subordinate acts the author gives a detailed analysis of a legal definition of maternity (family) capital, determines additional characteristics of maternity (family) capital being of importance for criminal legal qualification of acts connected with misappropriation of these funds.

The author comes to the conclusion that the misappropriation of maternity (family) capital is possible only in the case of active deceit and it the Russian Federation that suffers material damages.

References

1. Federal'nyy zakon «O dopolnitel'nykh merakh gosudarstvennoy podderzhki semey, imeyushchikh detey» ot 29 dekabrya 2006 g. № 256-FZ (v redakzii ot 28 iyulya 2012 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. №1. St. 19.

2. Poyasnitel'naya zapiska k zakonoproektu № 229645-6 «O vnesenii izmeneniy v stat'i 8 i 10 Federal'nogo zakona «O dopolnitel'nykh merakh gosudarstvennoy podderzhki semey, imeyushchikh detey» [Elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy sayt Gosudarstvennoy dumy Federal'nogo sobraniya Rossiyskoy Federazii. Avtomatizirovannaya sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti. Elek-

tron. dan. M., 2014. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>. Rezhim dostu-pa: svobodnyy (data obrasheniya: 18.06.2013).

3. Prikaz Minzdravsozrazvitiya RF ot 18 oktyabrya 2011 g. № 1180n «Ob utverzhdenii Pravil podachi zayavleniya o vydache gosudarstvennogo sertifikata na materinskiy (semeynyy) kapital i vydachi gosudarstvennogo sertifikata na materinskiy (semeynyy) kapital (ego dubli-kata) i formy gosudarstvennogo sertifikata na materinskiy (semeynyy) kapital» // Rossiyskaya gazeta. 2012. № 58.

4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20 iyulya 2007 g. № 457 ob utverzhdenii «Pravil perevoda sredstv materinskogo (semeynogo) kapitala iz federal'nogo byudzheta v byudzheth Pensionnogo fonda Rossiyskoy Federazii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. № 30. St. 3946.

УДК 343.23.01

С.А. Гавриленков

ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВИНЫ И ВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РФ

В настоящей статье рассматривается проблема соотношения конструкций и юридического содержания вины и виновности как дефинитивных категорий уголовного закона. Посредством анализа уголовно-правовых норм выявлено соотношение и различие объемов указанных феноменов с точки зрения их компонентной структуры относительно состава преступления.

Ключевые слова: вина, виновность, состав преступления.

В соответствии с ч. 1 ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния (действия и бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

Согласно науке уголовного права вина есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию [1. С. 160].

Лишь совокупность формы и содержания вины с учетом всех особенностей психического отношения лица к объективным обстоятельствам преступления и его субъективных, психологических причин определяет степень отрицательного отношения лица к интересам общества, проявленного в совершенном лицом деянии, т.е. степень его вины [2. С. 17].

Деяние вменяется человеку в вину, если в нем участвовала его сознательная воля. Для признания человека виновным налицо должны быть два элемента: 1) способность человека понимать им совершаемое и 2) способность его к произвольным действиям [3. С. 253].

Различное сочетание интеллектуального и волевого элементов сознания образует формы вины, которые, как мы знаем, представляют умысел (прямой и косвенный) и неосторожность в виде легкомыслия и небрежности, о чем указано в ст. 25 и 26 УК РФ.

Из анализа продекларированных в ст. 5, 25 и 26 УК РФ положений следует однозначный вывод, что квалификация действий лица как совершившего преступление, возможна исключительно при наличии вины. В любом случае как минимум необходимо наличие определенного психического отношения к совершаемому общественно опасному деянию. Иными словами, вина есть категория субъективная, заключается в определенных интеллектуально-волевых процессах относительно причиняемого вреда.

Кроме того, ч. 2 ст. 5 УК РФ прямо гласит, что объективное вменение, т.е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается.

Следует прояснить смысл, вложенный в данную норму, а именно в понятия «объективное вменение» и «невиновное причинение вреда».

Любое преступление имеет свое проявление в объективной реальности. Например, убийство – это умышленное лишение жизни другого человека ка-

ким-либо способом, т.е., в частности, выстрел из ружья, поражение снарядом патрона и, как следствие, разрушение физиологической целостности организма, что, в свою очередь, влечет смерть; хищение – действия, каким-либо способом направленные на завладение чужим имуществом, в частности с угрозой применения насилия, передача потерпевшим имущества, уменьшение наличного имущества законного владельца.

Проявление преступления, содержащее основную его суть, в науке уголовного права, а недавно и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (ранее избегавшего исключительно научных формулировок) принято называть объективной стороной преступления [4].

Исходя же из принципа вины и доктрины субъективного вменения, само по себе (исходя из вышесказанного) наличие насильственной смерти либо факта изъятия чужого имущества не дает оснований для квалификации действий лица, совершившего общественно опасное деяние с указанными последствиями, как убийство либо как грабеж, т.е. как конкретных преступлений и, более того, как преступлений вообще.

Необходимо установление такого элемента состава преступления, как субъективная сторона, и обязательного признака указанного элемента – вины, т.е. факта особого психического отношения лица к совершенному деянию и наступившим общественно опасным последствиям.

Данная проблема при квалификации преступлений длительное время являлась одной из актуальных в советском, а сейчас и российском уголовном праве.

Разработанная наукой теория квалификации преступлений обращает внимание на то, что форма вины может быть прямо указана в законе, вытекать из смысла употребленных терминов, из указаний в законе на мотив, цель и заведомость либо следовать из систематического толкования закона [5. С. 148].

При этом умолчание о форме вины не снимает вопроса о вине, а лишь требует тщательного выяснения мысли законодателя для установления необходимой для данного состава формы вины [6. С. 206].

В конечном итоге установление как формы и вида вины, так и факультативных признаков данного элемента состава необходимо для отграничения преступления от непроступного поведения, квалифицированного состава от основного, а также разграничения так называемых смежных составов.

Бесспорно, вина должна устанавливаться по отношению ко всем юридически значимым обстоятельствам преступления, являющимся признаками соответствующего состава преступления или отягчающим наказание [7. С. 80].

Так каково же содержание вины, что представляет собой данный феномен как обязательный признак состава преступления по действующему уголовному закону?

Несмотря на очевидную важность и необходимость законодательного закрепления данного обязательного признака состава преступления, содержание, вкладываемое законодателем в термин «вина», в действующем УК РФ прямо не раскрывается. В законе установлен лишь принцип вины,

который предполагает возможность наступления уголовной ответственности при наличии последней, исключая ответственность за невиновное причинение вреда.

Данное положение вызывает научные споры, а также порождает проблему содержания вины, не говоря о бытовом ее понимании, что не менее важно, учитывая тот факт, что уголовный закон принимается не научным сообществом, а представительными законодательными органами для общества в целом. Как любая иная отрасль права, УК призван регулировать общественные отношения в своей сфере. Смысл данного юридического термина должен быть прост и понятен как для правоприменителя, так и для любого субъекта как минимум уголовно-правовых отношений, тем более что в России действуют суды присяжных, на основании решения которых о виновности или невиновности подсудимого суд обязан вынести обвинительный либо оправдательный приговор, в том числе по категории особо тяжких преступлений. Вынесение же приговора по конкретному делу и есть то «высшее» предназначение любых категорий уголовного закона как отдельно, так и в своей системе, которые не должны существовать сами по себе в виде сложных «элитно-научных» абстракций.

Показателен результат анкетирования, проведенный автором среди студентов 1-го курса Северо-Восточного государственного университета, в соответствии с учебной программой еще не приступивших к изучению уголовного права. Соответственно полученные данные объективны, свободны от «навязанных» учебным процессом юридических установок и являются по сути бытовым пониманием поставленных в анкете вопросов о юридическом содержании вины и виновности.

Фактически все анкетированные пояснили, что вина является эмоциональным негативным переживанием субъекта по предмету уже свершенного проступка (чувство вины), а виновность – это доказанность факта совершения проступка конкретным лицом. Нетрудно заметить склонность бытового мышления к объективному вменению, отсутствие хотя бы упоминания об интеллектуальных и волевых обстоятельствах в момент совершения деяния¹.

В этом свете интересно мнение анкетированных студентов того же вуза, но учащихся 5-го курса, которые отметили, что виновность – это совокупность субъективных и объективных обстоятельств, обосновывающих осуждение лица. Иными словами, виновность предлагается уже с учетом наличия умысла или неосторожности, но все равно неразрывно с доказанным фактом совершения этим лицом деяния².

Для иллюстрации актуальности, а более точно, архиважности и «зрелости»(!) проблемы, обусловленной вышеизложенными причинами, возможно проанализировать уголовно-процессуальный закон РФ, который

¹ Анкетирование от 13 декабря 2010 г., группа Ю-01 дневного отделения социально-гуманитарного факультета СВГУ, специальность «Юриспруденция».

² Анкетирование от 9 декабря 2010 г., группа Ю-61 дневного отделения социально-гуманитарного факультета СВГУ, специальность «Юриспруденция».

регламентирует апогей уголовной ответственности, ее важнейшую стадию – назначение наказания.

Исходя из бесспорного посыла, что процессуальное право – это форма применения права материального, следует вывод об идентичности содержания дефинитивных категорий данных отраслей.

Действительно, трудно предположить, что система, в которой форма существования явления, в частности процесс правоприменения, находится в противоречии со своим содержанием (материальными нормами), объективно способна существовать.

В соответствии с ч. 1 ст. 338 УПК РФ судья с учетом результатов судебного следствия, прений сторон формулирует в письменном виде вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, зачитывает их и передает сторонам [8].

Следует обратить внимание на содержание данных вопросов, предусмотренных ст. 339 УПК РФ, какие обязательные признаки явления должны найти свое подтверждение, чтобы индивид был признан субъектом, подлежащим уголовной ответственности.

Так, явление, причинившее вред общественным отношениям и подлежащее оценке как преступление, законодателем характеризуется тремя обязательными компонентами:

1) доказано ли, что деяние имело место, другими словами, имело ли место поведение, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания (полагаем, законодателем в данном случае вложен более широкий смысл в термин «деяние», понимаемый как описанные в диспозиции признаки объективной стороны; в формальных составах непосредственно деяние, соответственно в материальных также указанный в диспозиции вред);

2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый, т.е. факт, что именно конкретное физическое лицо, представшее перед судом, объективно своим поведением причинило вред охраняемой законом ценности;

3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния.

Таким образом, конструкция данной нормы предполагает, что виновность как смысловой юридический термин в своей сути не несет обсуждения правоприменителем вопроса о наличии деяния и его совершения конкретным лицом, так как данные стороны преступления, как явления действительности, подлежат обсуждению в первом и втором вопросе. Тогда какой смысл законодателем вложен в третий вопрос: что есть содержание этого понятия, какие признаки феномена «виновность» подлежат обсуждению теми же присяжными?

Как содержание состава преступления, так и его обязательного признака – вины, а также значение термина «виновность» возможно установить исключительно из системного анализа норм уголовного и уголовно-процессуального закона, используя в том числе грамматическое толкование, уясняя смысл юридического текста исходя из орфографии, синтаксиса и морфологии русского языка, на котором изложен текст обоих федеральных законов. Исходя из посыла, что нормы уголовного закона всегда есть система необходимых компонентов, устанавливая содержания

вины, необходимо использовать систематическое и логическое толкование текста уголовных норм.

При отсутствии дефиниции вины, раскрывающей ее структуру и содержание, смысл последней возможно раскрыть путем анализа нормы о формах вины. Так, в ч. 1 ст. 24 УК указано, что виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности.

Можно предположить, что слово «виновный» является производным от «вина», является высказыванием законодателя и обозначает наличие вины как качества у субъекта. Исходя из логики высказываний, высказывание является формой отражения объективной реальности в человеческом сознании, отражает объективную связь между явлениями и бывает различных типов. Мы говорим об объективной связи между явлениями, если определенным явлениям присущи определенные признаки [9. С. 40]. Виновный и вина есть «объективное отношение». Соответственно термин «виновность», как производное от «вина», может обозначать форму явления, в любом случае наполненную либо умыслом, либо неосторожностью. Высказывалось мнение, что наука уголовного права предусматривает такие признаки преступного деяния (действия или бездействия), как: а) общественная опасность, б) уголовная противоправность, в) виновность, г) аморальность, д) уголовная наказуемость. Таким образом, предлагалось, что виновность (т.е. наличие вины – умысла или неосторожности¹) – необходимый конструктивный признак преступления [10. С. 38].

Тогда на первый взгляд вина никаким иным образом существовать или, другими словами, нести иной смысл своего содержания не может. Виновность может принимать форму либо умысла, либо неосторожности, полностью наполняясь ими, так как форма лишь способ, идеальный образ существования явления, его признак, прямо относящийся к явлению и характеризующий его, не существующий самостоятельно априори.

Данный вывод подтверждается и вышеприведенным анализом части первой нормы процессуального закона о постановке вопросов присяжным заседателям, отграничившей объективные обстоятельства (наличие деяния и его совершение субъектом) от виновности. А, как известно, если состав преступления как система состоит из четырех исчерпывающих и необходимых элементов, исключив из конструкции состава преступления объективные признаки и элемент «субъект», в остатке получим признак субъективный – вина, что безусловно следует из анализа ч. 1 ст. 339 УПК РФ.

Казалось бы, данная норма прямо подтверждает наш первоначальный вывод об узком, не бытовом содержании вины, только как умысел либо неосторожность, по крайней мере не включающем в себя объективных признаков – вида вреда, способа его причинения, а также привязки причиняющего поведения к конкретному индивиду.

Однако противореча своей же логике разграничения объективных и субъективных признаков, имеющей место в ч. 1 ст. 339 УПК РФ, в ч. 2 этой же статьи устанавливается возможность постановки в вопросном листе одного основного вопроса о виновности подсудимого, являющегося, по

¹ Указанное в скобках – не примечание автора, а дословная цитата.

мнению законодателя, соединением вопросов, указанных в части первой настоящей статьи.

Как понимать ход мысли законодателя: является ли это умышленным «скатыванием», как было указано выше, от «элитно-научных» и оторванных в своей сложности от реальности идеальных понятий к устоявшемуся бытовому, «присяжному» пониманию вины либо, по мнению законодателя, виновность и вина, являясь словами однокоренными, не являются разными формами одного и того же смыслового объема, иными словами, содержат различные юридически значимые признаки?

Тем не менее в ст. 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в настоящем кодексе» сущность по сути процессуальной категории «виновный» не раскрывается. Понятно, что это качественный статус подсудимого, позволяющий суду вынести обвинительный приговор и придать виновному статус осужденного. Но что вкладывается в эту дефиницию?

Исходя из смысла уголовно-процессуального закона, можно сделать вывод, что юридические категории «вина» и «виновный» не являются однозначными по значению. Исходя из ч. 2 ст. 339 УПК РФ, последнее понятие понимается законодателем как более широкое по объему, не совпадающее с первым и не охватывающее полностью явление «виновный» как качественный признак исключительно субъективных юридически значимых свойств субъекта. В соответствии с буквой и смыслом процессуального закона «виновен» нельзя истолковать иначе, чем как сложное составное понятие, включающее в себя отражение всех необходимых элементов состава преступления, т.е. кроме наличия непосредственно вины в форме умысла либо неосторожности, предполагающее наличие факта деяния, причинившего вред и совершенного подсудимым.

Представляется, что процессуальный закон никоим образом не противоречит закону материальному, вкладывая различный смысл в категории «вина» и «виновность».

Полагаем, категория «вина» есть законодательно закрепленная, не привязанная к конкретным объективным явлениям идеальная модель психических интеллектуально-волевых процессов, в форме умысла либо неосторожности находящаяся в статике, не наполненная объективным содержанием отдельного случая. В то время как виновность или невиновность есть форма существования вины в динамике, когда интеллектуальные и волевые процессы субъекта протекают относительно совершенного им деяния. Иными словами, вина сама как признак состава может существовать исключительно как идеальная модель, реально же, как юридическая категория, – только относительно объективного, запрещенного законом поведения. В этом смысле вполне обоснованно виновным в соответствии со ст. 24 УК РФ признается не лицо, обладающее умом либо неосторожностью, а совершившее деяние с указанными признаками.

В данном контексте вполне справедлива установка, что необнаруженные злые помыслы ... подлежат суду Божию [11. С. 313].

По закону субъект несет ответственность не за умысел или неосторожность как таковые, а за умышленное или неосторожное совершение преступления. Поэтому уголовно-правовое значение умысел или неосторожность приобретают лишь на этапе их реализации, когда по меньшей мере совершены подготовительные к преступлению действия...¹ [2. С. 75].

Таким образом, виновность есть качественное динамическое состояние вины, присущее субъекту, совершившему деяние в форме умысла либо неосторожности. Виновность – понятие составное, по объему большее, чем вина, и включающее в себя вину как элемент состава. Виновность по большому счету объективно не есть категория материального права и присуща субъекту как стадия динамического видоизменения статуса лица, совершившего преступление.

Иными словами, «виновность» либо «невиновность» есть формы существования вины, т.е. асоциальных в данном конкретном случае интеллектуальных и волевых процессов относительно юридически значимых признаков деяния и его последствий, что соответствует принципу *cogitationis poenam nemo patitur*².

Исходя из вышеизложенного, следует различать вину как обязательный признак субъективной стороны состава преступления и виновность как качество субъекта преступления, не исчерпывающееся лишь наличием вины.

Литература

1. Иногамова-Хегай Л.В., Комиссаров В.С., Парог А.И. Российское уголовное право. Общая часть. М., 2007. 528 с.
2. Дагель П.С., Михеев Р.И. Установление субъективной стороны. Владивосток, 1972. 132 с.
3. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М.: Зерцало, 2004. 451 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
5. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрист, 2004. 302 с.
6. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. 363 с.
7. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2007. 750 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Wolfgang Segeth. Elementare Logik. Berlin: Veb Deutscher verlagder wissenschaften, 1973. 247 S.
10. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 243 с.
11. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М.: Зерцало, 2003. 523 с.

¹ Несколько противоречия своему вышеприведенному суждению о виновности (как умыслу или неосторожности), автор фактически пришел к выводу, что вина – лишь статическая модель, а виновность – субъективное, юридически значимое качество совершающего деяние субъекта.

² Никто не подлежит наказанию за мысли (лат.).

Gavrilencov Sergey A. North Eastern State University (Magadan, Russian Federation).

LEGAL CONTENT OF GUILT AND CULPABILITY IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION.

Key words: guilt, culpability, elements of crime.

The article discloses the concept of guilt as a principle and a fundamental vector of the criminal law in Russia based on the imputation when the nature of crime is determined. The correlation of objective and mental elements of crime as the categories for its determination is given in an available and logical form.

Some intellectual and conative characteristics of a person which prove the presence of mental element of crime in his behavior when he commits the act are emphasized. It is stressed that different combinations of intellectual and conative elements of consciousness form different types of guilt which are known to present the intent (both direct and indirect) and recklessness (flippancy and negligence) mentioned in Articles 25 and 26 of the Criminal Code of the Russian Federation.

According to the conclusion that guilt as an intellectual-conative system is the category of substantive law prescribed by legislators for definite types of behavior with socially-dangerous consequences the author analyzes the correlation of the above system with the concept of guilt in criminal and criminal procedure laws.

As notions of guilt and culpability are not directly disclosed definitions of law it's necessary to examine the norms of both substantial and procedural law using the method of comparison of the form and content of the single process- criminal liability and its grounds.

Taking into account the fact that law doesn't give reasons for its prescriptions when determining the acts and sentencing, the generally accepted thesis that jurisprudence is science but not the caprice of legislators the author interprets the sense of norms and notions and substantiates their logical and scientific validity. He separates the volume and content of guilt and culpability using the techniques of elementary logic. The analysis of semantic meanings of legislators' statements in official documents in the state language forms the basis for the interpretation. By reference to logic, any statement reflects the objective reality in person's consciousness and between phenomena and can be of different types. A guilty person and guilt are an "objective relation". So the term "culpability" can define the form of the phenomenon filled in any case by either intent or recklessness.

The above scientific terms lead to the conclusion about the correlation of guilt and culpability as different notions of crime where guilt is a static category of the legislative model of intellectual-conative processes of a wrongdoer. Culpability is a cumulative subjective aspect of the same person under some definite, prohibited by criminal law form of objective behavior.

The author concludes that culpability is a definite type of objective behavior when a concrete object of criminal law is encroached and when law specifies the form and type of guilt.

References

1. Inogamova-Chegay L.V., Komissarov V.S., Rarog A.I. Rossiyskoe ugovolnoe pravo. Obschaya chast'. M., 2007. 528 s.
2. Dageľ P.S., Micheev R.I. Ustanovlenie sub'ektivnoy storony. Vladivostok, 1972. 132 s.
3. Sergeevich V.I. Lekzii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava. M.: Zerkalo, 2004. 451 s.
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.12.2002 g. № 29 «O sudebnoy prak-tike po delam o krazhe, grabezhe i razboe» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2003. № 2.
5. Kudryavzev V.N. Obschaya teoriya kvalifikazii prestupleniy. M.: Yurist, 2004. 302 s.
6. Traynin A.N. Obschee uchenie o sostave prestupleniya. M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1957. 363 s.
7. Lebedev V.M. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federation. M.: Prospekt, 2007. 750 s.
8. Ugolovno-prozessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federazii. Federal'nyy zakon ot 18 de-kabrya 2001 g. № 174-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25, St. 2954.
9. Wolfgang Segeth Elementare Logik. Berlin: Veb Deutscher verlagder wissenschaften, 1973, 247 s.
10. Dageľ P.S., Kotov D.P. Sub'ektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovlenie. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1974. 243 s.
11. Fel'dshiteyn G.S. Glavnye techeniya v istorii nauki ugovolnogo prava v Rossii. M.: Zerkalo, 2003. 523 s.

УДК 343.241

Ф.В. Грушин

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются современные тенденции в сфере исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Анализируются, с учетом последних изменений действующего законодательства, такие наказания, как принудительные работы, ограничение свободы и обязательные работы.

Ключевые слова: альтернативные наказания, принудительные работы, ограничение свободы, обязательные работы.

Современная политика в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний осуществляется по двум основным направлениям. Во-первых, расширяется круг преступлений, за которые предусмотрены альтернативные наказания. Во-вторых, вводятся новые виды наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Так, например, Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввел новое наказание – принудительные работы. Реализация данного закона, которым было предусмотрено введение с 1 января 2013 г. (а затем и с 1 января 2017 г.) уголовного наказания в виде принудительных работ, на настоящий момент не осуществлена. Связано это с рядом проблем экономического, организационного и правового характера. Согласно официальным данным, к 1 января 2013 г. планировалось создать 8–9 из 30 исправительных центров по всей России, при этом только в отношении трех исправительных центров согласовано место расположения [1. С. 15]. По расчетам Е.В. Пчелкиной, всего на создание 30 исправительных центров, с учетом необходимой штатной численности, потребуется от 2,325 до 2,463 млрд руб. [2. С. 124]. К неутешительным выводам пришел и И. Трунов, считающий, что виртуальные арестные дома дополняются виртуальными исправительными центрами [3].

Следует отметить, что в России уже был замысел по строительству исправительных центров для осужденных к ограничению свободы в соответствии с первоначальной редакцией УК РФ. Большая вероятность, что мы можем столкнуться с очередной проблемой отсутствия средств для их строительства и часть исправительных центров в случае введения в действие принудительных работ будет функционировать как изолированные участки при исправительных учреждениях, что, думается, не в полной мере будет способствовать достижению целей исправления.

Сравнительный анализ гл. 8.1 и ст. 129 УИК РФ позволяет констатировать отсутствие значимых отличий в порядке исполнения наказания в виде принудительных работ в исправительных центрах и условиях отбывания наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях. По мнению про-

фессора В.И. Селиверстова, само содержание принудительных работ вызывает большие сомнения, так как получилось, что это не альтернатива лишению свободы, а самостоятельный вид лишения свободы в полном атрибуте, только с гражданской одеждой и с гражданскими деньгами [4]. Единственным отличием станет то, что к принудительным работам могут быть приговорены и те, кто совершил тяжкие преступления, а сегодня в колонию-поселение направляют лишь тех, кто был осужден за преступления небольшой и средней степени тяжести [5]. В том случае, если принудительные работы все же будут введены в действие, то на стадии их исполнения скорее всего возникнут следующие проблемы.

Во-первых, это поиск объектов работы для осужденных к принудительным работам. Существенной проблемой при исполнении наказания в виде исправительных работ (данное наказание также предусматривает принудительный оплачиваемый труд осужденных) для уголовно-исполнительных инспекций является трудоустройство осужденных. То же самое ожидает и администрацию исправительных центров.

Если рассматривать эту проблему в историческом аспекте, то в СССР в условиях плановой экономики и централизованного обеспечения ее трудовыми ресурсами (в частности, из числа осужденных) рассматриваемый институт был в известной мере эффективным и нес в одном случае профилактические, а в другом, говоря современным языком, – ресоциализирующие начала. Поэтому он занимал подобающее место в системе наказаний, не связанных с лишением свободы. Вместе с тем даже в Советском Союзе с его плановой экономикой и государственными предприятиями возникали проблемы с трудоустройством и низкой заработной платой условно осужденных и условно освобожденных с обязательным привлечением к труду [6. С. 475; 7].

В том случае если этих осужденных все же удастся обеспечить работой, то согласно ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ лица, приговоренные к принудительным работам, привлекаются к труду в организациях любой организационно-правовой формы, соответственно, они могут быть трудоустроены на многочисленные предприятия, где есть потребность в рабочих кадрах. Здесь можно согласиться с Э.В. Лядовым, который предполагает, что большое количество предприятий, на которых будут задействованы осужденные к принудительным работам, в итоге может привести к снижению или даже выходу из-под контроля таких лиц, что в конечном счете приведет к рецидиву [8. С. 52].

В ст. 60.9 УИК РФ определено, что администрациям организаций, в которых работают осужденные к принудительным работам, запрещается увольнять их с работы, за исключением следующих случаев:

- а) освобождение от отбывания наказания по основаниям, установленным уголовным законодательством Российской Федерации;
- б) перевод осужденного на работу в другую организацию или в другой исправительный центр;
- в) замена принудительных работ лишением свободы;
- г) невозможность выполнения данной работы в связи с состоянием здоровья осужденного либо в связи с сокращением объема работ.

Исходя из содержания данной статьи администрации будет практически невозможно уволить осужденного, нарушающего трудовой распорядок, что, естественно, выходит за рамки их экономических интересов.

Во-вторых, к правовым проблемам исполнения принудительных работ следует отнести отсутствие необходимого нормативного регулирования осуществления надзора и контроля за поведением осужденных к принудительным работам.

Следовательно, существует ряд проблем экономического, организационного и правового характера, без разрешения которых нормальное функционирование данного института не представляется возможным.

Помимо принудительных работ, введение в действие которых только планируется, с 2010 г. в Российской Федерации уже реально применяется новый вид альтернативного наказания – ограничение свободы.

Необходимо отметить, что данное уголовное наказание достаточно эффективно вписалось в общую систему наказаний. Численность осужденных к ограничению свободы, состоявших на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, постоянно растет. Вместе с тем по-прежнему остается неразрешенным ряд вопросов, связанных с назначением и исполнением данного вида наказания. Остановимся более подробно на некоторых из них.

1. Несоответствие карательного содержания наказания в виде ограничения свободы его месту в системе уголовных наказаний. Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» должен был изменить его место в иерархической лестнице наказаний, однако законодатель этого не сделал. В связи с этим ограничение свободы по идее законодателя – наказание более строгое, нежели исправительные и обязательные работы. Однако ограничение свободы в настоящее время – более мягкий вид уголовного наказания, поэтому оно не может находиться под п. «з» ст. 44 УК РФ. На наш взгляд, оно должно занять более высокую ступень в иерархической лестнице наказаний перед обязательными работами. Кроме того, ограничение свободы может назначаться в качестве дополнительного наказания. Как нам представляется, все смешанные наказания по своей репрессивной силе не могут быть жестче основных наказаний.

2. Схожесть ограничения свободы с условным осуждением, а также с институтом административного права – административным надзором.

Анализ содержания УК РФ, УИК РФ, а также Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» показывает, что ограничение свободы, условное осуждение и административный надзор имеют множество схожих черт, а именно:

– связанные с установлением определенных ограничений (изменение постоянного места жительства, работы, учебы, посещение определенных мест, явка в специализированный государственный орган);

– предполагают определенный порядок осуществления надзора (персональный учет и регистрация лиц, вызовы в специализированный государст-

венный орган, наблюдение за соблюдением лицами по месту жительства или пребывания установленных судом ограничений);

– предусматривают привлечение к ответственности за нарушение порядка и условий отбывания соответствующей меры (уклонение от соблюдения ограничений, нарушение общественного порядка, воспрепятствование осужденными осуществлению за ними контроля или надзора).

Таким образом, существует прямая конкуренция норм различных отраслей права, что, на наш взгляд, неправильно, как минимум, с позиций юридической техники.

Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 73 УК РФ при условном осуждении могут быть назначены дополнительные виды наказаний (в том числе и ограничение свободы). Однако в этом случае основное и дополнительное наказания по содержанию правоограничений будут частично или полностью совпадать. В связи с этим необходимо внести изменения в УК РФ о запрете применения ограничения свободы при условном осуждении.

3. Для обеспечения надзора, предупреждения преступлений и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных к ограничению свободы уголовно-исполнительные инспекции вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля.

На основании ч. 1 ст. 60 УИК РФ порядок применения указанных технических средств определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний. К сожалению, данный порядок до настоящего времени не определен. Вместе с тем в ряде регионов Российской Федерации электронные и иные технические средства надзора и контроля применяются. Как показала судебная практика, имеются прецеденты по отказу уголовно-исполнительным инспекциям в замене ограничения свободы на лишение свободы на основании данных электронных средств надзора и контроля, так как отсутствует необходимая правовая база и, кроме того, погрешность приборов достаточно высока для принятия однозначного решения о нарушении условий отбывания ограничения свободы.

4. В соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ установление судом осужденному ограничений на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным. Однако, как показывает практика, некоторые осужденные к ограничению свободы работают за пределами своего муниципального образования и вынуждены после осуждения или терять работу, или нарушать установленное ограничение. Таким образом, с учетом того, что труд является одним из основных средств исправления, следовало бы исключить данное ограничение из перечня обязательно устанавливаемых судом.

Таким образом, на основании изложенного вопросы правового регулирования и практики применения ограничения свободы требуют дальнейшего научного и практического рассмотрения и анализа.

Более успешным с точки зрения реализации на практике является такой вид альтернативного наказания, как обязательные работы. Данный вид наказания появился в отечественной правовой системе вместе с принятием в

1996 г. УК РФ. Однако до 2005 г. данное наказание не назначалось и, следовательно, не исполнялось. Связано это было с несколькими причинами, в первую очередь с отсутствием механизма исполнения обязательных работ и недостаточно развитой правовой базой. Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. № 177-ФЗ «О введении в действие положений Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ о наказании в виде обязательных работ» в Российской Федерации было введено в действие уголовное наказание в виде обязательных работ. Данное наказание пришло в отечественную правовую систему из зарубежных стран, где оно известно как «общественные работы».

Сложившаяся с 2005 г. практика назначения и исполнения обязательных работ позволяет сделать вывод о достаточной эффективности данного наказания. Количество лиц, осужденных к обязательным работам и состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях Российской Федерации, постоянно растет. В 2005 г. в уголовно-исполнительных инспекциях Российской Федерации состояли на учете 17 382 осужденных, в 2006 г. – 41 550, в 2007 г. – 54 592, в 2008 г. – 64 167, в 2009 г. – 79 277, в 2010 г. – 96 483, в 2011 г. – уже 112 523 осужденных.

Еще одним критерием эффективности наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, является процент их замены на более строгий вид наказания. По этому параметру обязательные работы также достаточно эффективны. В 2011 г. численность осужденных к обязательным работам, которым наказание было заменено на более строгий вид, составила 10 046, или 8,92 %. Для сравнения – доля осужденных к исправительным работам по аналогичному показателю была 24,41 %.

Таким образом, в настоящее время одним из важнейших направлений уголовной и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации является применение альтернативных уголовных наказаний. Вместе с тем многие принятые в данном направлении решения требуют дальнейшего совершенствования и развития.

Литература

1. Зозуля В.В. Внедрение инновационных способов надзора за осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ // Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 20 сент. 2012 г.). Москва; Рязань: НИИ ФСИН России: Академия ФСИН России, 2012.
2. Пчелкина Е.В. Принцип гуманизма и проблемы его реализации при исполнении наказания в виде лишения свободы. Астрахань: Изд-во «ИП Сорокин Р.В.», 2012. 184 с.
3. Гуманизация российского УК – фикция [Электронный ресурс] // ЗАО «Аксель Шпрингер Раша». 2014. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya-column/vlast/76113-gumanizatsiya-rossiiskogouk-fiktsiya>. Режим доступа: свободный (дата обращения: 22.04. 2014).
4. Группа экспертов Центра на Парламентских слушаниях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lecs-center.org/ru/duma-hearings-171011>. Режим доступа: свободный (дата обращения: 1807.2012).
5. Негуманная гуманизация [Электронный ресурс] / ИДР-Формат. 2013. URL: <http://www.profile.ru/article/negumannaya-gumanizatsiya-60776>. Режим доступа: свободный (дата обращения: 22.04.2014).
6. Иванова А.Т., Артюх А.Г. Характеристика условно осужденных и условно освобожденных, состоящих на учете спецкомендатур. М., 1982. 124 с.
7. Советское исправительно-трудовое право. Особенная часть. Рязань, 1987. 632 с.

8. Лядов Э.В. Принудительные работы: отдельные вопросы законодательной регламентации // Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 20 сент. 2012 г.). Москва; Рязань: НИИ ФСИН России; Академия ФСИН России, 2012.

Grushin Feodor V. Federal Penitentiary Service Academy (Ryazan, Russian Federation).

ALTERNATIVE PENALTIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: DEVELOPMENT TENDENCIES.

Key words: alternative penalties, forced labor, restraint of liberty, compulsory community service.

Current policy in the sphere of infliction and execution of criminal punishments is carried out in two main directions. Firstly, the range of crimes punished by alternative penalties is broadening. Secondly, new types of punishments not connected with imprisonment are being introduced, i.e. forced labor.

According to official statistics it was planned to establish 8-9 out of 30 correctional centers throughout Russia by the 1st of January, 2013 but the location of only 3 of them had been agreed upon. According to the calculations of E.V. Pchelkina the establishment of 30 correctional centers with the staff will require from 2,325 to 2,463 billion rubles. I. Trunov also came to some deplorable conclusions: in his opinion the virtual prisons are supplemented by virtual correctional centers.

There is practically no difference between forced labor in correctional centers and deprivation of liberty in penal settlements.

The absence of normative regulation of supervision and control over the behavior of convicts can be referred to the problems connected with forced labor. The normal functioning of the above institution is impossible without the solution of some economic, organizational and legal problems.

As the introduction of forced labor exists only in the plans for the nearest future, such a new type of an alternative penalty as deprivation of liberty has been used in the Russian Federation since 2010. It's necessary to note that this criminal punishment is effectively used alongside with other punishments. The number of those convicts sentenced to the deprivation of liberty who were registered in the penal enforcement inspections is constantly growing. But still there are some problems connected with the infliction of this punishment.

Such an alternative penalty as compulsory community service is considered to be more effective from the point of its realization in practice. This type of punishment originated in our legal system in 1996 when the Criminal Code of the Russian Federation was adopted. This penalty was not imposed and therefore was not enforced till 2005. But current practice of infliction and enforcement of compulsory community service proves it to be effective. The number of convicts sentenced to compulsory community service and registered in penal enforcement inspections in the Russian Federation is constantly growing. In 2005 there were 17 382 convicts registered in the penal enforcement inspections, in 2006-41 550, in 2007-54 592, in 2008-64 167, in 2009-79 277, in 2010-96 483 and in 2011- 112 523.

Thus, one of the most important focus areas in the criminal and penal policies in the Russian Federation is the use of alternative criminal penalties. Still, many adopted decisions in this connection need further development.

References

1. Zozulya V.V. Vnedrenie innovazionnykh sposobov nadzora za osuzhdennymi, otbyvayuschimi nakazanie v vide prinuditel'nykh rabot // Organizaziya ispolneniya ugovolnogo nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot: sb. materialov nauch.-prakt. konf. (Moskva, 20 sent. 2012 g.). Moskva; Ryazan': NII FSIN Rossii; Akademiya FSIN Rossii, 2012.

2. Pchelkina E.V. Prinzip gumanizma i problemy ego realizazii pri ispolnenii nakaza-niya v vide lisheniya svobody. Astrachan': Izd-vo «IP Sorokin R.V.», 2012. 184 s.

3. Gumanizaziya rossiyskogo UK – fikziya [Elektronnyy resurs] // ZAO «Aksel' Shprin-ger Rasha». 2014. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya-column/vlast/76113-gumanizatsiya-rossiyskogouk-fiktsiya>. Rezhim dostupa svobodnyy (data obrascheniya: 22.04. 2014).

4. Grupa ekspertov Zentra na Parlamentskich slushaniyach [Elektronnyy resurs] / URL: <http://www.lecs-center.org/ru/duma-hearings-171011>. Rezhim dostupa: svobodnyy (data obrascheniya: 1807.2012).

5. Negumannaya gumanizaziya [Elektronnyy resurs] / IDR-Format. 2013. URL: <http://www.profile.ru/article/negumannaya-gumanizatsiya-60776>. Rezhim dostupa: svobodnyy (data obrascheniya: 22.04.2014).
6. Ivanova A.T., Artyuch A.G. Charakteristika uslovno osuzhdennykh i uslovno osvobozhdennykh, sostoyaschikh na uchete spezhkomendatur. M., 1982. 124 s.
7. Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo. Osobennaya chast'. Ryazan', 1987. 632 s.
8. Lyadov E.V. Prinuditel'nye raboty: ot del'nye voprosy zakonodatel'noy reglamentatsii // Organizatsiya ispolneniya ugolovnoy nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot: sb. materialov nauch.-prakt. konf. (Moskva, 20 sent. 2012 g.). M.; Ryazan': NII FSIN Rossii: Akademiya FSIN Rossii, 2012.

УДК 343. 241

А.О. Долматов

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ВОСПИТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОДЛЕЖАЩИЕ УЧЕТУ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ

В статье раскрываются обстоятельства, характеризующие условия жизни и воспитания несовершеннолетних, совершивших преступления, учет которых имеет перво-степенное значение при назначении уголовного наказания, а также уголовно-правовое значение этих обстоятельств для назначения уголовного наказания несовершенно-летним.

Ключевые слова: социализация, воспитание, учет обстоятельств, семья, школа.

Согласно ст. 89 УК РФ при назначении наказания несовершеннолетнему кроме обстоятельств, предусмотренных ст. 60 настоящего Кодекса, учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц. Какие же обстоятельства, характеризующие условия жизни и воспитания несовершеннолетних, следует признать в качестве значимых для назначения им уголовного наказания? Представляется, что в характеристике условий жизни и воспитания несовершеннолетних преступников следует отталкиваться от основных институтов социализации личности – социальных групп, составляющих ближайшее окружение индивида и выступающих в качестве носителей различных норм и ценностей, задающих систему внешней регуляции поведения индивида [1. С. 54]. Поскольку поведение несовершеннолетних, в том числе преступное поведение, обусловлено воздействием социальной среды [2. С. 11], необходимо рассматривать условия этой среды исходя из положений теории социализации личности, в рамках которой изучается воздействие социальной среды на формирование личности несовершеннолетнего.

Социализация трактуется в социальной психологии как процесс и результат социального развития человека, усвоения и воспроизводства индивидом социального опыта, осуществляемого в общении и деятельности [3. С. 84]. И.С. Кон указывал, что социализация представляет собой процесс усвоения индивидом определенной системы социальных ролей и культуры [4. С. 101].

В социальной психологии признается, что социальное становление человека происходит в разных социальных группах. Семья, школа, компания сверстников – те группы, в которых осуществляется социализация несовершеннолетних лиц в возрасте 14–18 лет. Данные группы, задающие систему внешней регуляции поведения индивида, называются институтами социализации [1. С. 54].

Рассмотрим обстоятельства, характеризующие условия жизни и воспитания несовершеннолетних по блокам, выделенным на основе главных институтов социализации несовершеннолетних: 1) учет обстоятельств, характери-

зующих условия жизни и воспитания в семье несовершеннолетнего; 2) данные об условиях жизни и воспитания в образовательном учреждении и по месту работы; 3) сведения о круге общения подростка, малых неформальных группах сверстников.

Уголовно-правовое значение данных о семье несовершеннолетнего выражается в следующих обстоятельствах, которые должны учитываться судом при выборе вида уголовного наказания:

1. *Обстоятельства, характеризующие отрицательное воздействие на несовершеннолетнего обстановки в его семье:*

– родители ведут асоциальный образ жизни, не работают, имеют алкогольную и (или) наркотическую зависимость, в силу этих причин не занимаются воспитанием ребенка;

– отношения между родителями резко негативные, конфликтные, родители негативно относятся к процессу воспитания детей;

– положительные эмоциональные контакты между родителями и детьми отсутствуют;

– материально-бытовые условия в семье недостаточны для обеспечения основных потребностей несовершеннолетнего.

При наличии перечисленных обстоятельств суду следует исходить из целесообразности оставления несовершеннолетнего в негативных условиях семейного окружения, использовать предусмотренную уголовным законом возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия. При назначении наказания условно несовершеннолетний будет оставаться в тех же условиях, которые являются мощным стимулом его дальнейшей асоциализации и препятствуют исправлению и предупреждению совершения им новых преступлений.

2. *Данные о семье, характеризующие положительное воздействие на несовершеннолетнего обстановки в семье:*

– полная семья, в которой родители состоят в брачных отношениях;

– благоприятные взаимоотношения родителей между собой и ребенком, наличие между ними положительных эмоциональных контактов, положительное отношение родителей к процессу воспитания;

– достаточные для удовлетворения основных потребностей ребенка материально-бытовые возможности семьи.

В случае наличия перечисленных обстоятельств суду при выборе вида уголовного наказания следует исходить из целесообразности назначения таких видов уголовного наказания, которые не предполагают изъятие несовершеннолетнего из семейного окружения, т.е. наказаний, альтернативных лишению свободы. При этом в первую очередь следует рассматривать целесообразность назначения таких видов уголовного наказания, которые предполагают возможность возложения на осужденного дополнительных обязанностей, увеличивающих воспитательный потенциал семьи: ограничение форм досуга, запрет покидать место жительства после определенного времени и др.

Уголовно-правовое значение информации об образовательном учреждении, в котором обучается несовершеннолетний, выражается в следующих

обстоятельствах, которые подлежат учету при назначении уголовного наказания:

1. *Данные об образовательном учреждении, характеризующие положительное воздействие на несовершеннолетнего, совершившего преступление:* устоявшиеся положительные взаимоотношения несовершеннолетнего, совершившего преступление, с другими учащимися, педагогами, преобладание положительных эмоциональных контактов.

При выявлении подобных фактов суду следует избегать назначения таких видов наказания, как исправительные и обязательные работы, которые могут помешать процессу обучения, уменьшить контакт несовершеннолетнего с тем институтом социализации, который оказывает на него мощнейшее положительное воспитательное воздействие.

2. *Данные об образовательном учреждении, характеризующие отрицательное воздействие на несовершеннолетнего, совершившего преступление:* преобладание в межличностном общении несовершеннолетнего с другими учащимися и педагогами отрицательных эмоциональных контактов, отчуждение его от коллектива учащихся.

3. *Данные о месте работы, характеризующие отрицательное воздействие на несовершеннолетнего, совершившего преступление:* негативное влияние взрослых лиц в трудовом коллективе.

Изложенная характеристика обстоятельств условий жизни и воспитания несовершеннолетних, их значение для выбора вида и размера уголовного наказания может быть использована в качестве рекомендательного материала для судей и работников правоохранительных органов.

Для обеспечения возможности полного и всестороннего учета условий жизни и воспитания несовершеннолетнего при назначении ему уголовного наказания обстоятельства, характеризующие эти условия, должны быть конкретизированы и закреплены в ст. 89 УК РФ. До тех пор пока этого не произойдет, у судей не может быть четкого представления о том, что именно следует понимать под условиями жизни и воспитания и учитывать при назначении наказания, а значит, предписание ч. 1 ст. 89 УК РФ не будет выполняться.

Представляется, что перечень подлежащих учету обстоятельств должен быть закреплен в ст. 89 УК РФ в следующей редакции:

«3. Сведения, характеризующие условия жизни и воспитания несовершеннолетних: данные о семье (при условии ее наличия), об образовательном учреждении (если несовершеннолетний является учащимся), о месте работы (в случае трудоустроенности), группах неформального общения».

Кроме того, в ст. 89 УК РФ должно содержаться указание на необходимость отражения в приговоре сведений, характеризующих условия жизни и воспитания и их влияние на выбор вида и размера уголовного наказания.

Учет указанных обстоятельств должен выражаться в следующем: если установлено, что условия жизни и воспитания несовершеннолетнего оказывают на него отрицательное воздействие и в конечном итоге способствуют совершению преступлений, но изменение этих условий в положительную сторону не представляется возможным, более целесообразным (и гуманным) является назначение наказания в виде лишения свободы, поскольку примене-

ние альтернативных лишению свободы видов наказаний предполагает оставление несовершеннолетнего в условиях, способствующих совершению несовершеннолетним повторных преступлений, дальнейшей десоциализации несовершеннолетнего и уменьшению возможности его исправления.

Однако если остается возможность для изменения в положительную сторону условий жизни и воспитания несовершеннолетнего в семье, в школе, при назначении наказания следует исходить из противоположных позиций. Иными словами, назначение в такой ситуации наказания в виде лишения свободы представляется нецелесообразным.

Аналогично следует рассматривать вопрос о необходимости применения наказания в виде лишения свободы. Тот факт, что условия жизни и воспитания несовершеннолетнего в целом являются положительными, сам по себе является обстоятельством, исключающим целесообразность назначения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Литература

1. *Социальная психология* / под ред. Е.В. Андриенко. М.: Академия, 2008. 262 с.
2. *Антоян Ю.М.* Личность преступника. Криминологическое исследование. М.: Норма, 2010. 366 с.
3. *Социальная психология* / под ред. А.Л. Журавлева, В.Л. Соснина, М.А. Красникова. М.: Форум Инфра-М, 2006. 414 с.
4. *Кон И.С.* Социология личности. М.: Изд-во полит. лит., 1967. 383 с.

Dolmatov Aleksandr O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

CIRCUMSTANCES CHARACTERIZING THE CONDITIONS OF LIFE AND UPBRINGING OF JUVENILE OFFENDERS TAKEN INTO ACCOUNT WHEN PUNISHMENT IS IMPOSED.

Key words: socialization, upbringing, consideration of circumstances, family, school.

Nowadays, juvenile crimes present a great problem for both the state and civil society. Despite statistics on some decline of juvenile crimes the share of grievous violent crimes and narco-trafficking crimes is growing. The number of repeated crimes committed by juveniles is constantly high.

The purpose of this article is to reveal the circumstances characterizing the conditions of life and upbringing of juvenile offenders taken into account when punishment is imposed on them. In the course of research the author used a dialectical method of cognition. The analysis of some legislative provisions was done with the help of a formal logical method. The method of legal modelling was used to study the possibility of development of circumstances when punishment is imposed on juveniles.

According to Article 89 of the Criminal Code of the Russian Federation while punishing a juvenile it's necessary to take into account both the circumstances provided in Article 60 and the conditions of his life and upbringing, the level of mental development, some personal traits and the influence on him of those who are older. The following questions arise in this connection: What circumstances characterizing the conditions of life and upbringing of juveniles are considered to be important for imposing a criminal punishment on them? What are the characteristics of life conditions and upbringing of juveniles based on?

The circumstances characterizing the conditions of life and upbringing to be taken into account while punishing juveniles are substantiated in the article and their legal significance has been revealed. The argumentation for the necessity of taking into account the above circumstances results from the fact that it's up to the institutions of socialization: family, school and a group of coevals to characterize juveniles.

The possibility of changing the conditions of life and upbringing is a key circumstance when punishment is imposed. In other words, if it has been established that the conditions of life and upbringing influence a juvenile in a wrong way and finally encourage him to commit crimes but they cannot be changed for the better it's more appropriate (and humane) to imprison him. If there is any chance to

change his conditions of life and upbringing in the family and school for the better, the court should be guided by opposite opinions.

References

1. Sozial'naya psichologiya / pod red. E.V. Andrienko. M.: Akademiya, 2008. 262 s.
2. Antonyan Yu.M. Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psichologicheskoe issledovanie. M.: Norma, 2010. 366 s.
3. Sozial'naya psichologiya / pod red. A.L. Zhuravleva, V.L. Sosnina, M.A. Krasnikova. M.: Forum Infra-M, 2006. 414 s.
4. Kon I.S. Soziologiya lichnosti. M.: Izd-vo polit. lit., 1967. 383 s.

УДК 343.14

В.К. Зникин

РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ВЕКТОР ОПТИМАЛЬНОГО ЕГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривается раскрытие преступления как уголовно-процессуальная, криминалистическая и оперативно-розыскная категория. Анализируются особенности криминалистического и оперативно-розыскного аспектов раскрытия преступления. Формулируются предложения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: раскрытие преступления, расследование преступления, оперативно-розыскная деятельность.

Одними из основных причин существующего до сих пор неблагоприятного положения в борьбе с преступностью являются недостатки в организации взаимодействия следователей, органов дознания и субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также несистемный обмен оперативной и доказательственной информацией между ними. Факторами, сдерживающими проведение активных, наступательных оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий по добыванию оперативной информации из криминальной среды, являются осторожность, а порой просто нерешительность из-за опасения возможной угрозы собственной безопасности органа и личной безопасности или расшифровки оперативного сотрудника, боязнь быть признанными общественностью и средствами массовой информации нарушителями прав граждан.

В повседневной работе правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений связь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса должна выражаться в различных формах взаимодействия оперативных сотрудников и следователей. Методологической основой использования результатов оперативно-розыскной деятельности в интересах уголовного процесса должны служить положения теории познания, связанные с такими категориями, как собирание, проверка и оценка результатов оперативно-розыскной деятельности, используемыми в уголовно-процессуальной деятельности в качестве доказательств либо ориентирующей информации [1. С. 5]. Это предполагает необходимость более глубокого осмысления вопросов соотношения и взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса в вопросах доказывания.

Получение фактической оперативной информации и, самое важное, использование ее в доказывании по уголовному делу, в том числе и в качестве ориентирующей, является реальным вектором развития взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса при раскрытии преступлений на этапе предварительного расследования.

Раскрытие преступления представляется как процесс познания его сущности, который развивается от обнаружения отдельных признаков преступ-

ления к установлению всех присущих ему юридически значимых фактов. Следы преступления, трансформируясь в форму доказательств, являются средством расследования преступления, но требуется затратить немало усилий по их отысканию и фиксации. Ситуационный анализ практики раскрытия и расследования преступлений показывает, что поисково-познавательная деятельность следователя и оперативного сотрудника хотя и преследует такую общую цель, как установление истины по уголовному делу, однако может развиваться в различных направлениях. Например, даже само понятие «раскрытие преступления» оценивается следователем и оперативным сотрудником по-разному [2. С. 7].

В уголовно-процессуальной деятельности следователей раскрыть преступление означает, прежде всего, доказать наличие в том или ином деянии события преступления, а уже затем собрать доказательства, подтверждающие факт совершения преступления определенным лицом. Поэтому очевидно, что при определении уголовно-процессуальной сущности понятия «раскрытие преступления» нужно опираться на положения уголовного права и теории доказательств. Тогда, будучи результатом доказывания, раскрытие выразится в установлении всех элементов состава преступления, подлежащих доказыванию. Именно в этом и будет заключаться сущность раскрытия преступления.

С учетом изложенного под раскрытием преступления в уголовном процессе следует понимать установление путем доказывания времени, места, способа совершения преступного деяния, лица, совершившего это деяние, и его виновности, а также других обстоятельств, поскольку они относятся к составу преступления. Полное раскрытие преступления означает установление всех его эпизодов и всех лиц, виновных в его совершении [3. С. 187].

Трудно не согласиться с мнением В.К. Гавло, что нельзя раскрыть преступление, не расследовав его [4. С. 31]. Приведенное требование является главным оценочным показателем взаимодействия и координации следственных и оперативно-розыскных подразделений, так как по большому счету активность оперативных сотрудников должна быть высокой на всех стадиях движения уголовного дела, что подразумевает оперативно-розыскное сопровождение уголовного судопроизводства в целом.

В то же время получается парадокс. Полагая, что нельзя раскрыть преступление, не расследовав его, мы становимся заложниками непреодолимой проблемы. Следует согласиться с тем, что расследование необходимо и без него конкретный процессуальный результат установления виновного лица невозможен. Между тем это тоже всего лишь промежуточный результат, так как впереди судебное разбирательство. Непреодолимость будет заключаться в следующем. Раскрытие преступления и учет раскрытых преступлений – это не одно и то же. Виновность конкретного лица в совершении преступления устанавливает суд. Значит, до этого момента названное лицо нельзя назвать преступником, т.е. тем, кто совершил преступное деяние. Но ведь расследование преступления окончено, обвинительное заключение утверждено прокурором и уголовное дело направлено в суд. Следовательно, преступление может быть учтено как раскрытое согласно инструкции, утвержденной Генеральным прокурором РФ и министром внутренних дел РФ, между тем в ре-

зультате судебного разбирательства может быть достигнут результат, не совпадающий с результатами предварительного расследования частично или полностью, тогда как по учетам дело прошло как раскрытое, но расследование не решило до конца задачу раскрытия преступления.

Представляется, что раскрытие преступления – это криминалистическая и оперативно-розыскная категория, которая определяет вектор оптимального расследования преступления. При этом учет раскрытых или нераскрытых преступлений, если лицо, подозреваемое в совершении указанного деяния, было установлено, должен вестись по осужденным и оправданным лицам за недоказанностью их виновности.

По мнению Ю.К. Якимовича, в сфере уголовного судопроизводства раскрытие преступления выступает не как процессуальная функция, а как одна из его задач по уголовному преследованию и защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [5. С. 4]. С ним не согласен В.А. Азаров, который считает, что задача раскрытия и предупреждения преступлений изъята из законодательных формулировок УПК РФ. При этом он категоричен в своих суждениях относительно субъектов раскрытия преступлений и утверждает, что «раскрыть преступление можно лишь в рамках расследуемого уголовного дела (выделено В.А. Азаровым. – В.3.), из чего исходит и государственная статистика, учитывающая совершенные и раскрытые преступления» [6. С. 17–18]. Получается парадокс. Задачу на раскрытие преступления не ставим, но утверждаем, что раскрыть можно только в рамках расследуемого уголовного дела.

Следует отметить, что в качестве процессуальной формы раскрытия преступления законодатель определил предварительное расследование. Другой правовой формой раскрытия преступления будет являться оперативно-розыскная деятельность. Не случайно поэтому раскрытие преступлений является одной из задач, стоящих перед оперативно-розыскной деятельностью (ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Для оперативно-розыскной деятельности органов дознания раскрыть преступление – значит собрать с помощью непроцессуальных приемов, средств, методов и соответствующим образом зафиксировать информацию о преступном деянии и лицах, его совершивших [3. С. 186].

Это дает нам основание сказать, что по отношению к уголовно-процессуальной деятельности оперативно-розыскное обеспечение раскрытия преступлений будет носить сопровождающий и обслуживающий характер. Однако использование сил и средств оперативно-розыскной деятельности для быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений является необходимым условием. «Можно сказать, что раскрытие сложного замаскированного преступления, – отмечал В.Г. Танасевич, – практически невозможно без применения оперативно-розыскных мер» [7. С. 39].

Конечно, необходимо учитывать, что уголовно-процессуальное понятие раскрытия преступлений отличается от криминалистического. Во втором случае эта деятельность по расследованию преступления направлена на получение информации, дающей основание для выдвижения версии о совершении преступления определенным лицом после того, как все иные взаимоисключающие ее версии будут проверены и отвергнуты. И здесь раскрытие

преступления – совместная задача следователя и оперативных работников органов дознания [8. С. 180]. Отсюда в криминалистическом аспекте раскрытие преступления – это факультативная тактическая задача расследования по поиску лица, совершившего преступление. Поэтому понятие «раскрытие» применяется в отношении преступлений, совершенных в условиях «неочевидности», т. е. таких, по которым в момент возбуждения уголовного дела неизвестны лица, их совершившие. Если преступление очевидно, т.е. лицо, его совершившее, известно, то задача следователя сводится к осуществлению своих процессуальных функций только по расследованию деяния [9. С. 11–12].

В противоположность этому некоторые авторы считают, что посредством оперативно-розыскной деятельности раскрыть преступления нельзя. Так, А.К. Гаврилов пишет: «Не отрицая важного значения оперативно-розыскных мер в подготовке условий для раскрытия преступлений, мы, тем не менее, полагаем, что преступление раскрывается (устанавливается) не этими мерами, а уголовно-процессуальными. Орган дознания может располагать полной совокупностью сведений о преступлении и преступнике, но в правовом значении преступление в подобных случаях не считается раскрытым» [10. С. 19].

Следует поддержать И.Ф. Пантелеева в том, что если бы автор приведенных выше строк писал о расследовании, а не о раскрытии, то с ним вполне можно было бы согласиться. Действительно, в подобном случае преступление нельзя считать расследованным, хотя оно уже раскрыто. Раскрытие и расследование – понятия не тождественные [11. С. 15]. Первое – категория криминалистическая, второе – категория уголовно-процессуальная. Раскрыть – значит обнаружить, сделать известным, объяснить что-нибудь тайное, неизвестное и т.п. [12. С. 607]. В нашем случае раскрыть преступление – означает выявить все его факультативные признаки и установить лицо, совершившее деяние. При этом, анализируя различные точки зрения относительно содержания раскрытия преступления, можно предложить рассматривать его как поэтапный процесс установления всех необходимых сведений о совершенном преступлении [13. С. 18].

Нельзя не согласиться с мнением В.Е. Корноухова, что оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений – это обусловленная деятельностью следователя та часть оперативно-розыскной работы, которая связана как с координацией, так и взаимодействием методов и средств обоих органов, направленных на установление истины по уголовному делу, и принятие к виновным мер, предусмотренных законом [14. С. 67]. Другими словами, это один из видов взаимодействия следствия и оперативно-розыскных аппаратов, направленных на раскрытие преступлений, являющийся эффективным средством борьбы с преступностью.

Соотношение и взаимосвязь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса в вопросах доказывания регламентируются ст. 89 УПК РФ «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности». Название многообещающее и прогрессивное, но содержание статьи настораживает: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требовани-

ям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Следует согласиться с В.Т. Томиным, М.П. Поляковым и А.С. Александровым [15. С. 55–56], которые считают, что формулировка ст. 89 свидетельствует скорее о регрессе. Ведь в проекте УПК-1 содержание статьи было иным: «Результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные при соблюдении требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями настоящего Кодекса, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств».

И дело даже не в чисто словесной разнице указанных формулировок. Ведь если толковать буквально ст. 89 УПК РФ, то результаты оперативно-розыскной деятельности в виде ориентирующей информации не могут быть использованы ни при собирании доказательств, ни при их проверке и оценке.

Было бы гораздо понятнее, если бы данная статья воспроизвела содержание ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в которой сказано, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения других оперативно-розыскных мероприятий, служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а также использоваться в доказывании по уголовным делам.

Вопрос о наличии права у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на представление доказательств имеет практическое значение. Часть 3 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает, что представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, выполняющего оперативно-розыскную деятельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативно-правовыми актами. Такой нормативно-правовой акт имеется – это Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденная всеми субъектами ОРД в сентябре 2013 г.

Правомерность осуществления оперативно-розыскных мероприятий и возможность использования полученных результатов в процессе раскрытия и расследования преступлений определяется прежде всего по наличию (отсутствию) оснований для проведения таких мероприятий и соблюдению (нарушению) условий при их выполнении. Следует согласиться с В.В. Кальницким, что оперативные подразделения имеют юридическое право на представление доказательств, а неприятие их процессуальными органами должно быть мотивированным [16. С. 67]. При нарушении или отступлении от предписаний законодательных актов, регулирующих основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, результаты их осуществления в интересах уголовного судопроизводства использоваться быть не могут.

Литература

1. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: СПАРК, 1996. 89 с.

2. *Гавло В.К., Воронин С.Э.* Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: учеб. пособие. Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2000. 42 с.
3. *Михайлов А.И.* Проблемы эффективности предварительного следствия // Эффективность применения уголовного закона. М.: Юрид. лит., 1973. С. 181–191.
4. *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. 194 с.
5. *Якимович Ю.К., Пан Т.Д.* Предварительное следствие по УПК РФ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 192 с.
6. *Азаров В.А.* Функциональное содержание и типология современного уголовного процесса России // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 15–23.
7. *Советская криминалистика (теоретические проблемы)*. М.: Юрид. лит., 1978. 192 с.
8. *Белкин Р.С.* Криминалистика: учебный словарь-справочник. М.: Юристъ, 1999. 269 с.
9. *Космодемьянская Е.Е.* Повышение эффективности поиска лиц, совершивших корыстные, корыстно-насильственные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2000. 28 с.
10. *Гаврилов А.К.* Раскрытие преступления. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1976. 207 с.
11. *Пантелеев И.Ф.* Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1980. 89 с.
12. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1972. 816 с.
13. *Лашко Н.И.* Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взятничества и коррупции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. 26 с.
14. *Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В.Е. Корноухов.* М.: Юристъ, 2000. 784 с.
15. *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: вводный.* М.: Юрайт-М, 2002. 387 с.
16. *Кальницкий В.В.* Следственные действия: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Омск: Омская академия МВД России, 2003. 160 с.

Znikin Valery K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

DISCLOSURE OF A CRIME AS A VECTOR OF ITS OPTIMUM INVESTIGATION.

Key words: disclosure of a crime, investigation of a crime, operational-searching activity.

The obtaining of factual operative information and its use in proving a criminal case represent a real vector of development of interconnected operational-searching activity and criminal procedure in the course of crime disclosure at the preliminary investigation stage.

Disclosure of a crime can be understood as a cognitive process that develops from the detection of separate elements of a crime to ascertainment of its inherent legally important facts. Being transformed into the form of evidence, traces of a crime become the investigative means. The situational analysis of the practice of detection and investigation of crimes shows that a searching-cognitive activity of investigators and operating officers can develop in different ways though they both pursue the same objective – ascertainment of the truth in a criminal case. The very notion “disclosure of a crime” is evaluated by investigators differently. In criminal procedural activity of investigators to disclose a crime means to prove, first of all, the existence of a crime and then to collect evidence supporting the fact of commission of the crime by a definite person. Therefore, while defining the criminal procedural essence of the notion “disclosure of a crime” it is necessary to take into account the provisions of criminal law and the theory of evidence. Then, being the result of proof, disclosure will cover the ascertainment of all the elements of a crime to be proved. And this is the essence of disclosure of a crime”.

Disclosure of a crime is a criminalistical and operational-searching category which determines the vector of optimum investigation of a crime. As compared with the criminal procedural activity the operational-searching one has an accompanying and supporting character. The use of forces and means of operational-searching activity for quick and full disclosure and investigation of a crime is a necessary condition. In a criminalistical aspect disclosure of a crime is an optional tactical task to find a person who committed a crime. That is why the notion “disclosure” is used in relation to crimes committed in the conditions of non-obviousness, i.e. when the persons who committed the crime were unidentified when the action was instituted.

The results of operational-searching activity can be used for the preparation and realization of investigative and court actions, for the conduct of other operational-searching measures, they serve as a reason for institution of a case and for proof in criminal cases. If there are violations or departures from legislative acts regulating the grounds for operational-searching measures, the results of such measures cannot be used in the interests of criminal procedure.

References

1. Dolya E.A. Ispoljzovanie v dokazihvanii rezuljtatov operativno-rozihsksnoy deyatelnosti. M.: SPARK, 1996.
2. Gavlo V.K., Voronin S.Eh. Aktualjnihe problemih poiskovo-poznavateljnoy deyatelnosti v sude: ucheb. posobie. Barnaul: BYuI MVD RF, 2000.
3. Mikhayjlov A.I. Problemih ehffektivnosti predvariteljnogo sledstviya // Ehffektivnostj primeneniya ugolovnog zakona. M.: Yurid. lit., 1973. S. 181–191.
4. Gavlo V.K. Teoreticheskie problemih i praktika primeneniya metodiki rassledovaniya otdel-jnihkh vidov prestupleniyj. Tomsk, 1985.
5. Yakimovich Yu.K., Pan T.D. Predvariteljnoe sledstvie po UPK RF. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2002.
6. Azarov V.A. Funkcionaljnoe sodержanie i tipologiya sovremennogo ugolovnog proces-sa Rossii // Pyatjdesyat let kafedre ugolovnog processa UrGYuA (SYuI): materialih Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Ekaterinburg, 27–28 yanv. 2005 g.: v 2 ch. Ekaterinburg, 2005. Ch. 1. S. 15–23.
7. Sovetskaya kriminalistika (teoreticheskie problemih). M.: Yurid. lit., 1978. 192 s.
8. Belkin R.S. Kriminalistika: uchebnihyj slovarj-spravochnik. M.: Yuristjh, 1999. 269 s.
9. Kosmodemjanskaya E.E. Povihsenie ehffektivnosti poiska lic, sovershivshikh korihstnihe, korihstno-nasiljstvennihe prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2000. 28 s.
10. Gavrilov A.K. Raskrihtie prestupleniya. Volgograd: Izd-vo VSSH MVD SSSR, 1976. 207 s.
11. Panteleev I.F. Teoreticheskie problemih sovetskoy kriminalistiki. M., 1980. 89 s.
12. Ozhegov S.I. Slovarj russkogo yazihka. M., 1972. 816 s.
13. Lashko N.I. Kriminalisticheskaya kharakteristika i pervonachalnihyj ehtap rassledovaniya vzyatochnichestva i korrupcii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Uljanovsk, 2001. 26 s.
14. Kurs kriminalistiki. Obthaya chastj / otv. red. V.E. Kornoukhov. M.: Yuristjh, 2000. 784 s.
15. Kommentariyj k Ugolovno-processualjnomu kodeksu Rossijskoy Federacii: vvod-nihyj. M.: Yurayjt-M, 2002. 387 s.
16. Kaljnickyj V.V. Sledstvennihe deystviya: ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2003. 160 s.

УДК 343.9

К.Ю. Логинова

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМУЩЕСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются состояние, структура, динамика имущественной преступности несовершеннолетних в одном из регионов Сибирского федерального округа – на территории Кемеровской области за период 2004–2012 гг. Проводится сравнение полученных результатов с данными о состоянии преступности несовершеннолетних в целом по России и других регионах Сибирского федерального округа с данными криминологических публикаций прошлых лет. Выявляются особенности и тенденции современной имущественной преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, имущественное преступление, состояние, структура, динамика преступности.

Имущественная преступность несовершеннолетних представляет собой социально-правовое, относительно массовое явление. Она складывается из преступлений против собственности, предусмотренных гл. 21 УК РФ¹, совершаемых лицами в возрасте 14–18 лет, а также лиц, совершающих данные преступления. Имущественная преступность несовершеннолетних является частью преступности несовершеннолетних в целом; ее характеризуют, как и другие виды преступности, такие показатели: состояние, структура, динамика.

Исследование показало², что удельный вес преступности несовершеннолетних в Кемеровской области составлял в среднем 9,5 %. При этом в других субъектах Сибирского федерального округа этот же показатель был ниже: в Томской области – 7,2 % [1. С. 25], в Красноярском крае – 8,0 % [2. С. 15, 53]. Значительное место в структуре преступности несовершеннолетних занимали преступления против собственности. Ежегодно в числе всех зарегистрированных преступлений несовершеннолетних удельный вес этих преступлений в среднем составлял от 78,1 до 83,3 %. Эти показатели значительно превышали общероссийские за аналогичный период времени. Так, максимальный по-

¹ Изучение судебной статистики показало, что несовершеннолетние совершали такие преступления, как хищения (кража, грабёж, разбой, мошенничество), вымогательство, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон). Иные преступления, предусмотренные гл. 21 УК РФ (присвоение и растрата, хищение предметов, имеющих особую ценность, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, умышленные уничтожение или повреждение имущества, уничтожение или повреждение имущества по неосторожности), среди несовершеннолетних не обнаружены.

² Источник получения сведений: ИЦ МВД РФ <http://www.mvd.rustats>; <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports>; Сведения ИЦ ГУМВД по Кемеровской области (Автоматизированная информационно-поисковая система научно-технической информации Web server ИЦ ГУВД, раздел «НТИ-ЦА ВНИИМВД РФ»), раздел «Состояние преступности»; сведения Федеральной службы государственной статистики РФ (<http://www.gks.ru>), в том числе Управления Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области (<http://www.kemerovostat.ru/>); *Преступность и правонарушения* (2004–2008): стат. сб. М., 2009; *Преступность и правонарушения* (2008–2012): стат. сб. М., 2012.

казатель удельного веса имущественных преступлений несовершеннолетних в общем числе всех преступлений, совершенных несовершеннолетними, в России зафиксирован в 2005 г., он составил 73,2 %; минимальный показатель – в 2009 г. (67,8 %). В 2004 г. ситуация выглядела прямо противоположно: общероссийские показатели удельного веса (91,5 %) превышали региональные (75,9 %) на 15,6 %.

Наименьший показатель объема зарегистрированных имущественных преступлений несовершеннолетних был зафиксирован в 2012 г. (1 702 преступления), а наибольший – в 2004 г. (3 441 преступление).

Как показало исследование, число имущественных преступлений на 100 тыс. человек в возрасте 14–17 лет было самым высоким в 2007 г. и составило 2 017,4. Наименьшее число имущественных преступлений (1 524,1) приходилось на 100 тыс. несовершеннолетних в 2012 г. Как видим, уровень имущественной преступности несовершеннолетних в Кемеровской области в рассматриваемый период времени был значительным – среднее значение коэффициента составляло 1 832,7 на 100 тыс. человек, что на 652,8 зарегистрированных имущественных преступлений больше, чем в целом по России. По данным общероссийской статистики, в аналогичный период показатели составляли 867,6–1 446,8 преступления на 100 тыс. несовершеннолетних; в среднем коэффициент был равен 1 179,9. Стоит сказать, что высокие коэффициенты преступности свидетельствуют как о высокой криминальной активности несовершеннолетних, так и о негативных изменениях в тенденциях преступности несовершеннолетних региона. При неуклонном снижении демографической численности населения в возрасте 14–17 лет в Кемеровской области за период 2004–2012 гг. с 198 360 до 111 672 человек (–43,7 %) коэффициент имущественной преступности несовершеннолетних продолжал оставаться высоким. В изученный период темп снижения численности несовершеннолетнего населения (–43,7 %) почти в 4 раза превысил темп снижения коэффициентов: – 12 % (с 1 734,1 до 1 524,1).

Изучение структуры имущественной преступности несовершеннолетних показало, что доминирующим преступлением была кража, доля которой в общем числе всех имущественных преступлений несовершеннолетних стабильно превышала 60 %. Удельный вес этого преступления среди всех зарегистрированных имущественных преступлений несовершеннолетних составлял в 2004 г. 61,6 %, в 2005 г. – 67,9 %, в 2006 г. – 67,1 %, в 2007 г. – 65,9 %, в 2008 г. – 65,8 %, в 2009 г. – 64,1 %, в 2010 г. – 64,8 %, в 2011 г. – 65,2 %, в 2012 г. – 62,1 %. Как видим, наибольший удельный вес краж (67,9 %) наблюдался в 2005 г., наименьший (61,6 %) – в 2004 г. Показательно, что, несмотря на планомерное снижение удельного веса краж в период с 2005 по 2012 г. с 67,9 до 62,1 %, их доля на конец исследования не достигла минимальной отметки 2004 г. Общий прирост составил 0,8 %.

Изучение криминологической литературы показало, что кражи всегда занимали преимущественное место среди преступлений несовершеннолетних. Так, например, в России в 1993 г. удельный вес краж в общем числе преступлений несовершеннолетних был равен 61 % [3. С. 767]. В 1997 г. удельный вес краж в общем числе преступлений несовершеннолетних составлял 60,8 %, в 1998 г. – 59,0 %, в 1999 г. – 62,2 % [4. С. 12], в 2006 г. – 51,2 % [5.

С. 27]. В Томской области в 90-е гг. удельный вес краж также был значительным и варьировался от 54,1 % в 1991 г. до 59,4 % в 1999 г. [6. С. 30].

Исследование статистических данных региона показало, что в структуре имущественной преступности несовершеннолетних грабежи также обладали высоким удельным весом: в 2004 г. – 28,9 %, в 2005 г. – 24,1 %, в 2006 г. – 24,6 %, в 2007 г. – 25,8 %, в 2008 г. – 26,2 %, в 2009 г. – 28,5 %, в 2010 г. – 26,7 %, в 2011 г. – 27,1 %, в 2012 г. – 28,7 %. Максимальный показатель удельного веса в общем числе имущественных преступлений зафиксирован в 2004 г. (28,9 %), минимальный – в 2005 г. (24,1 %). Начиная с 2005 по 2012 г. доля грабежей росла с 24,1 до 28,7 %. При этом абсолютное число этих преступлений снижалось: с 996 грабежей в 2004 г. до 489 в 2012 г.; темп снижения – 50,9 %. Как видим, снижение абсолютного числа грабежей не сопровождалось уменьшением их удельного веса.

Сравнивая эти показатели с результатами криминологических исследований 1990-х гг., можно отметить, что ранее удельный вес грабежей в структуре преступности несовершеннолетних был ниже, но при этом тоже сохранял положительную динамику. Так, например, в Томской области наиболее высокий показатель удельного веса грабежа в структуре преступности несовершеннолетних был зарегистрирован в 1992 г. и составлял 8,1 %, а наименьший – в 1998 г. (6,4 %) [6. С. 30]. В целом по России в 1997 г. удельный вес грабежей в общем числе преступлений несовершеннолетних составлял 8,6 %; через десять лет, в 2007 г., – уже 21,4 %, в 1998 г. – 8,1 %, в 2008 г. – 21,8 %, в 1999 г. – 7,9 %, в 2009 г. – 23,7 % [4. С. 14–15]. Доля грабежей в 2006 г. составляла 19 % [5. С. 27]. Как видим, за десятилетие удельный вес грабежей в общем числе преступлений несовершеннолетних увеличился почти в 2,5 раза и показал относительную стабильность в структуре преступности несовершеннолетних.

Доля разбоев среди имущественных преступлений несовершеннолетних была невелика и составила: в 2004 г. – 6,9 %; в 2005 г. – 6,3 %, в 2006 г. – 6,6 %, в 2007 г. – 6,7 %, в 2008 г. – 6,3 %, в 2009 г. – 5,8 %, в 2010 г. – 5,0 %, в 2011 г. – 5,1 %, в 2012 г. – 5,4 %. В рассматриваемый период удельный вес разбоев сократился с 6,9 до 5,4 %; темп снижения составил – 21,7 %. Следует отметить, что снижение удельного веса разбоев сопровождалось и плавным снижением их абсолютных значений: с 238 преступлений в 2004 г. до 92 в 2010 г. Снижение удельного веса разбоев среди несовершеннолетних отмечают и другие авторы [7. С. 18–19].

Удельный вес мошенничеств и вымогательств был незначительным и в течение всего периода исследования неуклонно снижался: с 0,4 % в 2004 г. до 0,06 % в 2012 г. и с 1,2 до 0,3 % соответственно. Общероссийские показатели удельного веса мошенничеств и вымогательств также были невелики – в среднем 2 % [8. С. 255].

Как показало исследование, единственным преступлением, имевшим рост и по абсолютным, и по относительным показателям, был угон. Доля этих преступлений в 2004 г. составляла 0,9 %, в 2005 г. – 0,9 %, в 2006 г. – 0,8 %, в 2007 г. – 0,8 %, в 2008 г. – 1,0 %, в 2009 г. – 0,9 %, в 2010 г. – 1,2 %, в 2011 г. – 2,2 %, в 2012 г. – 3,4 %. Росли и абсолютные показатели: с 31 преступления в 2004 г. до 58 в 2012 г. Темп прироста составил 87 %. Надо сказать, что ранее

угоны в структуре преступности несовершеннолетними не отличались высокими показателями. Так, например, в 1990-е гг. в Томской области их наибольший удельный вес был зафиксирован в 1998 г. (6,4 %), а наименьший – в 1991 г. (1,3 %). Нельзя не заметить, что сведения об угонах транспортных средств, совершенных несовершеннолетними в 1990-е гг., значительно превышали аналогичные показатели 1980-х гг. [6. С. 30]. Общероссийский показатель угонов среди несовершеннолетних не превышал 5,5 % [8. С. 255].

Динамика зарегистрированных имущественных преступлений несовершеннолетних свидетельствует о неуклонном снижении абсолютного числа имущественных преступлений: с 3 441 преступления в 2004 г. до 1 702 в 2012 г. (темп снижения 50 %). Примечательно, что подобная тенденция не проявлялась 10–20 лет назад. Так, С.Ф. Овчинникова, исследуя корыстные преступления несовершеннолетних, совершенные в 1990–1998 гг., отмечала, что они имели устойчивую тенденцию к увеличению [9. С. 11].

Динамика относительных показателей (коэффициентов и удельного веса) на протяжении исследования была разнонаправленной. Отрицательная динамика прослеживалась в коэффициентах имущественной преступности. Так, в 2004 г. на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет было зарегистрировано 1 734,1 преступления, в 2012 г. – 1 524,1 преступления. При этом рост коэффициентов, отмеченный в 2005, 2006, 2007 гг., сменился снижением; к концу 2012 г. темп снижения составил – 12,1 %. Показатели удельного веса, за исключением последних трех лет (2010–2012 гг.), напротив, возрастали с 78,1 % в 2004 г. до 83,3 % в 2009 г. Темп прироста на конец периода исследования по отношению к 2004 г. составил 2,9 %.

При этом динамика имущественных преступлений несовершеннолетних выглядела следующим образом. Кражи, совершенные несовершеннолетними в период с 2004 по 2012 г., характеризовались снижением абсолютных показателей: с 2 119 преступлений в 2004 г. до 1 057 в 2010 г., на –50,1 %. Удельный вес, напротив, возрастал – темп прироста 0,8 %. Коэффициент краж за период исследования снизился с 1 068,3 в 2004 г. до 946,5 в 2012 г. (темп снижения – 11,4 %).

Динамика грабежей отличалась снижением как абсолютных, так и относительных показателей. Так, снижение абсолютных показателей по отношению к базовому 2004 г. составило – 50,9 % (996–489 преступлений). Темп снижения коэффициентов за период исследования составил –12,8 % (502,1–437,9).

Аналогичная динамика относительных коэффициентов была у разбоев: снижение в 2004, 2005 гг. сменилось ростом в 2006 и 2007 гг. (с 119,9 до 135,9). Начиная с 2008 г. происходило снижение этих коэффициентов с 135,9 до 82,4. Снижение по отношению к базовому 2004 г. составило – 31,3%. Итоговое снижение удельного веса –27,1; абсолютных значений – 61,3 % (238–92 разбоя).

Динамика абсолютного числа, коэффициентов и удельного веса мошенничеств была отрицательной. Темпы снижения: – 92,8 % (14–1 преступление); – 87,3 % (7,1–0,9) и – 85,0 % (0,4–0,06 %) соответственно.

Снижением было охарактеризовано в структуре имущественных преступлений несовершеннолетних и вымогательство: 88,4 % для абсолютных по-

казателей (43–5 преступлений), – 80,2 % (21,7–4,3) и – 75,0 % (1,2–0,3) для относительных.

Динамика угонов отличалась ростом как абсолютных, так и относительных показателей. Рост абсолютного числа угонов был значительным: с 31 до 58 преступлений (темп прироста – 87,1 %). Самый высокий показатель коэффициента угонов был зарегистрирован в 2012 г. (51,9), наименьший – в 2004 г. (15,6).

Проведенное исследование, изучение статистических данных, современной криминологической литературы свидетельствуют о неуклонном снижении как абсолютного числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, так и их коэффициентов в общем объеме зарегистрированных преступлений как в Российской Федерации в целом, так и в ее отдельных регионах в частности. Однако стоит заметить, что доля имущественных преступлений продолжала оставаться стабильно высокой (варьировалась в диапазоне 78,1–80,4 %).

В течение рассматриваемого периода происходили изменения, связанные с регистрацией лиц, совершивших имущественные преступления. В 2004 г. было выявлено наибольшее число несовершеннолетних, связанных с совершением имущественных преступлений, наименьшее – в 2012 г. (3 828 и 1 377 соответственно). Темп снижения абсолютного числа выявленных лиц на конец периода по отношению к базовому 2004 г. составил 50,5 %.

Изучение статистических данных прошлых лет подтверждает характерную для последних десятилетий ярко выраженную тенденцию снижения числа регистрируемых несовершеннолетних, причастных к совершению преступлений. Так, в России в период с 1991 по 2002 г. количество регистрируемых несовершеннолетних снизилось с 159 461 до 140 392, т.е. на 19 069 несовершеннолетних, темп снижения – 11,9 % [10. С. 263]. Отмеченная особенность начала XXI в. была характерна (за исключением сведений об угонщиках, число которых возросло с 42 в 2004 г. до 49 в 2012 г.) для проведенного исследования. С 2004 по 2012 г. почти в 3 раза – с 2449 до 804 человек, с 1002 до 415, с 265 до 99 – снизилось число лиц, выявленных за совершение краж, грабежей, разбоев соответственно. Почти в 5 раз снизилось количество лиц, выявляемых за вымогательство (с 38 до 7), в 11 раз – за мошенничество (с 14 до 1).

Вместе с тем нельзя не заметить, что тенденция снижения абсолютных показателей выявляемых лиц не характерна для динамики их удельного веса. Доля несовершеннолетних имущественных преступников в общем числе несовершеннолетних, совершивших преступления, была стабильно высокой и составляла: в 2004 г. – 84,4 %, в 2005 г. – 82,3 %, в 2006 г. – 81,3 %, в 2007 г. – 79,9 %, в 2008 г. – 79,9 %, в 2009 г. – 81,9 %, в 2010 г. – 79,1 %, в 2011 г. – 81,5 %, в 2012 г. – 76,0 %. Как видим, исключением в положительной динамике (когда отмечался рост удельного веса имущественных преступников) явились три года этого периода, в которые зафиксировано значительное снижение (в 2007, 2008, 2012 гг.). Наиболее высокий показатель удельного веса имущественных несовершеннолетних преступников наблюдался в 2004 г. (84,4 %), наименьший – в 2012 г. (76,0 %). В изученный период общее сни-

жение удельного веса несовершеннолетних (темп снижения), выявленных за совершение имущественных преступлений, составило 9,9 %.

Исследование показало, что удельный вес несовершеннолетних, выявленных за совершение краж, снизился: с 63,9 % в 2004 г. до 58,4 % в 2012 г., темп снижения составил – 8,6 %. Удельный вес несовершеннолетних-«грабителей», напротив, увеличился: с 26,2 % в 2004 г. до 30,1 % в 2012 г., темп прироста был равен 14,9 %. Доля преступников-«разбойников» на протяжении исследуемого периода оставалась относительно стабильной: варьировалась в диапазоне 6,3–7,2 %. Исключением были два года, в которые наблюдался рост: в 2007 г. – 10,4 %, в 2008 г. – 8,2 %. Удельный вес несовершеннолетних, выявленных за мошенничество и вымогательство, на протяжении всего периода исследования не превышал 1,3 %. Колебания удельного веса лиц, выявленных за совершение угонов, напоминали синусоиду: снижение сменялось ростом и наоборот. Рост наблюдался в 2004 г. – 1,2 %, в 2007 и 2008 гг. – 1,0 %, в 2010 г. – 1,2 %, в 2011 г. – 2,2 %, в 2012 г. – 3,4 %, снижение – в 2005 г. (1,1 %), в 2006 и 2009 гг. – по 0,9 %.

Стоит отметить, что динамика числа выявленных лиц совпадала с динамикой зарегистрированных преступлений. Так, наибольшее число несовершеннолетних, выявленных за совершение преступлений против собственности, зафиксировано в 2004 г. – 3 828 человек, в этом же году было зарегистрировано наибольшее число преступлений – 3 441. Наименьшее число выявленных лиц, как и наименьшее число имущественных преступлений, пришлось на 2012 г.: 1 377 и 1 702 соответственно.

Вместе с тем проведенное исследование показало, что существуют заметные различия в соотношении регистрации отдельных имущественных преступлений и лиц, совершающих эти преступления. Так, за исключением краж, число зарегистрированных преступлений значительно ниже числа выявляемых лиц, совершивших эти преступления. Обращает на себя внимание, что по наиболее распространенному имущественному преступлению – краже – количество выявляемых лиц значительно меньше, нежели регистрируемых преступлений. Так, существенное различие между регистрацией краж и регистрацией несовершеннолетних было отмечено в 2008 г., когда было зарегистрировано 1 820 этих преступлений, что на 500 преступлений больше, чем лиц, их совершивших (1 320 подростков). Этот факт, на наш взгляд, отражает ряд негативных выводов-следствий: обнаруживается значительный процент нерасследованных и нераскрытых преступлений; высок уровень латентности данного вида преступности; велика вероятность участия в совершенных преступлениях взрослых лиц, а также совершения преступлений в группе.

Исследование показало, что действительно удельный вес групповых имущественных преступлений был высоким – 70,2 %. Можно сказать, что почти каждое второе зарегистрированное имущественное преступление в регионе было совершено в группе. Примечательно, что в последнее время в России удельный вес групповых преступлений в общем числе зарегистрированных преступлений несовершеннолетних (около 65–70 %) значительно превышал показатель удельного веса групповой преступности несовершеннолетних 80-х, 90-х гг. прошлого века [11. С. 224; 12. С. 789]. Так, например,

в 1986 г. доля групповых преступлений несовершеннолетних составляла 25 %, а в 1990 г. – 26 % [13. С. 204].

Вместе с тем проведенное изучение динамики состояния групповой имущественной преступности показало, что на фоне сокращения общего количества несовершеннолетних, совершивших имущественные преступления за период 2004–2012 гг., количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в группе, продолжало оставаться стабильным, в некоторых случаях даже возрастало. Так, если в 2004 г. удельный вес групповых краж был равен 70,9 %, то к 2012 г. он достиг 75,5 %. Доля групповых угонов выросла с 90,3 % в 2004 г. до 94,8 % в 2012 г.

Эти показатели близки к результатам исследований 90-х гг. прошлого века. Так, С.А. Елисеев, Л.М. Прокументов отмечали, что в составе групп подростками было совершено 81,1 % краж государственного или общественного имущества, 75,5 % краж личного имущества, 87,1 % грабежей, 87,9 % разбоев [14. С. 38].

Проведенное исследование показало, что уровень рецидива имущественной преступности несовершеннолетних составлял в среднем не более 20 %. Структура рецидива по направленности преступных посягательств представлена в основном аналогичными преступлениями против собственности (более 85 %) – повторно подростки совершали кражи, грабежи, угоны. Кража была вторым и последующим преступлением почти в каждом втором случае, угон – в каждом четвертом, грабеж – в каждом седьмом. Рецидив при разбое и вымогательстве составлял незначительную, но устойчивую величину – 6 и 3 % соответственно. Можно говорить о специальном рецидиве имущественной преступности несовершеннолетних. Кроме того, в имущественной преступности несовершеннолетних значительна доля и фактического (криминологического) рецидива. До привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетние «успевали» совершить до 5–10 иных общественно опасных деяний против чужого имущества.

В заключение отметим, что имущественная преступность несовершеннолетних в структуре всей преступности несовершеннолетних занимала значительное место; удельный вес составлял от 78,1 до 83,3 %; среднее значение коэффициента – 1 832,7 на 100 тыс. несовершеннолетних. Наблюдалась благоприятная динамика абсолютных показателей как числа имущественных преступлений, совершенных несовершеннолетними (3 441–1 702=1 739) преступлений, темп снижения – 50,5 %, так и числа лиц, их совершивших (3 828–1 377=2 451), темп снижения – 64,0 %.

В структуре имущественной преступности доминировали кражи, доля которых составляла 60 %. Вторым распространенным преступлением был грабеж, доля которого, в отличие от абсолютных показателей, выросла на 16,9 %. Положительной динамикой был отмечен и угон: +44,4 % к концу периода исследования. Наблюдалось снижение как абсолютных (57,7 %), так и относительных (28,8 %) значений разбойных нападений, а также мошенничеств и вымогательств, удельный вес которых был в целом невелик.

Литература

1. *Преступность* в Томской области (2000–2006 гг.): стат. сб. Томск, 2007. 112 с.
2. *Преступность* и правонарушения (2004–2008): стат. сб. М., 2009. 124 с.
3. *Долгова А.И.* Криминология: учеб. для вузов. М., 2001. 912 с.
4. *Корсантия А.А.* Предупреждение краж, грабежей и разбоев, совершаемых студентами Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 247 с.
5. *Лысенко А.В.* Основные направления актуализации противодействия преступности несовершеннолетних // Общество и право. 2008. № 1. 54 с.
6. *Прозументов Л.М.* Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: (Региональный аспект). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 80 с.
7. *Писаревская Е.А.* Преступность несовершеннолетних в крупном промышленном центре Кемеровской области и ее предупреждение. Новокузнецк, 2012. 108 с.
8. *Криминология*: учеб. пособие для студентов / под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубея. М., 2007. 519 с.
9. *Овчинникова С.Ф.* Криминологическая характеристика и предупреждение корыстных преступлений несовершеннолетних: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Омск, 1999. 28 с.
10. *Криминология*: учеб. / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В.В. Лунева. М.: Волтерс Клувер, 2004. 640 с.
11. *Антонян Ю.М.* Криминология: учеб. для бакалавров. М., 2012. 523 с.
12. *Криминология*: учеб. для вузов / под ред. А.И. Долговой. М., 2005. 912 с.
13. *Криминология*. М.: Изд-во МГУ, 1994. 415 с.
14. *Елисеев С.А., Прокументов Л.М.* Общеуголовные корыстные преступления: криминологическая характеристика, уголовная ответственность. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 122 с.

Loginova Ksenia Yu. Novokuznetsk Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation).

THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC FOR PROPERTY CRIMES COMMITTED BY JUVENILES: A REGIONAL ASPECT.

Key words: juvenile, property crimes, condition, structure, dynamics of crime.

Property crimes of juveniles present a social legal and mass phenomenon. They comprise the crimes against property provided in Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation committed by the people at the age from 14 to 18. Property crimes of juveniles constitute only one part of juvenile crimes and are characterized by such characteristics as condition, structure and dynamics.

The study of property crimes in Kemerovo region during 2004-2012 showed their key place in the structure of juvenile crimes. The least number of known property crimes of juveniles was registered in 2012-1 702 and the highest number in 2004-3 441 crimes. The specific weight of property crimes in the amount of all registered crimes of juveniles was from 78, 1% to 83, 3%; the average index was 1 832, 7 per 100 000 juveniles. There was a favorable dynamics in the absolute indicators of property crimes committed by juveniles (3 441-1702=1 739), the rate of drawdown being -50, 5% and the number of those who committed them (3 828- 1 377=2 451), the rate of drawdown being -64, 0%. The dynamics of relative indicators (both indices and the specific weight) in the course of the research was directed differently. There was a negative dynamics in the indices of property crimes (1 734, 1-1 524, 1). On the contrary the indicators of a specific weight except the last three years (2010-2012 years) grew from 78, 1% in 2004 to 83, 3% in 2009. The growth rate by the end of research was 2, 9% as compared with 2004.

Thefts dominated in the structure of property crimes, their share being 60%. The second widely spread crime was robbery the share of which apart from absolute indicators went up by 16, 9%. Carjacking was characterized by a positive dynamics: +44, 4% by the end of the research. Both absolute (57, 7%) and relative (28, 8%) indicators of robberies were decreasing and the specific weight of frauds and extortion was rather small.

At the same time the positive tendency was extinguished by the following indicators: the level of recidivism (in the sphere of property crimes) was rather high (about 20%); the number of registered thefts and robberies committed by juveniles was higher than the number of those found guilty of these crimes and the specific weight of gang offences was also high (not less than 70, 2%). We can say that every second registered property crime in the region was committed by a gang of juveniles.

References

1. Prestupnost' v Tomskoy oblasti (2000–2006 gg.): stat. sb. Tomsk, 2007. 112 s.
2. Prestupnost' i pravonarusheniya (2004–2008): stat. sb. M., 2009. 124 s.
3. Dolgova A.I. Kriminologiya: ucheb. dlya vuzov. M., 2001. 912 s.
4. Korsantiya A.A. Preduprezhdenie krazh, grabezhey i razboev, sovershaemykh studentami Rossiyskoy Federazii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004. 247 s.
5. Lysenko A.V. Osnovnye napravleniya aktualizazii protivodeystviya prestupnosti ne-sovershennoletnich // Obschestvo i pravo. 2008. № 1. 54 s.
6. Prozumentov L.M. Kriminologicheskaya charakteristika prestupnosti nesovershenno-letnich: (Regional'nyy aspekt). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2004. 80 s.
7. Pisarevskaya E.A. Prestupnost' nesovershennoletnich v krupnom promyshlennom zentre Kemerovskoy oblasti i ee preduprezhdenie. Novokuznezk, 2012. 108 s.
8. Kriminologiya: ucheb. posobie dlya studentov / pod red. S.Ya. Lebedeva, M.A. Kochubeya. M., 2007. 519 s.
9. Ovchinnikova S.F. Kriminologicheskaya charakteristika i preduprezhdenie korystnykh prestupleniy nesovershennoletnich: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. Omsk, 1999. 28 s.
10. Kriminologiya: ucheb. / pod red. prof. N.F. Kuznezovoy, prof. V.V. Luneva. M.: Vo-lters Kluver, 2004. 640 s.
11. Antonyan Yu.M. Kriminologiya: ucheb. dlya bakalavrov. M., 2012. 523 s.
12. Kriminologiya: ucheb. dlya vuzov / pod red. A.I. Dolgovoy. M., 2005. 912 s.
13. Kriminologiya. M.: Izd-vo MGU, 1994. 415 s.
14. Eliseev S.A., Prozumentov L.M. Obscheugolovnye korystnye prestupleniya: krimino-logicheskaya charakteristika, ugolovnaya otvetstvennost'. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1991. 122 s.

УДК 343.851

А.Д. Никитин

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

В статье с учетом первого опыта применения постпениitenciарного административного надзора и принятого постановления Пленума Верховного Суда РФ рассматриваются вопросы, связанные с практикой его назначения. На основе проведенного автором исследования личных дел поднадзорных, освободившихся из мест лишения свободы в 2011–2013 гг., дается их характеристика.

Ключевые слова: административный надзор, предупреждение рецидивной преступности.

Административный надзор как мера предупреждения рецидива преступлений начал вновь применяться в России с 1 июля 2011 г. в связи с вступлением в силу Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон) [1]. Он был известен отечественному законодательству с момента принятия Положения об административном надзоре в 1966 г. [2] вплоть до начала 90-х гг. прошлого века. За столь длительный период существования у правоприменителей сложился значительный опыт применения административного надзора. Однако за период его отсутствия данный опыт был утрачен, и современный правоприменитель оказался не готов в полной мере к реализации административного надзора, что приводило к определенным затруднениям при его назначении. Об этом свидетельствует не только первая практика его применения, но и довольно оперативное принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления № 22 от 27 июня 2013 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре» [3], которое разъяснило часть проблемных вопросов.

В частности, у правоприменителей на первом этапе возникал вопрос относительно некоторых оснований установления административного надзора. Согласно ч. 2 ст. 3 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» он в обязательном порядке устанавливается в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве. Однако нередки случаи, когда в приговоре суды не указывают на наличие в действиях лица рецидива преступлений, не определяют его вид или определяют его неправильно. Возникал вопрос: возможно ли установить административный надзор в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы, если в его действиях фактически имеется опасный или особо опасный рецидив преступлений, а в приговоре, на основании которого он отбывал наказание, не указан вид рецидива? Исправительные учреждения обращались и нередко продол-

жают обращаться в суд с заявлениями об установлении административного надзора исходя из фактического наличия в действиях лица того или иного вида рецидива преступлений. Однако Пленум Верховного Суда РФ в п. 19 указанного выше постановления разъяснил, что «при отсутствии в приговоре указания на наличие рецидива преступлений в действиях лица, в отношении которого устанавливается административный надзор, суд в рамках дела об административном надзоре не вправе самостоятельно устанавливать данные обстоятельства. Когда в приговоре имеются сведения о совершении указанным лицом преступления при рецидиве преступлений, однако вид рецидива не определен, административный надзор может быть установлен на основании пункта 2 части 1 статьи 3 Федерального закона № 64-ФЗ при наличии условий, предусмотренных частью 3 статьи 3 этого закона». Руководствуясь данным разъяснением, суды отказывают администрации исправительных учреждений в установлении административного надзора. Несмотря на определенные недостатки, данное разъяснение следует признать верным, поскольку пересмотр вида рецидива преступлений означал бы пересмотр приговора, вступившего в законную силу.

В настоящий момент можно говорить, что уже сложилась определенная практика применения административного надзора, позволяющая сделать первые выводы не только о трудностях, возникающих у правоприменителей, но и дать характеристику личности поднадзорного. На основании изученных нами 200 личных дел лиц, состоящих под административным надзором в Ивановской области, освободившихся из мест лишения свободы в 2011–2013 гг., можно утверждать, что подавляющее большинство из них составляют мужчины (94 %).

Наибольший удельный вес среди поднадзорных составляют лица, которым на момент освобождения из мест лишения свободы было от 30 до 39 лет (41 %). Относительно меньшую часть составляют лица в возрасте 25–29 лет (22 %) и 40–49 лет (18 %). Существенно ниже доля поднадзорных в возрастной группе 20–24 года (7 %), 50–54 года (6 %) и 55–59 лет (5 %). Лица в возрасте 18–19 лет составляют всего 1 % от всех, состоящих под надзором. При этом на момент совершения преступления возрастная категория поднадзорных выглядит несколько иначе. Наибольшей по численности также является возрастная категория 30–39 лет, однако ее удельный вес составляет лишь 26 % от общей численности поднадзорных. Практически столько же лиц, состоящих под надзором, совершили преступление в возрасте 25–29 лет (25 %). Меньшее количество составляют лица в возрастной категории 20–24 года (19,5 %), 40–49 лет (15,5 %), 18–19 лет (5 %), 50–54 года (3 %) и 55–59 лет (1 %). Несовершеннолетние в данной группе составляют 5 %. В этой связи хотелось бы отметить, что первоначально у правоприменителей возникал вопрос относительно возможности установления административного надзора лицу, совершившему преступление в несовершеннолетнем возрасте, достигшему к моменту освобождения восемнадцатилетнего возраста. Как показывает проведенное исследование, в основном правоприменители совершенно обоснованно не видели к этому никаких препятствий. Подтвердило эту практику и разъяснение, содержащееся в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об

административном надзоре». Аналогичные рекомендации содержались и в ранее действовавших постановлениях Пленума Верховного Суда РСФСР от 20.03.1973 г. № 5 «О судебной практике по делам о злостном нарушении правил административного надзора» [4] и от 16.12.1986 № 4 «О судебной практике по делам о нарушении правил административного надзора» [5].

Преобладание среди лиц, состоящих под надзором, возрастной группы 30–39 лет объясняется прежде всего тем, что большая часть преступлений совершается ими в этом же возрасте. В среднем в местах лишения свободы данная группа осужденных находится в течение 4 лет 8 месяцев. Следовательно, основная часть лиц, совершивших преступления в возрасте 30–39 лет, освобождаются из мест лишения свободы в пределах этой же возрастной группы.

Относительно высокий возраст лиц, состоящих под административным надзором (в том числе и на момент совершения преступления), объясняется тем, что большинство из них ранее уже совершали преступления и отбывали наказание в виде лишения свободы. Так, 62 % из них совершили преступления после освобождения из мест лишения свободы. При этом новое преступление было совершено в среднем в течение 1 года 10 месяцев, что соответствует данным, полученным большинством исследователей рецидива преступлений. Традиционно наиболее рецидивоопасным считается трехлетний срок с момента освобождения лица из мест лишения свободы. При этом, как отмечала В.В. Городнянская, изучая постпенитенциарный рецидив, большинство рецидивных преступлений (79,6 %), совершенных в течение трех лет после освобождения из колоний общего режима, приходится на первые два года [6. С. 61].

В этой связи не совсем обоснованными представляются решения законодателя по установлению длительных сроков административного надзора и более того – их увеличение, связанное с увеличением сроков погашения судимости при осуждении за совершение тяжкого (с шести до восьми лет) и особо тяжкого преступлений (с восьми до десяти лет). Еще большие сомнения с точки зрения криминологической обоснованности вызывает норма, позволяющая устанавливать «сверхдлительный» административный надзор в отношении лица, совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости (п. 2.1 ч. 3 Федерального закона). В указанном случае согласно п. 3 ч. 1 ст. 5 Федерального закона он может быть установлен на срок назначения принудительных мер медицинского характера, но не менее срока, установленного законодательством Российской Федерации для погашения судимости.

При установлении этих норм, как представляется, законодатель руководствовался не столько их реальной необходимостью в деле предупреждения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, сколько инспирированным средствами массовой информации общим курсом законодателя на усиление уголовной ответственности за «педофилию». Ведь, как было отмечено в специальной литературе, уровень рецидива среди лиц, совершивших преступления сексуального характера,

ниже среднего и лишь «только каждый десятый освобожденный от отбывания наказания за половые преступления вновь совершает аналогичное деяние» [6. С. 59]. Однако в угоду общественному мнению законодатель, принимая Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [7], нарушил логику самого административного надзора. Поскольку после внесенных изменений его можно назначать к лицу, **не имеющему судимости**.

Как представляется, судимость при административном надзоре играет существенную роль при определении обоснованности его установления, так как указывает на повышенную общественную опасность личности. Из аналогичного понимания сущности судимости исходил и Конституционный Суд РФ. Так, в п. 1.2 постановления Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П [8] указано, что Конституция РФ допускает при определенных гарантиях «в отношении лиц, имеющих судимость, возможность закрепления федеральным законом определенных, сохраняющихся в течение разумного срока после отбытия ими уголовного наказания дополнительных обременений, которые обусловлены в том числе общественной опасностью таких лиц, адекватны ей и связаны с обязанностью нести ответственность за виновное поведение». По поводу срока, установленного для погашения судимости, А.Л. Ременсон справедливо отмечал, что его «следует рассматривать как период, в течение которого в отношении большинства судимых лиц должна решаться задача закрепления результатов их исправления» [9. С. 155]. В качестве средства, направленного на решение данной задачи, можно рассматривать и административный надзор. Однако в связи с последними изменениями как основание, так и срок его применения (который фактически может быть пожизненным) становятся размытыми. Кроме того, применение административного надзора к лицу, судимость которого уже погашена (т.е. им не было совершено нового преступления в течение десяти лет) и который проходит курс лечения (принудительные меры медицинского характера также предполагают надзор за лицом, степень которого зависит от их вида, и имеют своей целью в том числе предупреждение новых преступлений), ставит вопрос не только о его целесообразности, но и о справедливости.

Большинство поднадзорных имеют основное общее (54 %), среднее (полное) общее (27 %) и среднее профессиональное (16 %) образование. Практически все имели определенное место жительства до осуждения (94 %) и возможность получения места жительства после освобождения (88 %). Большая часть поднадзорных не работали как до осуждения (67,5 %), так и во время отбывания наказания (55 %). При этом возможность трудоустройства после освобождения имели лишь треть освобождаемых из мест лишения свободы. Основная часть поднадзорных не состояли в браке (87 %) и не имели несовершеннолетних детей (77 %).

Практически половина преступлений была совершена поднадзорными в состоянии алкогольного опьянения (47 %), 4 % из них являлись хроническими алкоголиками, а 1 % – наркоманами. При этом в отношении 40 % лиц, состоящих под административным надзором, имелись данные о систематическом злоупотреблении спиртными напитками до осуждения. В этой связи

необходимо, по нашему мнению, обсудить вопрос о дополнении административных ограничений запретом поднадзорным, совершившим преступление в состоянии алкогольного опьянения, употреблять спиртные напитки.

Основанием освобождения поднадзорных из мест лишения свободы в 89 % случаев являлось отбытие срока наказания, в 10% – условно-досрочное освобождение, в 1 % – замена наказания на ограничение свободы. Последние два случая являются довольно показательными с точки зрения соотношения административного надзора с этими мерами. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь следующее. По нашему мнению, возможность одновременного применения административного надзора и условно-досрочного освобождения необходимо исключить. Конечно, Верховный Суд РФ в п. 4 указанного выше постановления отметил, что административный надзор не может быть применен до истечения срока оставшейся неотбытой части наказания, поскольку лицо, освобожденное условно-досрочно из мест лишения свободы в порядке ст. 79 УК РФ, считается не отбывшим наказание в виде лишения свободы. Однако, исходя из сути административного надзора как средства предупреждения рецидива преступлений, полагаем, что, решая вопрос о возможности одновременного применения рассматриваемых мер, следует прежде всего учитывать характер и степень общественной опасности личности. В частности, вывод суда о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, должен основываться на положительной оценке личности. Иными словами, применяя условно-досрочное освобождение, суд тем самым констатирует, что лицо не обладает общественной опасностью. В таком случае и нет необходимости в установлении административного надзора. И наоборот, отсутствие оснований для условно-досрочного освобождения может свидетельствовать о необходимости его установления.

В этой связи представляется, что данные меры не должны применяться одновременно, поскольку истинные основания для их применения носят взаимоисключающий характер. Поэтому целесообразно исключить возможность их совместного применения на уровне закона. При этом не следует исключать возможности назначения административного надзора после истечения срока условно-досрочного освобождения в случае, если в течение срока судимости поведение лица свидетельствует о его общественной опасности. Основанием для применения административного надзора в таком случае может быть совершение лицом в течение одного года двух и более административных правонарушений против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность (п. 2 ч. 3 ст. 3 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»).

Характеризуя структуру судимости лиц, состоящих под надзором, следует отметить, что 60 % совершенных поднадзорными преступлений, за которые они отбывали последнее наказание, составляют хищения. Треть (33 %) всех совершенных деяний составили кражи (90 % приходится на квалифицированные ее виды), 17 % – грабежи (94 % приходится на ч. 2 ст. 161 УК РФ) и 8 % – разбой. Преступления против жизни и здоровья составляют 18 %. За

умышленное причинение тяжкого вреда здоровью отбывали наказание 8 % поднадзорных (72 % из которых были осуждены по ч. 4 ст. 111 УК РФ), за убийство – 5 %. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности составляют в общей сложности 10 %, из которых на долю изнасилования приходится 4 %, насильственных действий сексуального характера – 5 % и развратных действий – 1 %.

В структуре судимости поднадзорных до последнего осуждения хищения также составляют большую часть (69,3 %). Чуть больше половины (52 %) всех совершенных преступлений составляют кражи, 16 % – грабежи, 4 % – разбои, 0,8 % – мошенничества и 0,5 % – присвоения и растраты. Существенно меньше доля преступлений против жизни и здоровья – всего 5,2 %. Так, убийства ранее совершали 0,5 % поднадзорных, а умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 2 %. За преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности до последнего осуждения привлекались к ответственности всего 1,1 % поднадзорных.

Поскольку с момента освобождения поднадзорных из мест лишения свободы прошло немного времени, судить о его эффективности еще довольно рано. Однако уже на момент исследования 7 % лиц, состоящих под административным надзором, вновь совершили преступления. И вновь в структуре совершенных преступлений больше половины – хищения (кражи и грабежи).

Поскольку хищения традиционно занимают лидирующее место в структуре рецидивной преступности (как и преступности в целом), представляется, что постпенитенциарный административный надзор должен устанавливаться в обязательном порядке в отношении соответствующих категорий лиц, совершивших такие деяния. И в этой связи необходимы изменения рассматриваемого Федерального закона.

Литература

1. *Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы* [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2014.
2. *Об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы* [Электронный ресурс]: Указ Президиума ВС СССР от 26 июля 1966 г. № 5364-VI // Гарант : справ. правовая система.
3. *О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре* [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 22 от 27 июня 2013 г. // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2014.
4. *О судебной практике по делам о злостном нарушении правил административного надзора* [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 20.03.1973. № 5 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2014.
5. *О судебной практике по делам о нарушении правил административного надзора* [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 16.12.1986 г. № 4 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2014.
6. *Городнянская В.В.* Постпенитенциарный рецидив. М.: Юрлитинформ, 2012. 165 с.
7. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве* [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2014.
8. *По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000*

года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2014.

9. Ременсон А.Л. Институт судимости и вопросы предупреждения рецидива // Актуальные проблемы государства и права в современный период: сб. ст. Томск, 1981. С. 154–155.

Nikitin Aleksandr D. Internal Affairs Directorate of Ivanovskaya oblast, Major-general (Ivanovo, Russian Federation).

THE FIRST EXPERIENCE IN USING THE POST PENITENTIARY ADMINISTRATIVE SUPERVISION.

Key words: administrative supervision, prevention of recidivism.

The article deals with some problems of practical infliction of post penitentiary supervision taking into account the first experience in its application and the Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

The author has analyzed 200 identification records of released convicts who were placed under administrative supervision in the Ivanovo region in 2011-2013 and produced the portrait of a statistically average supervised person: a male (94%) who was released from prison at the age of 30-39 (41%). Supervised people of other ages constitute a less part: at the age of 25-29 (22%), 40-49 (18%), 20-24 (7%), 50-54 (6%), 55-59 (5%) and 18-19 (1%). Those who were 30-39 and 25-29 at the moment of commission of the crime constitute 26% and 25% respectively. Supervised people of other ages constitute a lesser part: at the age of 20-24 (19, 5%), 40-49 (15, 5%), under 18 (5%), 18-19 (5%), 50-54 (3%) and 55-59 (1%).

62% of supervised people committed crimes during a year and 10 months after their release from prison.

The grounds for release of supervised people from prisons were: completion of sentences (89%), conditional release (10%) and substitution of punishment (1%).

The structure of crimes committed by supervised people looks like this: 60% of all the crimes they were last punished for cover stealing i.e. thefts constitute 33%, robberies -17% and plunders-8%. Crimes against life and health constitute 18%. 8% of supervised population served their sentences for intended grievous bodily harm (72% of whom were convicted under Part 4, Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation), 5% - for murder. Crimes against sexual freedom and sexual immunity constitute 10% including rapes (4%), sexual battery (5%) and sexual abuse (1%).

Stealing constitutes the largest part in the structure of crimes committed by the supervised people before they had served their latest sentence-69%. Thefts constitute over a half of all crimes-52%, robberies-4%, plunders-4% frauds-0, 8%, appropriations and embezzlements-0, 5%. The share of crimes against life and health is rather small- only 5,2%. 0, 5% of supervised people earlier committed murders and 2%- inflicted intended grievous bodily harm. Only 1, 1% of the supervised people were sentenced before their latest conviction for crimes against sexual freedom and sexual immunity.

7% of people under administrative supervision had committed repeated crimes by the beginning of this research and stealing (thefts and robberies) constitute more than half of all crimes.

References

1. Ob administrativnom nadzore za licami, osvobozhdennimi iz mest lisheniya svobodih [Ehlektronniy resurs]: Federal'niy zakon ot 06.04.2011 № 64-FZ (red. ot 28.12.2013) // Konsul'tantPlyus : sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. M., 2014.

2. Ob administrativnom nadzore organov vnutrennikh del za licami, osvobozhdennimi iz mest lisheniya svobodih [Ehlektronniy resurs]: Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 26 iyulya 1966 g. № 5364-VI // Garant : sprav. pravovaya sistema.

3. O primeneniі sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del ob administrativnom nadzore [Ehlektronniy resurs]: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 22 ot 27 iyunya 2013 g. // Konsul'tantPlyus : sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. M., 2014.

4. O sudebnoy praktike po delam o zloznom narushenii pravil administrativnogo nad-zora [Ehlektronniy resurs]: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RSFSR ot 20.03.1973. № 5 // Konsul'tantPlyus : sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. M., 2014.

5. O sudebnoy praktike po delam o narushenii pravil administrativnogo nadzora [Elektronniy resurs]: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RSFSR ot 16.12.1986 g. № 4 // KonsultantPlyus : sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. M., 2014.

6. Gorodnyanskaya V.V. Postpenitenciarniy recidiv. M.: Yurlitinform, 2012. 165 s.

7. O vnesenii izmeneniy v otdeljniye zakonodateljniye aktih Rossiyskoy Federacii v ce-lyakh sovershenstvovaniya prav poterpevshikh v ugovnom sudoproizvodstve [Elektronniy re-surs]: Federaljniy zakon ot 28.12.2013 № 432-FZ // KonsultantPlyus : sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. M., 2014.

8. Po delu o proverke konstitucionnosti polozheniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federacii, reglamentiruyutikh pravoviye posledstviya sudimosti lica, neodnokratnosti i recidiva prestupleniy, a takzhe punktov 1–8 Postanovleniya Gosudarstvennoy Dumih ot 26 maya 2000 goda «Ob objyavlenii amnistii v svyazi s 55-letiem Pobedih v Velikoy Otechestvennoy voyjne 1941–1945 godov» v svyazi s zaprosom Ostankinskogo mezhmunicipalnogo (rayjonno) suda goroda Moskvih i zhalobami ryada grazhdan [Elektronniy resurs]: postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.03.2003 № 3-P // KonsultantPlyus : sprav. pravovaya sistema. Versiya Prof. M., 2014.

9. Remenson A.L. Institut sudimosti i voprosih preduprezhdeniya recidiva // Aktualjniye problemih gosudarstva i prava v sovremenniy period: sb. st. Tomsk, 1981. S. 154–155.

УДК 343

А.В. Романова

ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Статья посвящена анализу особенностей доказательств и доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. А именно рассматриваются вопросы, касающиеся круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу; непроизводства некоторых процессуальных и следственных действий; проверки доказательств; объяснений, получаемых в ходе проверки сообщения о преступлении; заключения специалиста.

Ключевые слова: *сокращенная форма дознания, доказательства, доказывание.*

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» УПК РФ дополнен гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме». Таким образом, законодатель предусмотрел еще одно, отличающееся от других, производство по уголовным делам. В случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, предусмотрено сокращенное (упрощенное) производство. Данное производство является частью единого уголовного процесса и отвечает назначению уголовного судопроизводства, сформулированного в ст. 6 УПК РФ.

Под упрощенным производством в уголовном процессе понимается самостоятельное производство по делам, обладающим особенностями, объективно требующими быстроты осуществления уголовно-процессуальной деятельности и простоты уголовно-процессуальной формы; упрощенное производство осуществляется обычно быстрее и с меньшими затратами, нежели обычное. Причем ускорение и удешевление производства по большинству дел данной категории достигается путем внесения существенных изменений в уголовно-процессуальную форму на нескольких стадиях уголовного процесса. Эти изменения могут выражаться в ликвидации ненужных формальностей, а также в смене форм выражения процессуальных гарантий [1. С. 106].

Выделение сокращенной формы дознания происходит по критериям, связанным с субъектом (подозреваемым) и с тем, что он, признавая свою вину и соглашаясь с выдвинутым подозрением, облегчает доказательственную деятельность дознавателя [2. С. 12].

Дознание в сокращенной форме производится при наличии следующих условий: уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица, которое признает свою вину, характер, размер причиненного вреда и отсутствие обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, и при этом потерпевший не возражает против указанной формы дознания.

Так, срок производства дознания в сокращенной форме составляет не более 15 суток со дня вынесения постановления о его производстве. В исключительных случаях срок дознания в сокращенной форме может быть продлен прокурором до 20 суток.

Сокращенная форма дознания предполагает не только сокращенные сроки, но и упрощение производства за счет изъятий в доказывании.

Законодатель установил, что доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления (предусмотренные пп. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). На первый взгляд может показаться, что круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, сужен. Но на самом деле дознаватель при производстве дознания в сокращенной форме устанавливает все обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ. На это указывает положение подп. «в» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ, предписывающее прокурору направлять уголовное дело дознавателю для производства дознания в общем порядке лишь тогда, когда собранных доказательств в совокупности недостаточно для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления. А также согласно ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ в обвинительном постановлении дознаватель обязан указать обстоятельства, перечисленные в пп. 1–8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ, т.е. те же сведения, что и в обвинительном акте. Чтобы выполнить это требование, дознаватель при производстве дознания в сокращенной форме должен установить тот же круг обстоятельств, что и при производстве дознания в общем порядке [3. С. 27]. Подлежат установлению и другие обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 73 УПК РФ, еще и потому, что это необходимо для решения вопросов как до начала производства дознания в сокращенной форме, так и во время него. Например, решение вопроса о возможности производства дознания в сокращенной форме невозможно без выяснения обстоятельств, которые так или иначе связаны с личностью подозреваемого, поскольку несовершеннолетний возраст подозреваемого; неменяемость лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние; принадлежность лица к категории, в отношении которой применяется особый порядок производства, препятствуют производству дознания в сокращенной форме.

На самом деле при производстве дознания в сокращенной форме ограниченными являются пределы доказывания по конкретному уголовному делу, которые определяются предметом доказывания; глубиной исследования каждого обстоятельства, входящего в него, и объемом доказательственного материала, которого будет достаточно для того, чтобы считать установленными обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 73 УПК РФ [4. С. 250].

Далее, ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ устанавливает, что «дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невозполнимую утрату следов преступления или иных доказательств». Совершенно очевидно, что при сокращенном сроке дознания дознаватель практически в начальном периоде расследования должен определить, непроизводство каких именно следственных и иных процессуальных действий может повлечь указанные последст-

вия. Но сделать правильный вывод по данному вопросу иногда сложно даже по истечении нескольких месяцев предварительного расследования, поскольку это зависит от множества факторов, которые могут возникнуть в любой момент расследования. И если при сокращенном дознании дознаватель ошибется, то не поможет и последующее возвращение прокурором или судом уголовного дела для производства дознания в общем порядке, поскольку время уже будет упущено, а возможность получения доказательств утрачена.

Согласно п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ дознаватель вправе «не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем». Данное право вступило в противоречие с фундаментальным положением теории доказательств, связанным с недопустимостью придания любым доказательствам заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). Дознаватель обязан проверять все собираемые доказательства вне зависимости от отношения к ним участников со стороны обвинения и защиты [5. С. 45]. Получается, что при производстве обычного дознания и предварительного следствия дознаватель, следователь обязаны выполнять проверку доказательств (ст. 87 УПК РФ), а при производстве сокращенного дознания эта обязанность снимается с дознавателя при определенных условиях.

В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются объяснения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении. Допустимость данного доказательства под вопросом, поскольку в перечне источников (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) данного доказательства нет. Также они получают из источников способами, не предусмотренными уголовно-процессуальным законом для собирания доказательств. Ведь в отличие от, например, показаний свидетеля, лицо, дающее объяснение, не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных объяснений или за отказ от дачи объяснений. А также не регламентирован процессуальный статус лица, дающего объяснение. Но если любые сведения, получаемые в ходе доследственной проверки, облачать в процессуальную форму, соответствующую установленному УПК РФ перечню доказательств, то подобных вопросов не возникало бы.

Следующим изъятом из доказывания является возможность не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением следующих случаев, указанных в подп. «а», «б», «в» п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ: необходимость установления по уголовному делу дополнительных, имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств; необходимость проверки выводов специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; наличие предусмотренных ст. 196 УПК РФ оснований для обязательного назначения судебной экспертизы (например, установление характера и степени вреда, причиненного здоровью).

Здесь специалиста наделили правом производства исследований, природа которых неясна, и результаты исследований предписано оформлять заключением специалиста, которое является доказательством в соответствии с п. 3.1

ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Наименование результатов непроцессуальных исследований «заключением специалиста» противоречит устоявшейся практике экспертных подразделений системы МВД России, которая строится на основе Приказа МВД России от 11.01.2009 №7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России». В данном приказе говорится о том, что исследования, проводимые сотрудниками экспертных служб в рамках оперативно-розыскной деятельности, в ходе проверочных мероприятий оформляются справкой об исследовании [6. С. 38]. Становится непонятно, как превратить справку об исследовании в заключение специалиста. Да и то положение, в соответствии с которым специалист проводит исследование (п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ), нивелирует различия между специалистом и экспертом.

В итоге уголовное дело, по которому дознание производилось в сокращенной форме, будет рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства и приговор будет постановлен на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, а также дополнительных данных о личности подсудимого, представляемых по ходатайству стороны защиты. Решение по уголовному делу судьи будут основывать не на результатах осуществленного ими самими познания в форме процедуры доказывания, а фактически на вере в сведения, полученные до возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщения о преступлении, вере в правдивость признания обвиняемым своей вины, вере в результаты деятельности дознавателя.

Вышеуказанные отступления могут привести к ошибочным решениям, основанным на непроверенных доказательствах. Поэтому нормы, регулирующие производство дознания в сокращенной форме, необходимо согласовать с другими нормами УПК РФ путем внесения соответствующих изменений.

Литература

1. *Дифференциация* уголовного процесса / А.В. Ленский, Т.В. Трубникова, Ю.К. Якимович; под ред. М.К. Свиридова. М.: Экономическое образование, 2000. 320 с.
2. *Аширбекова М.Т.* О критериях дифференциации форм дознания // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. С. 7–14.
3. *Дикарев И.С.* Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. С. 22–34.
4. *Уголовно-процессуальное* право Российской Федерации: учеб. для юридических вузов и факультетов / Ю.К. Якимович [и др.]; отв. ред. Ю.К. Якимович. СПб.: Ассоциация «Юридический центр», 2007. 888 с.
5. *Доля Е.А.* Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 43–46.
6. *Зайцева Е.А.* Новый «закон о сокращенном дознании» и регламентация использования специальных познаний в досудебном производстве по уголовным делам: или «хотели как лучше, а получилось как всегда...» // Российский судья. 2013. № 4. С. 36–39.

Romanova Anna V. Russian Academy of Justice (Moscow, Russian Federation).

THE SUBJECT AND LIMITS OF PROOF UNDER THE REDUCED FORM OF INQUIRY.

Key words: reduced form of investigation, evidence, proof.

The article examines some problems (namely, the subject and limits of proving) connected with the conducting of inquiry in a reduced form which was introduced by the Federal law 4.03.2013 № 23-ФЗ. A reduced form of inquiry implies a simplified procedure at the expense of exemptions in proving.

Legislators have enacted that evidence in criminal cases is to be collected in the volume sufficient for the establishment of the crime event, the character and amount of damage and the guilt of a criminal (provided by Items 1, 2 and 4, Article 73 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). It may seem that the range of circumstances to be proved in criminal cases is restricted. But other circumstances provided for in Part 1, Article 73 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation are also to be proved because it is necessary for resolving some problems both before the conducting of inquiry in a reduced form and in the course of it.

According to Item 1, Part 3, Article 226.5 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation the inquiry officer has the right “not to examine the evidence if it was not contested by the accused, his lawyer, an injured party or his representative”. Thus, when an inquiry officer conducts a usual enquiry or a preliminary investigation he is to check the evidence (Article 87 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation), but he doesn't have to do this under some conditions during the reduced form of inquiry.

According to Item 2, Part 3, Article 226.5 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation evidence covers all explanations when the reported crime is checked. The admissibility of such evidence is questionable because it is not mentioned in the list of sources (Part 2, Article 74 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). They derive from the sources in the ways that are not provided for the collection of evidence in the criminal procedural law. But if all the information obtained during the pre-investigation check can be framed in a procedural form according to the list of evidence defined in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, such questions won't arise.

Also, the exemption from evidence is the possibility not to schedule a forensic expert examination on the matters the answers to which can be found in the expert opinion on the results of a checked reported crime except the cases mentioned in Item 3 “а”, “б”, “в”, Part 3, Article 226.5 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

The above deviations can lead to erroneous decisions based on unchecked evidence. Therefore, the norms regulating the inquiry in a reduced form should be brought in line with other norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation by the way of changing.

References

1. *Differenciaciya ugovnogo processa* / A.V. Lenskiy, T.V. Trubnikova, Yu.K. Yakimo-vich; pod red. M.K. Sviridova. M.: Ehkonomicheskoe obrazovanie, 2000. 320 s.
2. Ashirbekova M.T. O kriteriyakh differenciacii form doznaniya // *Doznanie v sokrathen-noy forme: voprosih zakonodatel'noy reglamentacii i problemih pravoprimeneniya: sb. st. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2013. S. 7–14.*
3. Dikarev I.S. Doznanie v sokrathennoy forme: zamihsel zakonodatelya i prakticheskij rezultat // *Doznanie v sokrathennoy forme: voprosih zakonodatel'noy reglamentacii i problemih pravoprimeneniya: sb. st. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2013.- S. 22–34.*
4. *Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: ucheb. dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov* / Yu.K. Yakimovich [i dr.]; otv. red. Yu.K. Yakimovich. SPb.: Associaciya «Yuridicheskij centr», 2007. 888 s.
5. Dolya E.A. Osobennosti dokazivaniya pri proizvodstve doznaniya v sokrathennoy forme // *Rossiyskiy sud'ya. 2013. № 6. S. 43–46.*
6. Zayjceva E.A. Novihyj «zakon o sokrathennom doznanii» i reglamentaciya ispol'zovaniya special'nikhkh poznaniy v dosudebnom proizvodstve po ugovnihil delam: ili «khoteli kak luch-she, a poluchilosj kak vseгда...» // *Rossiyskiy sud'ya. 2013. № 4. S. 36–39.*

УДК 343.119

М.К. Свиридов

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА ПРИ ПОСТАНОВЛЕНИИ ПРИГОВОРА

Приговор суда по уголовному делу должен быть законным, обоснованным и справедливым (ст. 297 УПК РФ). Для выполнения этого требования суд при принятии решений по делу должен быть самостоятельным как в установлении фактических обстоятельств, так и в юридической квалификации действий подсудимого. Между тем анализ закона убеждает, что в ряде случаев суд теряет самостоятельность и становится зависимым от решений следователя и прокурора. В статье анализируются такие ситуации и обосновывается вывод об устранении всех ограничений самостоятельности судов в отправлении правосудия.

Ключевые слова: самостоятельность суда, пределы обвинения, фактическая фабула обвинения, юридическая формулировка.

Согласно Конституции Российской Федерации правосудие осуществляется судами. Только суд выносит приговор, в котором определяется судьба подсудимого. Такая ответственность суда требует, чтобы его успешная деятельность была обеспечена рядом условий. Одним из условий является независимость судей и их подчинение только закону. Это означает, что суд должен иметь возможность разрешать все вопросы уголовного дела самостоятельно, только по своему внутреннему убеждению, обладая независимостью от вмешательства отдельных лиц и организаций (в том числе представителей исполнительной власти – следователя и прокурора). Данные положения закреплены Конституцией РФ и являются абсолютно необходимыми для осуществления правосудия.

Между тем в действующем УПК РФ имеются нормы, которые противоречат отмеченным положениям. Они ограничивают самостоятельность судов в решении ряда существенных вопросов, подчас заставляя судей принимать не свое решение, а навязанное следователем или прокурором.

Во-первых, ст. 254 УПК РФ обязывает суд прекратить уголовное дело в случае отказа прокурора от обвинения. Суд здесь обязан поступить, подчиняясь выраженной воле прокурора, даже если он – суд – имеет противоположное убеждение.

Во-вторых, гл. 32-1 УПК РФ ограничивает усмотрение суда в определении пределов доказывания. Статья 226-9 этой главы обязывает суд использовать только те доказательства, которые содержатся в обвинительном постановлении. Следовательно, в определении объема доказательств решающим является усмотрение не суда, а дознавателя и утвердившего обвинительное постановление прокурора. Именно они определяют, какие доказательства должен использовать суд, и суд обязан подчиниться. Зависимость в этом вопросе в конечном итоге ограничивает

самостоятельность суда в определении круга подлежащих установлению фактических обстоятельств дела.

В-третьих, согласно ст. 252 УПК РФ пределы обвинения в судебном разбирательстве определяются итоговыми документами стадии расследования. Отсюда следует, что суд не может осудить подсудимого по обвинению, более тяжкому по сравнению с тем, которое было предъявлено ранее, на стадии расследования – для этого требуется предъявление подсудимому более тяжкого обвинения. Но принять меры к тому, чтобы подсудимому было предъявлено другое, более тяжкое обвинение, суд не может, даже если он достоверно установил, что подсудимый совершил более тяжелое преступление. Единственное, что остается делать суду при вынесении своего решения, – это учитывать обвинение, сформулированное в итоговом документе расследования, даже если суд с ним не согласен. Значит, и в этой ситуации суд обязан подчиняться не своему внутреннему убеждению, а тому, что сформулировано следователем и утверждено прокурором.

Как видно, в УПК РФ имеются нормы, ограничивающие самостоятельность суда в разрешении ряда существенных вопросов уголовного дела.

Наличие в законе данных норм не случайно – в них выражена концепция классической состязательности. В состязательном уголовном процессе суд исполняет роль лишь пассивного арбитра, который разрешает правовой спор между сторонами, будучи связанным требованиями сторон и поэтому не имеющим права выходить за рамки их притязаний. Значит, не суд, а стороны являются главными в определении рамок деятельности суда, а также и в разрешении ряда вопросов рассматриваемого дела. В этом – суть состязательного начала. Как известно, в регулирующих судебное разбирательство нормах действующего УПК РФ концепция состязательности закреплена (хотя и не в полном объеме, а в виде отдельных элементов).

Необходимость некоторых ограничений самостоятельности суда обосновывается в литературе. По мнению Е.В. Ежовой, «суд не должен принимать на себя функцию обвинения, что непосредственно противоречит установленному в ст. 15 УПК РФ принципу состязательности сторон. Его полномочия должны быть строго ограничены рамками предъявленного обвинения, чтобы у суда не возникло «соблазна» перейти на сторону обвинения» [1. С. 103]. И.С. Дикарев ограничения самостоятельности суда объясняет необходимостью сохранения демократических основ правосудия. Он пишет: «...необходимо определиться с тем, какая из двух правовых ценностей – принцип независимости судей или право на судебную защиту – является более значимой. С учетом ст. 2 Конституции РФ, согласно которой признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства, этот вопрос должен, по нашему мнению, решаться в пользу права на судебную защиту» [2. С. 101].

Следует отметить, что приведенные доводы являются неубедительными. Противопоставление различных ценностей, соответствующих одному типу уголовного процесса, некорректно. Все ценности связаны между

собой, и любая из них достигается в результате действия всех других ценностей. Поэтому жертвовать никакой ценностью нельзя. Исключения должны быть сделаны, когда в один набор включены ценности, принадлежащие разным типам уголовного процесса, и они противоречат друг другу. Такого в анализируемой И.С. Дикаревым ситуации нет. К тому же субъектом права на судебную защиту согласно Конституции РФ является не только подсудимый (а именно о нем проявляет заботу И.С. Дикарев), но и потерпевший, права и интересы которого в результате ограничения судебной самостоятельности могут оказаться вне защиты. И жертвовать судебной защитой потерпевшего в пользу защиты подсудимого также некорректно.

Таким образом, в нормативной регламентации положения суда в уголовном процессе имеет место ограничение судебной самостоятельности, которое является отражением концепции классической состязательности.

Однако такое положение не согласуется с рядом иных норм российского законодательства.

Во-первых, оно противоречит ст. 120 Конституции РФ, которая закрепляет независимость суда при осуществлении правосудия и тем самым обеспечивает его самостоятельность в разрешении всех вопросов уголовного дела.

Во-вторых, заметно и другое несоответствие – с имеющимися в УПК РФ нормами, регламентирующими статус суда. Так, ст. 297 УПК РФ предписывает, чтобы приговор был законным, обоснованным и справедливым. Данными качествами должны обладать и иные итоговые судебные решения, разрешающие уголовное дело. Наличие таких свойств образует правосудность приговора и иного судебного решения. Ответственность за правосудность возлагается на суд (это хорошо видно при анализе содержания норм, регламентирующих проверочные судебные производства). Но как можно требовать ответственности за обоснованность и справедливость приговора и иного решения, если судьбу дела фактически определяет не суд, а иной субъект? Например, в ситуации, когда прокурор отказывается от обвинения и тем самым предписывает судье прекратить уголовное дело, хотя судья убежден в виновности подсудимого. Или в ситуации, когда суд вынужден выносить приговор в соответствии с предъявленным следователем обвинением, а суд убедился в совершении подсудимым более тяжкого преступления. В указанных, а также подобных ситуациях в судебных решениях выражается воля не суда, а следователя и прокурора, которая навязывается суду независимо от его собственного убеждения. Оформляя в решении не свое убеждение, а волю следователя и прокурора, суд в то же время поставлен в положение ответственного за правосудность решения.

В таком положении, как думается, содержится явное противоречие. Его наличие тоже не случайно. Ранее отмечалось, что ограничивающие самостоятельность судов нормы отражают элементы состязательного процесса. Нормы же, возлагающие на суд ответственность за правосудность приговора, отражают элементы иного типа процесса – публичного, требующего активности суда в формировании базы для приговора. Не

случайно Конституционный Суд РФ в постановлении № 16-П характеризует суд «как носителя публичной по своей природе судебной власти» [3]. Таким образом, обнаруживается, что законодатель создал ситуацию, в которой в одном УПК и в отношении одного субъекта – суда – действуют элементы двух разных типов процесса – состязательного и публичного. Но состязательное и публичное начала противоречат друг другу, и их противоречие непримиримо. Здесь, как утверждалось ранее, для устранения противоречия неизбежным становится выбор приоритетов.

Анализ норм УПК РФ показывает, что в нем содержится немало противоречий. Однако отмечаемое противоречие – между состязательным и публичным началами – системное, оно является наиболее глубоким и поэтому наиболее неблагоприятным для уголовного процесса. Главное его неблагоприятное последствие – оно мешает создать концептуальное единство Уголовно-процессуального кодекса. Можно, как представляется, утверждать, что концептуального единства в действующем УПК РФ нет, в него включены разнохарактерные нормы, не согласующиеся друг с другом, а порой и явно противоречивые. Все это крайне отрицательно сказывается на практике применения УПК.

Анализируемое противоречие замечено было ранее, но никаких мер по его устранению длительное время не предпринималось [4, 5]. Первый шаг был сделан Конституционным Судом РФ, который 2 июля 2013 г. принял постановление № 16-П о проверке конституционности ст. 237 УПК РФ [3]. Этим постановлением Конституционный Суд РФ устранил одно из ограничений самостоятельности суда – разрешил судам возвращать дело прокурору для предъявления подсудимому нового обвинения, если суд убедится в совершении подсудимым преступления, более тяжкого, нежели то, которое указано следователем в обвинительном заключении, а дознавателем – в обвинительном акте или обвинительном постановлении.

Постановление Конституционного Суда РФ вызвало критику, оно оценивается как значительно снижающее уровень демократичности российского уголовного процесса и даже реакционное [2].

Думается, что такая оценка постановления неправомерна. В конце концов, необходимо определиться, какое начало должно быть главным в нашем уголовном процессе. Концептуальное единство УПК (как и любого иного законодательного акта) может быть достигнуто, если в нем будет господствовать только одно начало. Таким – главным, как убедительно обосновывается в литературе, необходимо сделать публичность как наиболее отвечающую требованиям выносить законные, обоснованные и справедливые приговоры [6]. Именно это направление и определено Конституционным Судом в постановлении. В нем увеличивается самостоятельность судов, что неизбежно повлечет повышение их активности в разрешении вопросов дела, а это – усиление публичного начала. Впервые на официальном уровне Конституционный Суд РФ выразил предпочтение публичности в ущерб состязательности, что представляется совершенно правильным. При этом состязательность не устраняется, она уменьшается, а публичность увеличивается. Отдавая предпочтение пуб-

личности как главному началу в определении статуса суда в уголовном процессе, Конституционный Суд РФ тем самым намечает направление будущего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. В этом заключается чрезвычайно важное, принципиальное значение постановления № 16-П.

Однако, оценивая анализируемое постановление положительно, следует отметить и присущий ему недостаток. Он выражается в недостаточной последовательности Конституционного Суда РФ. Проявляется это в следующем.

В постановлении Конституционный Суд РФ, кроме конкретного решения вопроса о конституционности ст. 237 УПК РФ, сформулировал важное положение общего характера.

Он установил, что самостоятельность суда должна быть абсолютно необходимым условием для успешного осуществления правосудия. В постановлении отмечается, что суды осуществляют судебную власть «самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или иной стороны». И далее: «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда». Конституционный Суд также определяет круг вопросов, которые должны разрешаться судами на основе их абсолютной самостоятельности: «...доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, и что это деяние совершил именно он, является ли это деяние преступлением и каким пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса Российской Федерации оно предусмотрено, виновен ли подсудимый в совершении этого преступления, подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление». Какая-либо зависимость суда в разрешении этих вопросов от органов уголовного преследования, в том числе входящих в систему исполнительной власти, признается неправомерным вмешательством в осуществление судебной власти, что несовместимо с закрепленным Конституцией РФ принципом разделения властей.

Исходя из этого положения, Конституционный Суд РФ, как представляется, должен был ликвидировать в полном объеме имеющуюся зависимость судов от выраженных в соответствующих процессуальных документах решений следователей и прокуроров.

Однако этого не произошло, самостоятельность судов Конституционным Судом обеспечена лишь частично. Известно, что обвинение состоит из двух частей – фактической фабулы и юридической формулировки (квалификации). В мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ речь идет обо всем обвинении, но в резолютивной части необязательной для суда признается только юридическая квалификация. Зависимость судов от предлагаемой следователями и прокурорами фактической фабулы остается.

Такое решение является половинчатым, поэтому с ним трудно согласиться. Зависимость судов от сформулированной в обвинительном заключении (акте, постановлении) фактической фабулы также является навязчи-

ванием судьям воли органа расследования и прокурора со всеми вытекающими негативными последствиями. И Конституционный Суд РФ признает недопустимость такой судебной зависимости, но делает это не в резолютивной, а в мотивировочной части постановления. Ссылаясь на ранее принятое им постановление от 16 мая 2007 г. № 6-П, Конституционный Суд излагает принципиально важную правовую позицию, согласно которой «судебное решение, если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия; если в силу недопустимости выхода суда за рамки обвинения, сформулированного в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, обстоятельства, имеющие значение, не отражены в итоговом судебном решении, то должны быть задействованы процессуальные механизмы, которые позволили бы осуществлять расследование новых обстоятельств и их учет в соответствующем документе, направляемом в суд органом уголовного преследования» [3].

Приведенное положение сформулировано применительно к стадии возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Следовательно, в этой стадии, если будет установлено, что суд первой инстанции, будучи связан предложенной следователем фактической фабулой, неправильно отразил в приговоре обстоятельства дела, вышестоящая инстанция должна инициировать дополнительное расследование данных обстоятельств. Значит, вышестоящая инстанция вправе признать неправомерной, ошибочной часть приговора, хотя эта часть и соответствует закрепленной в ст. 252 УПК РФ зависимости суда первой инстанции от предложенной следователем фактической фабулы. Для исправления ошибки вышестоящей инстанции придаются полномочия инициировать дополнительное расследование обстоятельств дела.

Думается, что такие же полномочия должен иметь и суд первой инстанции. Вряд ли нормальной будет ситуация, когда суд первой инстанции, будучи связан в соответствии со ст. 252 УПК РФ позицией следователя, осознанно, вопреки своему убеждению неверно отразит факты в приговоре и затем будет ждать исправления фактической фабулы силами вышестоящей инстанции. У суда первой инстанции должна быть возможность не допустить ошибок в изложении в приговоре фактических обстоятельств дела. Средством для этого будет устранение зависимости суда от предлагаемой следователем, дознавателем, прокурором формулировки фактической фабулы, как это уже сделано Конституционным Судом РФ применительно к юридической квалификации.

Кроме того, для обеспечения успешной деятельности судов следует устранить все иные виды зависимости судов от решений дознавателей, следователей и прокуроров. Конституционный Суд РФ сделал только первый шаг. Но с учетом сформулированных им положений можно ожидать, что такие меры впоследствии будут приняты. И это будет вполне соответствовать направленности постановления Конституционного Суда

РФ № 16-П, которое стремится обеспечить суд самостоятельностью, свободой и независимостью от позиции той или иной стороны.

О наличии у Конституционного Суда РФ такого стремления свидетельствует, как представляется, и следующее обстоятельство: мотивировочная часть постановления № 16-П по своему содержанию шире содержания резолютивной части. В резолютивной части решается конкретный вопрос – о возможности суда принять меры к изменению уголовного закона на закон о более тяжком преступлении. В мотивировочной же части не только обосновывается такое решение, но и формулируются положения общего характера – о самостоятельности суда в разрешении в с е х вопросов рассматриваемого им уголовного дела, о независимости суда от позиции сторон, об обязанности суда принимать решения только на основе своего внутреннего убеждения. Изложенные в мотивировочной части положения – правовые позиции – так же обязательны, как и содержащиеся в резолютивной части выводы. Поэтому можно высказать предположение о том, что законодатель учтет не только резолютивную часть, но и правовые позиции, содержащиеся в мотивировочной части анализируемого постановления Конституционного Суда РФ.

Литература

1. *Ежова Е.В.* Роль суда в установлении истины по уголовному делу // Библиотека криминалиста: науч. журнал. 2012. № 4 (5). С. 99–104.
2. *Дикарев И.С.* Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 5. Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98–103.
3. *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»* // Российская газета. 2013. № 6127. 12 июля.
4. *Кальницкий В.В.* Развитие уголовно-процессуальной формы вступает в противоречие с основами доказательственного права // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 393–399.
5. *Тетерина Т.* Отказ прокурора от обвинения «преступает» права потерпевшего на доступ к правосудию // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 37–38.
6. *Барабаи А.С., Брестер А.А.* Метод российского уголовного процесса. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. 218 с.

Sviridov Mikhail K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

AUTONOMY OF COURTS IN SENTENCING.

Key words: autonomy of courts, limits of prosecution, factual prosecution's theory, legal wording.

Legality, substantiality and justice of sentences call on the court to solve all the problems of a criminal case independently on the basis of its inner conviction. Meanwhile, the law stipulates some cases of restriction of the courts' autonomy: it should dismiss the case when the prosecutor drops charges; when the court is to define the limits of the trial it is bound by the charges brought by the investigator before. In such situations the court depends on the decision of both the investigator and prosecutor. Such a dependence which is admissible in adversarial proceedings doesn't allow the court to be active in ascertaining the truth and to be free while forming its inner conviction. That is why the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation to eliminate the dependence of the court on the legal qualification proposed by investigators in the indictment is right. To ensure independence

of judges it is reasonable to eliminate other kinds of dependence of the court on the positions of investigators, interrogating officers and prosecutors.

References

1. Ezhova E.V. Rolj suda v ustanovlenii istinih po ugovolnomu delu // Biblioteka kriminalista: nauch. zhurnal. 2012. № 4 (5). S. 99–104.
2. Dikarev I.S. Ugolovniyj process: «tikhaya revolyuciya» smenilasj reakciej // Vestn. Volgograd. Gos. un-ta. Seriya 5. Yurisprudenciya. 2013. № 3. S. 98–103.
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2013 g. № 16-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozenij chasti 1 statji 237 Ugolovno-processualjnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina Res-publiki Uzbekistan B. T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda» // Rossijskaya gazeta. 2013. № 6127. 12 iyulya.
4. Kaljnickyj V.V. Razvitie ugovolno-processualjnoy formih vstupaet v protivorechie s osnovami dokazateljstvennogo prava // Pyatjdesyat let kafedre ugovolnogo processa Ur-GYuA (SYul): materialih Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Ekaterinburg, 27–28 yanvarya 2005 g.: v 2 ch. Ekaterinburg, 2005. Ch. 1. S. 393–399.
5. Teterina T. Otkaz prokurora ot obviniya «prestupaet» prava poterpevshego na dostup k pravosudiyu // Rossijskaya yusticiya. 2003. № 10. S. 37–38.
6. Barabash A.S., Brester A.A. Metod rossijskogo ugovolnogo processa. SPb.: Yuridicheskij centr-Press, 2013. 218 s.

УДК 342.53

С.А. Татаринов

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В работе анализируется система общих принципов конституционного судопроизводства, характеризующих природу и направленность действий Конституционного Суда Российской Федерации и иных его участников. Кроме того, автор обосновывает необходимость выделения самостоятельной группы специальных принципов конституционного судопроизводства, отражающих особенности деятельности Конституционного Суда РФ по разбирательству конкретной категории дел в отдельных видах осуществления конституционного судопроизводства.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, виды и принципы конституционного судопроизводства; итоговые решения Конституционного Суда Российской Федерации, определения Конституционного Суда Российской Федерации.

Одной из наиболее актуальных проблем отечественной конституционно-правовой науки на современном этапе является дальнейшая регламентация порядка рассмотрения и разрешения дел, подведомственных Конституционному Суду Российской Федерации. Именно специфика правового статуса Конституционного Суда обуславливает особенности юридической природы конституционного судопроизводства как особого вида процессуальной деятельности, направленного на разбирательство конституционно-правовых вопросов и споров о компетенции путем вынесения им итоговых решений. Выступая в качестве составной части конституционного правосудия, конституционное судопроизводство имеет свои принципы, круг субъектов, предмет и средства доказывания, виды, предусматривающие возникновение конституционных процессуальных правоотношений и совершение процедурных действий между Конституционным Судом РФ и иными участниками конституционного судопроизводства, в рамках которого происходит рассмотрение и разрешение конкретных дел по обеспечению конституционности правотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти РФ и ее субъектов [1. С. 325–328]. В свою очередь, реализация принципов конституционного судопроизводства способствует регулированию всего порядка осуществления конституционного правосудия, определяет способы и пределы участия в судебном конституционном процессе сторон, влияет на объем прав и обязанностей его участников и в конечном счете они раскрывают направленность всех субъектов конституционного судопроизводства в целях достижения поставленных перед Конституционным Судом задач по отправлению конституционного правосудия. Обычно в научной литературе все принципы конституционного судопроизводства исходя из степени их воздействия на регулируемые общественные отношения принято классифицировать на две группы: общие и специальные [2. С. 25].

Действие общих принципов характеризует основные моменты организации и деятельности Конституционного Суда, отражающие его статусные, организационные и компетенционные начала формирования, устройства и функционирования в рамках судебной системы Российской Федерации как специализированного органа конституционной юстиции. Среди таких ведущих принципов конституционного судопроизводства можно выделить: справедливость судебного разбирательства, независимость суда и судей, коллегиальность, гласность и открытость, свободный выбор языка общения, обязательность исполнения вступивших в силу судебных решений, непрерывность судебного заседания, состязательность и равноправие сторон [1. С. 370; 2. С. 26]. Большинство из этих общих принципов легально зафиксировано в Конституции РФ, международных правовых актах, в федеральных конституционных законах «О Конституционном Суде Российской Федерации», «О судебной системе Российской Федерации» и специальных федеральных законах, регламентирующих важнейшие аспекты осуществления Конституционным Судом конституционного судопроизводства. Вместе с тем необходимо отметить, что многие общие принципы конституционного судопроизводства не получили своего исчерпывающего нормативного закрепления и выработаны в судебной практике, которые с учетом природы названного вида судопроизводства имеют особое содержание и механизм реализации в процессуальной деятельности Конституционного Суда РФ. Прежде всего в систему указанных общих принципов конституционного судопроизводства следует включить: конституционность, законность, публичность и доступность, установление объективной истины, непосредственность в исследовании доказательств, процессуальной экономии [1. С. 370; 2. С. 26–29, 43–44, 47–49].

Наряду с общими принципами в качестве самостоятельного вида выступают специальные принципы конституционного судопроизводства, охватывающие правовые институты и особенности порядка рассмотрения и разрешения отдельной категории дел в Конституционном Суде. К числу таких специальных принципов, вытекающих из природы самого конституционного судопроизводства, можно отнести: процессуальную активность Конституционного Суда РФ, сочетание диспозитивных и императивных начал в конституционном судопроизводстве, использование процедуры устного и письменного разбирательства, признание высшей юридической силы итоговых решений Конституционного Суда, связанность Суда при разбирательстве дела вынесенными предыдущими правовыми позициями.

В частности, содержание принципа процессуальной активности в деятельности Конституционного Суда РФ означает, что на стадиях подготовки слушания и проведения судебного разбирательства судья-докладчик или Суд должен совершать активные процессуальные действия и принимать все необходимые меры по исследованию обращения заявителя и всех имеющих по делу материалов для тщательного рассмотрения обстоятельств дела, выявления мнения сторон и их представителей, включая право проводить консультации со специалистами, истребовать заключения экспертов, задавать дополнительные вопросы сторонам, приглашать представителей заинтересованных государственных органов для выяснения их точек зрения в целях формирова-

ния собственной правовой позиции и принятия итогового решения по конкретному делу [1. С. 345–346; 3. С. 314].

Во взаимосвязи с принципом процессуальной активности Конституционного Суда следует рассматривать специальный принцип сочетания диспозитивных и императивных начал в конституционном судопроизводстве. Наличие диспозитивности в рамках конституционного судопроизводства предполагает возможность сторон самостоятельно распоряжаться своими процессуальными полномочиями и оказывать активное воздействие на весь ход судебного разбирательства, в том числе право подавать и отзывать обращение в Конституционный Суд РФ до начала рассмотрения дела в судебном заседании, определять основание и предмет обращения и осуществлять иные действия, а также инициативу остальных участников конституционного судопроизводства по своему усмотрению пользоваться в пределах дозволенных законом принадлежащими ими процессуальными правами.

Одновременно императивные начала в конституционном судопроизводстве наглядно выражаются в обязанности судов, Президента РФ и Верховного Суда РФ в качестве стороны-заявителя обращаться с запросом в Конституционный Суд о проверке конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле, не вступившего в силу международного договора РФ о принятии в Российскую Федерацию иностранного государства или части иностранного государства в качестве нового субъекта Российской Федерации, а также процедуры реализации инициативы проведения всероссийского референдума либо признания предложенного вопроса (перечня вопросов), выносимого на референдум Российской Федерации в соответствующем Конституции РФ порядке осуществления обязательного судебного конституционного контроля¹. Что же касается специального принципа использования процедуры устного и письменного разбирательства в конституционном судопроизводстве, то его реализация в настоящее время предусматривает возможность перевода устного слушания в процедуру усеченного (письменного) судебного разбирательств в случаях отсутствия возражений стороны-заявителя и иных уполномоченных субъектов по делам о проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле в связи с жалобами граждан либо по запросам судов, если оспариваемая заявителем норма является сходной (тождественной) с ранее вынесенной в постановлении Конституционного Суда РФ и содержащаяся в нем правовая позиция распространяется на аналогичные конституционно-правовые ситуации (ст. 47 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

¹ *Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»* (в ред. от 03.11.2010) // *Собрание законодательства РФ*. 1994. № 13. Ст. 1447; 2010. № 45. Ст. 5742; *Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»* (в ред. от 31.10.2005) // *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 52. Ч. 1 ст. 4916; 2005. № 45. Ст. 4581; *Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»* (в ред. от 24.04.2008) // *Собрание законодательства РФ*. 2004. № 27. Ст. 2710; 2008. № 17. Ст. 1754; *Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации* // *Собрание законодательства РФ*. 1998. № 25. Ст. 3004.

Другим важнейшим специальным принципом конституционного судопроизводства выступает принцип признания высшей юридической силы итоговых решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых как в ходе осуществления конституционного судопроизводства (определения о распространении правовой позиции на аналогичные конституционно-правовые случаи), так и по итогам рассмотрения и разрешения дел (постановления и заключения). Его содержание базируется на свойствах нормативности, окончательности, общеобязательности, преюдициальности таких актов и предусматривает необходимость их исполнения в деятельности всех субъектов конституционно-правовых отношений. Еще одним специальным принципом конституционного судопроизводства является принцип связанности Конституционного Суда при разбирательстве дела вынесенными им предыдущими правовыми позициями, руководствуясь которыми он вправе принимать специальное отказное определение с «позитивным содержанием» об отказе в принятии к рассмотрению обращения заявителя, когда по предмету обращения есть уже правовая позиция, сохраняющая свое значение применительно к аналогичным (тождественным, сходным) конституционно-правовым ситуациям (ст. 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») [1. С. 118, 399–400].

Самостоятельную группу специальных принципов конституционного судопроизводства составляют принципы, раскрывающие особенности рассмотрения и разрешения конкретной категории дел Конституционным Судом РФ в отдельных видах осуществления конституционного судопроизводства. Как показывает анализ сложившейся практики Конституционного Суда, в данную группу входят следующие специальные принципы конституционного судопроизводства: презумпции конституционности оспариваемых законодательных актов и полномочий, расширения объектов нормоконтроля, увеличения круга субъектов, имеющих право обращаться в Конституционный Суд, соразмерности выбора критериев оценки конституционности нормативных актов, определения разумной конституционности законодательных актов, самоограничения Конституционного Суда РФ в ходе официального толкования Конституции Российской Федерации и др.

Так, реализация принципа презумпции конституционности оспариваемых законодательных актов и полномочий подразумевает, что возникшая неопределенность в вопросе о соответствии проверяемого нормативного акта Конституции РФ либо противоречие в принадлежности полномочий сторон в конституционно-правовом споре о компетенции существует до момента вынесения Конституционным Судом итогового решения по результатам разбирательства дела заявителя, которые продолжают сохранять свою юридическую силу и применяться в правотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти РФ и ее субъектов. Косвенным подтверждением применения этого принципа конституционного судопроизводства в практике Конституционного Суда РФ является правило о том, что по делам о проверке конституционности нормативного акта, внутриведомственного договора или не вступившего в силу международного договора РФ в порядке осуществления абстрактного нормоконтроля, в случае если голоса судей разделились поровну, решение считается принятым в пользу конститу-

ционности оспариваемого правового акта (ч. 3 ст. 72 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Более того, согласно ч. 3 ст. 42 положения названного закона он вправе лишь в случаях, не терпящих отлагательств, внести предложение в уполномоченный правотворческий государственный орган о приостановлении действия оспариваемого акта либо процесса вступления в силу оспариваемого международного договора РФ до завершения рассмотрения дела в судебном заседании, чем обеспечивается в конечном счете стабильность системы российского законодательства и устойчивость сложившейся правоприменительной практики.

В равной степени разновидностью смежных специальных принципов конституционного судопроизводства по делам о нормоконтроле являются принципы расширения объектов судебного конституционного контроля и увеличения круга субъектов, имеющих право обращаться в Конституционный Суд РФ, предполагающие распространение нормоконтроля на законодательные акты и предоставление права подавать обращение в Конституционный Суд о проверке конституционности нормативных актов иным уполномоченным субъектам, не перечисленные в Конституции РФ и Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким наглядным примером реализации указанных специальных принципов в практике Конституционного Суда может служить включение в перечень объектов судебного конституционного контроля федеральных конституционных законов, постановлений Государственной Думы РФ об объявлении амнистии, постановлений Правительства РФ в качестве актов делегированного законодательства и передачи права вносить обращение в Конституционный Суд РФ об оспаривании конституционности нормативных актов органам прокуратуры, религиозным объединениям, государственным унитарным предприятиям, коммерческим организациям и муниципальным образованиям.

Следующим самостоятельным специальным принципом конституционного судопроизводства в сфере нормоконтроля выступает принцип соразмерности выбора критериев оценки конституционности законодательных актов, предусматривающий, что для определения конституционности проверяемых актов Конституционный Суд вправе использовать различные параметры, с помощью которых он делает вывод о признании их соответствующими Конституции РФ либо изменении сформулированной им правовой позиции по предыдущему делу. Руководствуясь этим принципом, Конституционный Суд РФ в постановлении от 31 июля 1995 г. по так называемому «чеченскому» делу фактически обосновал новый критерий оценки конституционности оспариваемых нормативных актов как сохранение разумного баланса в системе охраняемых конституционных принципов и ценностей, когда наряду с принципом признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина приоритетное значение имеют и принципы обеспечения территориальной целостности, национальной безопасности и государственного суверенитета Российской Федерации в оценке конституционности законодательных актов [4]. Аналогично в контексте содержания указанного специального принципа

конституционного судопроизводства в постановлении от 21 декабря 2005 г. Конституционный Суд РФ, раскрывая проблему соотношения между конституционными принципами проведения прямых свободных выборов главы исполнительного органа государственной власти субъекта РФ и единства системы исполнительной власти в механизме разделения властей, признал необходимость их адекватного истолкования и, следовательно, корректировки своей прежней правовой позиции, сформулированной в 1996 г. по «алтайскому» делу с учетом конкретных социально-исторических условий реализации и новой практики правового регулирования в текущем законодательстве [5].

Одновременно рассматривая и разрешая дела о нормоконтроле, Конституционный Суд придерживается выработанного им специального принципа конституционного судопроизводства как определения разумной конституционности законодательных актов с тем, чтобы снизить социально-экономические риски и минимизировать негативные правовые последствия либо предотвратить возможность отмены иных ранее принятых актов, вызванных вынесением итогового решения о признании нормативного акта не соответствующим Конституции Российской Федерации и утратой его своей юридической силы. Так, например, Конституционный Суд РФ в постановлении от 20 июля 1999 г. о проверке конституционности Федерального закона «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» формально не квалифицировал оспариваемый законодательный акт не соответствующим Конституции РФ с точки зрения соблюдения процедуры личного участия парламентариев в принятии федеральных законов, поскольку сложившаяся в настоящее время практика принятия законов депутатами в Государственной Думе РФ за отсутствующих парламентариев с помощью карточек для электронного голосования в дальнейшем может поставить под сомнение конституционность других ранее принятых палатой законов и тем самым противоречит преследуемым целям в ходе осуществления конституционного судопроизводства Конституционным Судом [6]. Однако особенно широкое распространение принцип определения разумной конституционности законодательных актов получает в деятельности Конституционного Суда РФ по делам о проверке конституционности актов в сфере налогового и социального законодательства тогда, когда он, не объявляя не соответствующими Конституции РФ оспариваемые акты, дает собственную конституционную интерпретацию их смысла в правоприменительной практике органов государственной власти либо признает названные акты утратившими свою юридическую силу после истечения определенного срока с момента вынесения им соответствующего постановления. Часто в этих случаях Конституционный Суд РФ, квалифицируя норму отраслевого законодательства неконституционной полностью или частично, в целях устранения возникающих пробелов в регулировании общественных отношений предлагает правотворческим органам государственной власти РФ и ее субъектов после истечения 6 месяцев с момента вынесения соответствующего постановления принять дополнительные нормативные акты, раскрывающие порядок и условия реализации конституционного права на социальное обеспечение и социальную

Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 11 авг.

5. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 3. Ст. 336.

6. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 20 июля 1999 г. № 12-П по делу о проверке конституционности Федерального закона «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территориях Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 1999. № 30. Ст. 3989.

7. *Зорькин В.Д.* Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М.: Норма, 2008. 224 с.

8. *Зорькин В.Д.* Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 720 с.

9. *Витрук Н.В.* Верность Конституции. М.: РАП, 2008. 272 с.

10. *Определение* Конституционного Суда РФ от 16 июня 1995 г. № 67-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Московской областной Думы о толковании части 1 ст. 131 Конституции РФ» // *Архив Конституционного Суда РФ за 1995 г.*

11. *Хабриев Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 320 с.

Tatarinov Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

ON THE PROBLEM OF PRINCIPLES OF CONSTITUTIONAL PROCEDURE IN THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, types and principles of constitutional procedure, final decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation.

The article deals with one of the most controversial and insufficiently developed problems in our constitutional legal science, having both theoretical and practical significance for the effectiveness of the activities of the Constitutional Court. It is the regulation of the principles of constitutional procedure that determines the nature and essence of constitutional procedure, reflects its legal content and specific functional purpose and defines the actions of all the parties of the constitutional procedure.

In legal sources all principles of constitutional procedure are classified according to the degree of their influence on the object of regulation of public relations into two types: general and special. The majority of general principles of constitutional procedure are laid down in international legal acts, federal constitutional laws and federal laws. They can acquire their concretization and development in the judicial practice of the Constitutional Court. General principles of the constitutional procedure include fairness of trials, independence of courts and judges, collectivity, publicity, openness, free choice of the language for communication, enforceability of court decisions, continuity of trials, competitiveness and equality of parties.

Such general principles of the constitutional procedure including constitutionality, legality, publicity, accessibility, ascertainment of the objective truth, directness in the examination of evidence and procedural economy have not found legal normative support and are stated in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the course of the constitutional procedure.

As far as special principles of the constitutional procedure are concerned they cover the work of some legal institutions and the peculiarities of different categories of cases in the Constitutional Court. These principles include: the procedural activity of the Constitutional Court, combination of dispositive and imperative fundamentals in the constitutional procedure, the use of oral and written forms of procedure, admission of the legal force of final decisions of the Constitutional Court and the connectedness of the tried case with previous legal positions. The realization of the content of the above special principles of the constitutional procedure elaborated in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation is aimed at the ordering of legal procedures and stages, the broadening of powers of parties to the constitutional procedure and finally will promote the guaranteeing of the access of applicants to the administration of constitutional justice in the Constitutional court.

References

1. Vitruk N.V. Konstitucionnoe pravosudie. Sudebno-konstitucionnoe pravo i process: ucheb. posobie. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: Infra-M., 2012. 592 s.
2. Konstitucionniyh sudebniyh process: ucheb. dlya vuzov / otv. red. M.S. Salikov. M.: Norma, 2003. 416 s.
3. Vitruk N.V. Obthaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti. M.: RAP, 2008. 324 s.
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 31 iyulya 1995 g. № 10-P po delu o pro-verke konstitucionnosti Ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federacii ot 30 noyabrya 1994 g. № 2137 «O mero-priyatiyakh po vosstanovleniyu konstitucionnoy zakonnosti na territorii Chechen-skojy Respubliki», Ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federacii ot 9 dekabrya 1994 g. № 2166 «O merakh po presecheniyu deyatel'nosti nezakonnikh vooruzhennnikh formirovaniy na territorii Chechenskoy Respubliki i v zone osetino-ingushetskogo konflikta», Postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 9 dekabrya 1994 g. № 1360 «Ob obespechenii gosudarstvennoy bezopasnosti i territorial'noy celostoni Rossiyskoy Federacii, zakonnosti prav i svo-bod grazhdan, razoruzheniya nezakonnikh vooruzhennnikh formirovaniy na territorii Chechenskoy Respubliki i prilgayuthikh k ney regionov Severnogo Kavkaza», Ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federacii ot 2 noyabrya 1993 g. № 1833 «Ob osnovnikh polozheniyakh voennoy doktrinny Rossijskoy Federacii» // Rossiyskaya gazeta. 1995. 11 avg.
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21 dekabrya 2005 g. № 13-P po delu o pro-verke konstitucionnosti otdel'nikh polozheniy Federal'nogo zakona «Ob obthikh principakh organizacii zakonodatel'nikh (predstavitel'nikh) i ispolnitel'nikh organov gosudarstvennoy vlasti subjektov Rossiyskoy Federacii» v svyazi s zhalobami ryada grazhdan» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. № 3. St. 336.
6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20 iyulya 1999 g. № 12-P po delu o pro-verke konstitucionnosti Federal'nogo zakona «O kul'turnikh cennostyakh, peremethennikh v Soyuz SSR v rezul'tate Vtoroy mirovoy vojny i nakhodyathikhsya na territorii Rossiyskoy Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1999. № 30. St. 3989.
7. Zorjkin V.D. Konstituciya i prava cheloveka v XXI veke. K 15-letiyu Konstitucii Rossiyskoy Federacii i 60-letiyu Vseobthey deklaracii prav cheloveka. M.: Norma, 2008. 224 s.
8. Zorjkin V.D. Konstitucionno-pravovoe razvitie Rossii. M.: Norma: Infra-M, 2011. 720 s.
9. Vitruk N.V. Vernost' Konstitucii. M.: RAP, 2008. 272 s.
10. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16 iyunya 1995 g. № 67-O «Ob otkaze v priyatii k rassmotreniyu zaprosa Moskovskoy oblastnoy Dumih o tolkovanii chasti 1 st. 131 Konstitucii RF // Arkhiv Konstitucionnogo Suda RF za 1995 g.
11. Khabriev T.Ya., Chirkin V.E. Teoriya sovremennoy konstitucii. M.: Norma, 2005. 320 s.

УДК 343.13

Ю.К. Якимович

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДОЛЖНА ИМЕТЬ РАЗУМНЫЕ ПРЕДЕЛЫ И НЕ ПРИВОДИТЬ К УПРОЩЕНЧЕСТВУ

Статья посвящена проблемным вопросам, связанным с определением пределов дифференциации в современном российском уголовном процессе. Автор рассматривает различные критерии дифференциации уголовного судопроизводства, анализирует действующее законодательство на предмет соответствия им и приходит к выводу о том, что в российском уголовном судопроизводстве наблюдается тенденция к упрощенчеству, что крайне негативно сказывается на его качестве.

Ключевые слова: дифференциация, критерии, особые производства, дополнительные производства.

Сегодня никто из ученых не отрицает необходимость дифференциации уголовного судопроизводства¹. Никто также не оспаривает положение о том, что в рамках единого уголовного процесса имеются различные виды производств. Наличие же в уголовном процессе различных между собой производств и составляет суть дифференциации уголовного судопроизводства.

При этом еще в 80-е гг. мной было высказано мнение, которое ныне разделяется многими учеными, о том, что кроме основных производств по уголовным делам в уголовном процессе имеются еще и особые, и дополнительные производства.

В то время единственным особым производством было производство по применению принудительных мер медицинского характера. Однако, как я и предполагал, появлялись все новые особые производства, в рамках которых применяются нормы конституционного права, а также других материальных отраслей права [6]. Сейчас УПК предусматривает около десяти таких производств. Кроме того, в УПК РФ появилась гл. 47, название которой «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» (я бы назвал ее «Дополнительные производства») [7, 8].

Тем самым, на мой взгляд, УПК РФ четко отграничивает стадию исполнения приговора (гл. 46 УПК РФ) от самостоятельных полистадийных дополнительных производств, итоговое решения по каждому из которых также должно быть в определенном порядке исполнено.

Общим критерием дифференциации (ранее я называл его основанием) должен служить критерий направленности производства, которая выражается в его задачах и предмете.

¹ Такие споры весьма отчаянно велись в процессуальной литературе 70–80-х гг. прошлого века [1. С. 33–37; 2; 3; 4. С. 68–85; 5. С. 68–103].

В дальнейшем Т.В. Трубниковой были более глубоко и детально исследованы проблемы необходимости дифференциации, ее основания и критерии [9, 10].

Кроме того, она же весьма убедительно обосновала положение о том, что если досудебное производство велось в упрощенной форме, то в суде по таким делам упрощения не должно быть и дело должно рассматриваться в обычном порядке. И если раньше я не разделял эту позицию, то теперь придерживаюсь такой же точки зрения.

Основным критерием дифференциации производств по уголовным делам должен служить уголовно-правовой критерий – тяжесть преступления, по факту совершения которого возбуждено уголовное дело. Упрощенные производства не должны применяться по делам о тяжких преступлениях.

Кроме уголовно-правового должны также учитываться и уголовно-процессуальные критерии, к числу которых следовало бы отнести сложность установления фактических обстоятельств дела, а также определенные свойства лица, в отношении которого ведется уголовное судопроизводство. Так, не должны применяться упрощенные судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних; лиц, страдающих физическими или психическими недостатками, ограничивающими возможность в достаточной мере реализовывать свои права и отстаивать свои интересы; других категорий лиц, в частности указанных в ст. 91, 98, 122 Конституции Российской Федерации.

Многие положения, разработанные мной, Т.В. Трубниковой, А.В. Ленским [11] в прошлом веке, а затем профессором Н.С. Мановой [12] и другими учеными, уже в последние годы нашли свое отражение в УПК РФ.

Так, например, как много раз уже отмечалось, в УПК выделены самостоятельные производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора (дополнительные производства). Существенно улучшено процессуальное регулирование порядка производства по применению принудительных мер медицинского характера и наконец-то четко определено правовое положение лица, в отношении которого ведется это производство. Однако, как представляется, не предвидя негативные последствия, законодатель чрезмерно увлекся дифференциацией уголовного процесса. Появляются все новые производства как по уголовным делам, так и особые. Уголовный процесс тем самым размывается, утрачивается, как правильно не раз отмечал в своих работах М.К. Свиридов, его стержень [13, 14].

Достаточно сказать, что можно насчитать до десятка судебно-контрольных производств в ст. 125, ч. 2 ст. 29, гл. 18, ч. 5 ст. 165 и др.

Чрезмерное расширение судебного контроля приводит к тому, что:

1. Следователь все более утрачивает процессуальную самостоятельность.
2. Суды общей юрисдикции перегружены этими делами, а значит, у судей меньше остается времени для качественного рассмотрения уголовных дел по существу.
3. В теоретическом аспекте уголовный процесс, как уже отмечалось, «размывается», утрачивается понимание его сути и назначения. Назначением уголовного процесса является правильное применение норм уголовного, а не иных материальных отраслей права.

Существенным недостатком последних изменений уголовно-процессуального законодательства является также и то, что появляется все больше упрощенных производств, что в некоторых случаях свидетельствует о тенденции не просто к упрощению, а к упрощенчеству в уголовном судопроизводстве, о негативных последствиях которого предупреждали известные российские ученые (П.С. Элькин, М.С. Строгович и др.) [4, 15].

Так, например, гл. 32.1 предусматривает дознание в сокращенной (точнее было бы сказать, в упрощенной) форме.

Причем существенно упрощается порядок не только досудебного, но и судебного производства по этим делам. В целом же это производство сильно напоминает производство по административным делам и, на мой взгляд, вовсе не подходит для уголовного процесса.

Законодатель также игнорирует приведенные выше критерии дифференциации.

1. Статья 314 гл. 40 УПК РФ позволяет применять особый (точнее, упрощенный) порядок рассмотрения и разрешения дел, в том числе и о тяжких преступлениях, а гл. 40.1 – и особо тяжких преступлениях, что не согласуется с материально-правовым критерием дифференциации.

2. В отношении несовершеннолетних расследование может производиться не только в форме предварительного следствия (как это предусматривалось УПК РСФСР), но и в форме обычного дознания.

3. Вопреки Конституции РФ УПК РФ (гл. 52) существенно расширяет перечень лиц, в отношении которых производство по уголовным делам в той или иной степени усложнено. Это не только противоречит критериям дифференциации, но и нарушает принцип равенства граждан перед законом и судом.

4. Значительно сужен круг дел частного обвинения. Часть 2 ст. 20 УПК РФ к делам частного обвинения относит всего лишь три состава. Да и эти дела, если они возбуждены не мировым судьей, а дознавателем или следователем, автоматически становятся делами публичного обвинения (ч. 4 ст. 20, ч. 5 ст. 319 УПК РФ). Между тем все ученые, писавшие об этом еще в XIX и XX вв., высказывались за расширение круга дел частного обвинения [16–18].

5. Нарушена логика построения УПК РФ. Так, в гл. 32.1, расположенной в части второй УПК РФ «Досудебное производство», на самом деле установлен порядок не только досудебного, но и судебного производства. И наоборот, в гл. 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», расположенный в части третьей УПК РФ «Судебное производство», определяется порядок заключения соглашения, хотя данный вопрос решается в стадии предварительного расследования. Возможно, принципиально это и правильно, но тогда главы 32.1 и 40.1 следовало поместить в часть четвертую УПК РФ.

В целом же последние изменения УПК РФ привели к тому, что около 80 % уголовных дел судами первой инстанции фактически не рассматриваются, а лишь разрешаются. По этим делам не проводится судебного следствия, а значит, не действуют основополагающие судебные принципы, в том числе принцип непосредственности.

И если говорить откровенно, то мы вновь возвращаемся к тем временам, когда «царицей доказательств» являлось признание обвиняемым своей вины, что не может быть допустимым в уголовном судопроизводстве XXI в.

Дифференциация уголовного судопроизводства должна проводиться в разумных пределах и не приводить к упрощенчеству в уголовном процессе.

Литература

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 252 с.
2. Арсеньев В.Д., Метлин Н.Ф., Смирнов А.В. О дальнейшей дифференциации порядка производства по уголовным делам // Правоведение. 1986. № 1. С. 78–83.
3. Гуляев А.П. Дифференциация уголовных деяний и уголовно-процессуальное право // Сов. государство и право. 1986. № 7. С. 86–90.
4. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 143 с.
5. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М.: Юрид. лит., 1981. 144 с.
6. Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 104 с.
7. Воронин О.В. Исполнение приговора по УПК РФ: учеб. пособие. Томск: Изд-во НТЛ, 2006. 140 с.
8. Якимович Ю.К., Воронин О.В. Вопросы определения процессуального статуса участников дополнительных производств по УПК РФ // Вопросы уголовного процесса и правовая реформа: сб. науч. ст. Красноярск, 2002. С. 128–137.
9. Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск: Изд-во Том ун-та, 1999. 132 с.
10. Трубникова Т.В. Виды особых производств в уголовном процессе России // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. В.А. Уткина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Ч. 6. С. 133–138.
11. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 300 с.
12. Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 228 с.
13. Свиридов М.К. О методе уголовно-процессуального регулирования и сфере его действия // Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., г. Томск, 20–22 сентября 2007 г. / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 33–37.
14. Свиридов М.К. Некоторые вопросы установления истины в уголовном процессе // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае / под ред. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 7–8. С. 267–271.
15. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 468 с.
16. Иодковский А. Вопросы упрощения уголовного процесса // Ежедневник советской юстиции. 1929. № 7. С. 258–261.
17. Купко В. Права потерпевшего в уголовном процессе // Советская юстиция. 1939. № 15–16. С. 25.
18. Гуценко К.Ф. К вопросу о частном обвинении в советском уголовном процессе // Правоведение. 1959. № 4. С. 13–39.

Yakimovich Yury K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL PROCEDURE SHOULD HAVE REASONABLE LIMITS AND SHOULDN'T LEAD TO SIMPLIFICATION.

Key words: differentiation, criteria, special proceedings, supplementary proceedings.

A criminal legal criterion is considered to be a basic one for differentiation of criminal proceedings alongside criminal procedural criteria, including complexity in ascertaining factual circumstances of a case and determining characteristics of a person who is a party to a trial.

The current Criminal procedural Code of the Russian Federation separates independent proceedings in relation to execution of sentences, improves the procedural regulation of the order of procedure including enforcement of compulsory medical measures and defines clearly the legal position of a person under this procedure. But legislators seem to overindulge in the process of differentiation of criminal proceedings. The excessive broadening of judicial control makes an investigator lose his procedural independence; the courts of general jurisdiction are overloaded with such cases and therefore judges have less time for qualitative hearing of criminal cases on merits: theoretically criminal proceedings are "vague" i.e. they lose their essence and purpose.

A major drawback of the latest changes in the criminal procedural changes is the introduction of many simplified proceedings and it tends in some cases not to easing as such but to oversimplification in criminal proceedings.

Legislators also ignore the above criteria of differentiation. So Article 314, Chapter 40 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation allows applying a special (summary) procedure of adjudication of cases including serious crimes and Chapter 40.1 - extremely grievous crimes. This is not consistent with a material legal criterion for differentiation. The investigation of juvenile crimes can take the form of both the preliminary investigation and ordinary enquiry. Contrary to the Constitution of the Russian Federation the Criminal Procedural Code of the Russian Federation substantially extends the list of people for whom the criminal proceedings are complicated to a greater or lesser degree. The range of cases of private prosecution has been considerably narrowed down. The structure of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation lacks logic. For example, Chapter 32.1 located in the second part of the Code "Pre-trial procedure" establishes not only a pre-trial order but the order of a trial. And in contrast: in Chapter 40.1 "A special order of passing a judgment under a pre-trial cooperation agreement" located in the third part of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation "Criminal procedure" the order of making the agreement is defined although this question should be decided at the stage of a preliminary investigation.

Frankly speaking, we are returning to those times when "the queen of evidence" was admission of guilt by the accused but this cannot be competent in the criminal procedure of the 21st century.

References

1. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. *Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugovolnogo processa*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1980. 252 c.
2. Arsenjev V.D., Metlin N.F., Smirnov A.V. *O daljneyshyey differenciacii poryadka proizvodstva po ugovolnizm delam // Pravovedenie*. 1986. № 1. S. 78–83.
3. Gulyaev A.P. *Differenciaciya ugovolnikh deyanij i ugovolno-processualjnoe pravo // Sov. gosudarstvo i pravo*. 1986. № 7. S. 86–90.
4. Ehljkind P.S. *Celi i sredstva ikh dostizheniya v sovetskom ugovolno-processualjnom prave*. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1976. 143 c.
5. Yakub M.L. *Processualjnaya forma v sovetskom ugovolnom sudoproizvodstve*. M.: Yurid. lit., 1981. 144 s.
6. Yakimovich Yu.K. *Dopolniteljnihe i osobihe proizvodstva v ugovolnom processe Rossii*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1994. 104 s.
7. Voronin O.V. *Ispolnenie prigovora po UPK RF: ucheb. posobie*. Tomsk: Izd-vo NTL, 2006. 140 s.
8. Yakimovich Yu.K., Voronin O.V. *Voprosih opredeleniya processualjnogo statusa uchastnikov dopolniteljniikh proizvodstv po UPK RF // Voprosih ugovolnogo processa i pravovaya re-forma: sb. nauch. st. Krasnoyarsk, 2002. C. 128–137*.
9. Trubnikova T.V. *Teoreticheskie osnovih uprothennikh sudebniikh proizvodstv*. Tomsk: Izd-vo Tom un-ta, 1999. 132 s.

10. Trubnikova T.V. Vidih osobihkh proizvodstv v ugovolnom processe Rossii // *Pravovihe problemih ukrepleniya rossiyjskoj gosudarstvennosti: sb. st. / pod red. V.A. Utkina. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2000. Ch. 6. S. 133–138.*
11. Yakimovich Yu.K., Lenskiy A.V., Trubnikova T.V. *Differenciaciya ugovolnogo processa / pod red. M.K. Sviridova. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001. 300 s.*
12. Manova N.S. *Dosudebnoe i sudebnoe proizvodstvo: suthnostj i problemih differenciicii processualjnihkh form. Saratov: Izd-vo Saratov. gos. akad. prava, 2003. 228 c.*
13. Sviridov M.K. *O metode ugovolno–processualjnogo regulirovaniya i sfere ego deystviya // Pravo na sudebnuyu zashitu v ugovolnom processe: Evropejskie standartih i rossiyjskaya praktika : sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Tomsk, 20–22 sentyabrya 2007 g. / pod red. M.K. Sviridova. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2007. S. 33–37.*
14. Sviridov M.K. *Nekotorihe voprosih ustanovleniya istinih v ugovolnom processe // Ugovolno–processualjnihe i kriminalisticheskie chteniya na Altae / pod red. V.K. Gavlo. Bar-naul: Izd-vo Alt. un-ta, 2008. Vihp. 7–8. S. 267–271.*
15. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. T. 1: Osnovnihe polozheniya nauki sovetskogo ugovolnogo processa. M.: Nauka, 1968. 468 s.*
16. Iodkovskiy A. *Voprosih uprotheniya ugovolnogo processa // Ezhenedeljnik sovetskoy yusticii. 1929. № 7. S. 258–261.*
17. Kupko V. *Prava poterpevshego v ugovolnom processe // Sovetskaya yusticiya. 1939. № 15–16. S. 25.*
18. Gucenko K.F. *K voprosu o chastnom obvinenii v sovetskom ugovolnom processe // Pravovedenie. 1959. № 4. S. 13–39.*

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

УДК 347.4

А.В. Андрющенко

МЕСТО ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДМЕТЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена анализу сущности организационных отношений, в результате которого становится возможным определить их место в предмете гражданского права. Организационные отношения характеризуются как самостоятельный элемент предмета гражданского права.

Ключевые слова: предмет гражданского права, организационные отношения, корпоративные отношения.

В отечественной доктрине права при определении места организационных отношений в системе общественных отношений высказано суждение о том, что таковые могут существовать лишь в публичных отраслях права, в первую очередь в административном праве. Возникая и существуя в сфере государственного управления, будучи отношениями власти и подчинения, организационные отношения относятся исключительно к предмету административного права и определяются как «...отношения между вышестоящими и нижестоящими органами государственного управления, а также между ними и оперативными хозяйственными организациями и предприятиями, ведущими непосредственную хозяйственную деятельность в сфере производства, распределения и обмена» [1. С. 42].

Иными словами, организационные отношения представляют собой отношения управленческие, в которых властный субъект организует деятельность подчиненного субъекта. Однако, несмотря на то, что основной массив рассматриваемых отношений составляет предмет административного права, организационные отношения регулируются и иными отраслями права.

Для регулирования организационных отношений применяются как императивный, так и диспозитивный метод. Если по поводу первого вопросов не возникает, то диспозитивное регулирование организационных отношений у некоторых авторов вызывает сомнения. Так, по мнению Н.Д. Егорова, «...природа организационных отношений предопределяет их правовое регулирование посредством обязывающих предписаний, опирающихся на властные полномочия органа государственного управления. Поэтому складывающиеся в различных сферах деятельности человека организационные отношения, как бы тесно они ни были связаны с имущественно-стоимостными отношениями, регулируются нормами административного права, в котором применяется метод власти и подчинения» [2. С. 10].

Ряд исследователей частных отраслей права выделяют в сфере их регулирования организационные общественные отношения, которые имеют немалый удельный вес среди иных общественных отношений. Здесь уместно об-

ратиться к некоторым теоретическим наработкам науки трудового права, в частности к концепции сложной структуры предмета отрасли. Суть данной концепции в общем виде состоит в том, что поскольку все общественные отношения нельзя было свести только к трудовым (в узком смысле) отношениям между работниками и работодателями, то возникла необходимость определить иные отношения, составляющие предмет трудового права [3. С. 375]. В результате пришли к выводу о том, что предмет трудового права состоит из трудовых, организационно-трудовых, имущественных трудовых, процедурно-процессуальных трудовых отношений. В конечном счете эта теория нашла свое закрепление в действующем трудовом законодательстве.

О.А. Красавчиков отмечал, что хотя значительная часть организационных отношений в обществе и регулируется административным правом, это не исключает актуальности гражданско-правового регулирования тех организационных отношений, которые строятся на началах координации [4. С. 15], и с таким мнением можно согласиться. Изучая нормы гражданского права о предварительном договоре, рамочном договоре, договоре простого товарищества, акционерных соглашениях и многих других договорах, закономерно возникает вопрос о том, какое место занимают те отношения, которые вытекают из таких договоров, в предмете гражданско-правового регулирования. Поскольку налицо их неимущественный характер, то отнесение таких отношений к имущественным не представляется возможным. Личные неимущественные отношения, которые справедливо характеризуются наукой гражданского права как абсолютные, также не могут включать в себя отношения, вытекающие из каких-либо договоров (относительные отношения). Нельзя назвать такие отношения и корпоративными. Но раз гражданское право регулирует эти отношения, значит, они не могут не входить в его предмет. Поэтому и встает вопрос о сущности такого рода отношений. Данные отношения разнообразны по своему содержанию, по особенностям регулирования, отражающим специфику того или иного института гражданского права.

Вместе с тем с позиции действующего гражданского законодательства в предмет его регулирования подпадают три группы отношений (имущественные, личные неимущественные и корпоративные), среди которых не нашлось места отношениям организационным.

Организационные правоотношения обладают целым рядом общих признаков. Во-первых, таким правоотношениям присущ вспомогательный, служебный характер. Они не являются самоцелью, но призваны обеспечить возникновение и необходимую динамику иных гражданских правоотношений. Во-вторых, организационные правоотношения не могут существовать в отрыве от остальных гражданских правоотношений, без которых существование организационных правоотношений становится бессмысленным (например, не было бы смысла в отношениях из предварительного договора, если бы они не опосредовали возникновение правоотношений из основного договора). Подтверждение данного тезиса можно найти и в системе гражданского права, в которой отсутствует подотрасль или институт организационного права. В-третьих, особенностью содержания организационных правоотношений является неимущественный характер прав и обязанностей их субъектов. В-четвертых, организационные правоотношения направлены на возникнове-

ние и упорядочение имущественных, личных неимущественных и корпоративных гражданских правоотношений. В-пятых, в организационном правоотношении отсутствуют явно выраженные обязанная и управомоченная стороны, так как обязанности в организационном правоотношении носят не встречный, а взаимный характер. В-шестых, организационные правоотношения имеют не только непосредственную цель – упорядочить организуемое правоотношение, но и опосредованную цель – цель по организуемому отношению.

Данные правоотношения можно охарактеризовать как неимущественные (содержание таких отношений составляют права и обязанности, носящие преимущественно неимущественный характер, хотя иногда и связанные с имущественными, но имущественный компонент в данном случае играет вспомогательную роль); относительные (поскольку субъектный состав таких правоотношений всегда четко определен); регулятивные (поскольку опосредуют нормальный гражданский оборот); могут быть отношениями активного или пассивного типа; могут быть простыми и сложными.

Имущественные отношения тесно связаны со средствами производства, продуктами производства и другими результатами труда. Для организационных отношений наличие связи со средствами или продуктами производства не характерно. В организационных отношениях часто присутствуют определенные имущественные моменты, но они не являются ключевыми, как это имеет место в имущественных отношениях. То есть связь с имуществом в организационных отношениях имеет место быть, но носит опосредованный характер, обуславливается тесной связью организационных отношений с имущественными.

В юридической литературе в качестве другого специфического признака имущественных отношений выделяют их стоимостной характер, т.е. указывается на их связь с законом стоимости. Суть этого закона состоит во взаимной оценке участниками гражданских правоотношений их стоимости в виде количества и качества труда, воплощенного в том благе, по поводу которого эти отношения складываются [5. С. 44]. В организационных отношениях этот закон не действует, поскольку их субъекты не противостоят друг другу, как контрагенты в имущественных отношениях, а предполагается, что в рамках организационного отношения они будут совместно действовать в направлении создания отношений между собой или упорядочения уже существующих отношений.

Главным отличительным признаком личных неимущественных отношений является их тесная связь с личностью, поскольку в них получают проявления индивидуальные качества (свойства) лица – носителя соответствующего права. Организационные отношения не обладают таким признаком. Кроме того, личные неимущественные отношения являются абсолютными, поскольку управомоченному лицу – личности – противостоит неограниченное число лиц, которые обязаны соблюдать права этой личности на жизнь, здоровье, честь, достоинство и др. При этом организационные отношения, как уже говорилось, являются относительными.

Корпоративные отношения совсем недавно были включены в предмет гражданского права на законодательном уровне, хотя многие исследователи

гражданского права уже рассматривали таковые в качестве составляющей его предмета. Есть множество точек зрения на природу корпоративных отношений.

Некоторые исследователи относят корпоративные отношения к организационным. Так, П.В. Степанов утверждает, что существуют такие организационные отношения, которые опосредуют экономические отношения по присвоению материальных благ (имущественные организационные отношения). К ним относятся корпоративные отношения [6. С. 38]. Н.В. Козлова говорит о том, что корпоративные отношения – это самостоятельный вид гражданских правоотношений, имеющих ярко выраженный организационно-имущественный характер [7. С. 244].

Отнесение корпоративных отношений к группе организационных отношений представляется верным по следующим причинам. В п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса РФ корпоративные отношения определяются как отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. То есть основным правом участника корпорации является право участвовать в делах организации или управлять ею. Данное право составляет основу корпоративных отношений, которые и возникают прежде всего для того, чтобы обеспечить возможность учредителям и участникам корпорации на законных основаниях участвовать в управлении этой корпорацией. При этом право участвовать в делах организации или управлять ею носит организационный характер, поскольку направлено на координацию действий участников относительно корпорации, а также на определение и упорядочение действий самой корпорации, иными словами, на организацию деятельности корпорации и ее членов.

Таким образом, организационная составляющая в корпоративных отношениях выступает на первый план. Имущественные права участника корпорации (как и другие права – информационные, право на выход и т.п.) вытекают из этого основного права. Имущественный элемент корпоративных отношений состоит главным образом во внесении денежного вклада в капитал корпорации и получении дивидендов или прибыли.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1. Организационные отношения не тождественны ни имущественным, ни личным неимущественным отношениям. По сути, они являются неимущественными отношениями, не связанными с личностью.

2. Корпоративные отношения являются разновидностью организационных отношений, но состав организационных отношений отнюдь не исчерпывается ими. Немалый удельный вес в составе организационных отношений занимают отношения, вытекающие из различных гражданско-правовых договоров (организационно-договорные отношения). Строго говоря, во многих корпорациях имеют место учредительные, реорганизационные договоры и договоры о создании юридического лица. Но корпоративные отношения из подобных договоров мы не относим к организационно-договорным. Заключение договора далеко не всегда является тем ключевым юридическим фактом, который порождает корпоративные отношения (например, в акционерных обществах, в кооперативах). В организационно-договорных отношениях именно тот или иной договор выходит на первый план. Без заключения дого-

вора отношения такого рода (отношения по поставке, по транспортным перевозкам и иные) не могут возникнуть. Также в состав организационных отношений включаются преддоговорные отношения. Получается, что организационные отношения, представляя собой самостоятельную группу отношений, объединяют в себе преддоговорные, организационно-договорные и корпоративные отношения. Все три вида организационных отношений могут содержать в себе (и, как правило, содержат) имущественные элементы, которые не умаляют их организационной сущности. Таким образом, организационные отношения охватывают как поименованные, так и непоименованные в ст. 2 ГК РФ отношения, что позволяет прийти к выводу о необходимости расширения предмета гражданско-правового регулирования за счет преддоговорных и организационно-договорных отношений.

Литература

1. *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1963. 196 с.
2. *Егоров Н.Д.* Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. 174 с.
3. *Лушиников А.М., Лушиникова М.В.* Курс трудового права: учеб.: в 2 т. Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2009. 877 с.
4. *Советское гражданское право: учеб.: в 2 т. / под ред. О.А. Красавчикова.* М.: Высш. шк., 1985. Т. 1. 544 с.
5. *Ровный В.В.* Проблемы объекта в гражданском праве. Иркутск, 1998. 110 с.
6. *Степанов П.В.* Корпоративные отношения в гражданском праве // Законодательство. 2002. № 6. С. 35–41.
7. *Козлова Н.В.* Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. М., 2003. 318 с.

Andryushenko Angelina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

THE PLACE OF ORGANIZATIONAL RELATIONS IN THE SUBJECT MATTER OF CIVIL LEGAL REGULATION.

Key words: subject matter of Civil law, organizational relations, corporate relations.

The structure of the subject matter of Civil law has acquired an urgent character because recent changes in civil legislation have broadened the subject matter of civil legal regulation at the expense of corporate relations. The problem of the place of organizational relations in the subject matter of Civil law is a controversial one.

A branch of law can regulate not only some basic, central relations in the subject, but other relations closely related to the basic ones albeit having a subsidiary, regulating and organizational character. Despite the fact that the main bulk of organizational relations form the subject matter of Administrative law, organizational relations are also regulated by other branches of law including the rules of Civil law. However, according to current civil legislation the subject matter of its regulation includes three groups of relations (property, personal and corporate) but there is no place for organizational relations within it.

Organizational relations are not identical to either property or personal non-property ones. They differ from property relations by their non-property character of rights and duties. In contrast to property relations, organizational ones are not characterized by links with means of production or manufactured products. Some definite property elements can often be found in organizational relations but they are not key elements. Links with property in organizational relations have an indirect character conditioned by close connection of organizational relations with property ones. Unlike absolute personal non-property relations, organizational relations are relative and don't have close links with the personalities of participants in the relations.

In Item 1, Article 1 of the Civil Code of the Russian Federation corporate relations are defined as relations connected with the participation in corporative organizations or in their running. That is the basic right of the corporation participants - the right to be involved in the corporation business and to run it. This right forms the basis of corporate relations. Nevertheless, the above right has an organizational character because is directed at the coordination of actions of the participants of a corporation and at the determination and ordering of the corporation itself that is at the organization of the activities of the corporation and its members.

The content of organizational relations doesn't cover only corporate relations. The proportion of relations resulting from different civil legal contracts (organizational contractual relations) in organizational relations is rather high. Organizational relations represent a separate group of relations combining pre-contractual, organizational contractual and corporate relations. All three types of organizational relations can contain property elements which don't derogate their organizational essence. Thus, organizational relations embrace what is both mentioned and not mentioned in Article 2 of the Civil Code of the Russian Federation relations.

References

1. Bratusj S.N. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava. M.: Yurid. lit., 1963. 196 s.
2. Egorov N.D. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie obthestvennikh otnoshenij: edinstvo i differenciaciya. L., 1988. 174 s.
3. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Kurs trudovogo prava: ucheb.: v 2 t. T. 1: Suthnostj trudovogo prava i istoriya ego razvitiya. Trudovihe prava v sisteme prav cheloveka. Obthaya chastj. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2009. 877 s.
4. Sovetskoe grazhdanskoe pravo: ucheb.: v 2 t. / pod red. O.A. Krasavchikova. M.: Vihssh. shk., 1985. T. 1. 544 s.
5. Rovnihj V.V. Problemih objhekta v grazhdanskom prave. Irkutsk, 1998. 110 s.
6. Stepanov P.V. Korporativnihe otnosheniya v grazhdanskom prave // Zakonodateljstvo. 2002. № 6. S. 35–41.
7. Kozlova N.V. Ponyatie i suthnostj yuridicheskogo lica. Ocherk istorii i teorii: ucheb. posobie. M., 2003. 318 s.

УДК 347.43

С.К. Соломин

ПОНЯТИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

В статье предложена идея понимания прекращения гражданско-правового обязательства через теорию простой правовой связи, что позволило сформулировать ряд заслуживающих внимания выводов.

Ключевые слова: обязательство, простая правовая связь, субъективное право, субъективная обязанность, частичное исполнение.

Для цели динамики обязательства, последней стадией которого выступает его прекращение, индивидуализация любого обязательства происходит за счет его содержания. Только наличие определенного права и соответствующей этому праву обязанности позволяет из всей совокупности существующих между сторонами правоотношений выделить данное обязательство. Это означает, что стороны конкретного правоотношения одновременно могут состоять и в других правоотношениях как с другими субъектами гражданского оборота, так и между собой. Более того, кредитор и должник в рамках одного обязательства могут оставаться в этом же статусе в рамках другого обязательства. Некоторые из таких обязательств могут возникать из одного договора. Между тем связь между субъектами гражданского оборота обеспечивается не возникшим правоотношением, а наличием различного рода юридических фактов, что не противоречит общему подходу к пониманию гражданского правоотношения как правоотношения, возникающего между субъектами гражданского права по поводу различного рода благ.

Наиболее ярко наличие связи между правом и обязанностью, а не между сторонами обязательственного правоотношения прослеживается в процессе динамики последнего. Так, вопросы неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства всегда связаны с конкретной обязанностью, лежащей на должнике: ее неисполнение позволяет прибегнуть к мерам охранительного порядка, а также к возможности понуждения к исполнению основной обязанности, а соответственно, принудительному удовлетворению требования кредитора, основанного на его субъективном праве. Если же обязанность исполняется ненадлежащим образом, то вновь речь идет о возможности не только защиты нарушенного субъективного права, но и о понуждении должника к надлежащему исполнению обязательства, что означает реализацию соответствующего субъективного права. Различного рода сбои в динамике обязательства приводят к возможности применения различного рода побудительно-охранительных инструментов, цель которых одна – удовлетворение интереса кредитора за счет должного поведения должника по погашению лежащей на нем обязанности, что приведет к погашению субъективного права.

Соответствующие друг другу субъективное право и субъективная обязанность характеризуют только одно конкретное обязательство. Они не могут повториться в каком-либо другом обязательстве. Прекращение субъективной

обязанности означает и прекращение субъективного права. Исчезновение же одного из элементов обязательства (его содержания) в связи с его исполнением навсегда погашает последнее.

Таким образом, прекращение обязательства представляет собой абсолютное погашение связи между конкретным субъективным правом и корреспондирующей этому праву обязанностью.

Погашение указанной правовой связи не всегда обусловлено исполнением обязательства. Последнее может прекратиться независимо от достижения экономической цели обязательства и его правового результата. Обязательство может прекратиться и при наличии дефекта в других его элементах – в сторонах правоотношения или его объекте. Отразится ли это на существовании прекращения обязательства?

Представляется, что нет. Говоря о том, что обязательство прекращается в результате смерти гражданина или прекращения деятельности юридического лица, мы подразумеваем, что исчезает непосредственно носитель субъективного права и (или) обязанности, что и приводит к отпадению обязательства. В подобных состояниях правоотношения утрата связи между обязанностью и правом происходит по причине того, что некому исполнить обязанность и (или) некому принять исполнение. Если же имеет место совпадение должника и кредитора в одном лице, то правовая связь прерывается по той причине, что нельзя исполнить обязанность самому себе. При исчезновении непосредственно предмета исполнения обязательства (например, в результате гибели вещи) прекращает существовать и сам его объект. Однако говоря о том, что обязательство прекратилось вследствие гибели вещи, мы подразумеваем, что исчезновение предмета активного поведения должника, составляющего предмет воздействия, погашает субъективную обязанность, прерывающую соответствующую правовую связь.

Изложенное позволяет констатировать, что индивидуализация субъективного права и субъективной обязанности происходит не только за счет их содержания (т.е. соответствующих правомочий и долженствований), но и за счет субъектов, находящихся на стороне должника и кредитора, а также за счет объекта обязательства. Вместе с тем дефект в любом элементе обязательства приводит к прекращению последнего только в том случае, если такой дефект прерывает непосредственную связь конкретного субъективного права и соответствующей этому праву обязанности.

Не изменяет природы прекращения обязательства и наличие других оснований его прекращения (в частности, соглашение сторон, издание акта государственного органа, зачет встречных требований, невозможность исполнения). Каждый раз при наличии того или иного основания прекращения обязательства мы ведем речь о погашении субъективного права (которое погашает обязанность) или субъективной обязанности (которая погашает право) либо об одновременном погашении субъективного права и обязанности (например, в силу решения суда), что в конечном счете приводит к отпадению самого обязательства.

Действующим законодательством воспринята конструкция частичного прекращения обязательства [1], что предполагает уяснение смысла данной правовой категории. Если частичное прекращение обязательства рассматри-

вать как частный случай прекращения обязательства, то все существенные элементы такового должны проявляться и при частичном прекращении. Однако видно, что абсолютного прекращения правовой связи и, соответственно, отпадения обязательства при частичном его прекращении не происходит.

Возьмем для примера исполнение денежного обязательства, долг по которому составляет сто рублей. Используя возможность погашения долга по частям, должник уплатил долг в размере двадцати рублей, но допустил просрочку в погашении оставшейся суммы долга. Возникает вопрос: имеет ли в данном случае место прекращение обязательства в определенной части?

Если предположить, что за просрочку исполнения соглашением сторон предусмотрена уплата десяти процентов от суммы оставшегося долга, то на первый взгляд никакого сомнения в том, что перед нами частичное прекращение обязательства не возникает: действительно, вначале долг составлял сто рублей, а после уплаты двадцати рублей он стал составлять восемьдесят рублей; предусмотренная же санкция распространяется исключительно на просрочку уплаты этих восьмидесяти рублей. Однако если данную санкцию заменить на другую, например уплату одного рубля за каждый день просрочки исполнения денежного обязательства, то видно, что частичное погашение долга никак не отражается на уменьшении размера санкции: до тех пор пока долг не будет погашен в полном объеме, должник обязан будет уплачивать неустойку в размере одного рубля. Это означает, что исполнение денежного обязательства, независимо от частичного его погашения, подлежит квалификации в качестве ненадлежащего. Можно ли считать, что установленная соглашением сторон санкция влияет на природу исполнения обязательства по частям: если неустойка определена в виде процента от суммы оставшегося долга, то перед нами частичное исполнение обязательства; если же неустойка установлена в виде конкретной денежной суммы, то перед нами уже ненадлежащее исполнение обязательства?

Полагаем, что существо прекращения обязательства определяется не формой и видом установленной соглашением сторон санкции за нарушение его исполнения, а непосредственно существенными характеристиками, касающимися элементов надлежащего исполнения обязательства. В противном случае механизм исполнения обязательства пришлось бы рассматривать через призму установленной соглашением сторон или законом санкции за нарушение обязательства. Вместе с тем передача некоторой суммы денег, меньшей, чем сумма долга, будет рассматриваться как исполнение обязательства в определенной части, что предполагает необходимость внесения оставшейся суммы денег в течение срока исполнения обязательства. Применение той или иной санкции будет связано с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства в целом, независимо от того, на какой стадии имел место дефект исполнения. Внесение определенной суммы (в нашем примере это двадцать рублей) в установленный срок, но недостаточной для погашения всего долга может повлиять только на механизм расчета размера применяемой санкции.

Рассмотренный нами пример позволяет усомниться в достоверности законодательного подхода, согласно которому обязательство может быть прекращено не только полностью, но и частично. Если следовать букве закона,

то выходит, что с каждым частичным прекращением обязательства возникает новое обязательство относительно непогашенной части долга. Считаем, что прекращение обязательства всегда связано с полным его погашением: после того как появилось основание для признания обязательства прекращенным, вопросы относительно его динамики уже не возникают. Изменения в объеме обязанности должника, в частности связанные с исполнением обязательства по частям, следует рассматривать исключительно в качестве соответствующей стадии исполнения обязательственного правоотношения.

Так, при зачете встречных однородных требований, разных по размеру, прекращение одной обязанности (меньшей по объему) влечет изменение, но не частичное прекращение, другой (большей по объему) обязанности. В то же время обязательство, в рамках которого произошло изменение обязанности, не только не прекращается в соответствующей части, но и не изменяется.

Условия обязательства формируются в момент его возникновения и не могут зависеть от той или иной стадии исполнения обязательства. Только после исполнения обязанности в полном объеме в соответствии с условиями обязательства мы сможем дать оценку последнему с позиции надлежащего исполнения. Вместе с тем если на одной из стадий исполнения обязательства возникнет дефект такого исполнения, то и оценка обязательства с позиции неисполнения либо ненадлежащего исполнения будет даваться ему целиком, независимо от того, что на другой стадии такого исполнения дефекта не было и оно соответствовало признакам надлежащего исполнения.

Волевой акт одной или обеих сторон обязательства, направленный на исполнение обязательства в части, следует отличать от волевого акта, целью которого выступает изменение (или прекращение) обязательства. Изменить (или прекратить) обязательство можно в силу соглашения сторон, одностороннего требования об изменении условий обязательства или его прекращении (когда такое допускается законом), по иным основаниям, которые всегда будут отличаться от действий, направленных на частичное исполнение обязанности. Возвращаясь к зачету встречных требований, заметим, что для обязательства большего по объему такой зачет будет рассматриваться лишь как способ исполнения соответствующей части обязательства. В то же время для обязательства меньшего по объему зачет встречных требований будет выступать и способом исполнения обязательства, и основанием его прекращения.

Квалификация действия по частичному внесению долга в качестве исполнения денежного обязательства в части (но не частичного прекращения) позволяет кредитору, например, в договоре купли-продажи (п. 2 ст. 489 ГК РФ) отказаться от исполнения договора и потребовать возврата проданного товара, если покупатель не производит в установленный договором срок очередной платеж за проданный в рассрочку и переданный ему товар; в договоре аренды (подп. 3 ст. 619 ГК РФ) требовать досрочного расторжения договора в случае, если арендатор более двух раз подряд по истечении установленного договором срока не вносит арендную плату, и т.п.

Если в подобных ситуациях частичную оплату товара и частичное внесение арендных платежей рассматривать в качестве частичного прекращения обязательства, то это непосредственным образом отразится на существе последствий предъявления требования кредитора (продавца по договору купли-

продажи, арендодателя по договору аренды). Так, после предъявления требования продавца о возврате товара вследствие просрочки очередного платежа покупатель, помимо требования о возврате внесенных платежей, предъявит требование об уплате процентов за пользование чужими денежными средствами на сумму этих платежей, поскольку в отношении частичного прекращения денежного обязательства по оплате товара покупатель являлся бы добросовестным должником. При предъявлении требования арендодателя о расторжении договора аренды, помимо требования последнего о возврате арендованного имущества, возмещения убытков, вызванных существенным нарушением договора, требование о возмещении убытков предъявил бы и арендатор, который в отношении срока аренды, оплаченного им, считался бы добросовестной стороной.

Таким образом, частичного прекращения обязательства нет и быть не может, как противоречащее существу обязательства. Относительно динамики гражданско-правового обязательства может иметь место лишь исполнение обязанности в определенной части (частичное исполнение обязанности), но не частичное прекращение обязательства. Частичное исполнение обязательства обуславливается способом исполнения обязательства, который может быть выражен одним конкретным приемом исполнения, например, периодичностью внесения платежей, либо несколькими приемами, некоторые из них могут сформироваться на конкретной стадии исполнения обязательства, например, зачет встречных требований.

Литература

1. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)* от 21.10.94 г. // Собрание законодательств РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Solomin Sergey K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

THE CONCEPT OF TERMINATION OF AN OBLIGATION.

Key words: obligation, a simple legal relationship, subjective law, subjective duty, partial fulfilment.

It is said in the article that for the purpose of dynamics of an obligation, the final stage of which being its termination, the individualization of any obligation is done at the expense of its content. Only the existence of a definite right and the duty corresponding to this right makes it possible to separate this obligation from the whole totality of legal relations between the parties.

The author comes to the conclusion that termination of obligation means an absolute cancelation of relationship between a particular right and its corresponding duty. The cancelation of the above legal relationship is not always connected with fulfilment of the obligation. The latter can be discontinued irrespective of the attainment of an economic goal of an obligation and its legal result. An obligation can be discontinued in case of defects in its other elements – in the parties to a legal relationship or its object.

It has been stated that the individualization of the right and a subjective duty arises not only by virtue of its content but at the expense of the subjects on the part of a debtor and a creditor and at the expense of the object of an obligation. Alongside this, the defect in any element of an obligation results in the termination of this obligation if such a defect breaks the connection of a particular right with its corresponding duty.

It is noted that the construction of a partial termination of an obligation existing in current legislation is based on the false approach to the understanding of the essence of a terminated obligation because in this case there is no absolute termination of legal relationship. It is proved that there is no and cannot be any partial termination of an obligation as it is inconsistent with the essence of it.

As to the dynamics of a civil obligation there can be only fulfillment of a definite part on an obligation (a partial fulfillment) but not a partial termination of an obligation. A partial fulfillment of an obligation derives from the mode of fulfillment which can be expressed in one or several particular methods of fulfillment, some of them being formed on a definite stage of obligation fulfillment.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federacii (chastj pervaya) ot 21.10.94 g. // Sobranie zakonodatelstv RF. 1994. № 32. St. 3301.

УДК 347.9

Т.И. Суздальцева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОМПЕНСАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Эффективность Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» анализируется на примере судебной практики Томского областного суда и судебного акта Воронежского областного суда о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Автором вносятся предложения по увеличению сроков рассмотрения гражданских дел судами общей юрисдикции.

Ключевые слова: *компенсация, разумный срок, гражданское судопроизводство.*

Согласно п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. каждый в случае его спора о гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона [1].

Прошло более трех лет со дня вступления в силу Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Закон № 68-ФЗ) [2], который был принят во исполнение Постановления Европейского суда по правам человека от 15.01.2009 по делу «Бурдов против Российской Федерации (№ 2) (жалоба № 33509/04)» [3].

Эффективность Закона № 68-ФЗ предлагается рассмотреть на примере судебной практики Томской области. Согласно статистическим данным по Томской области, в Томский областной суд с даты вступления Закона № 68-ФЗ в силу (04.05.2010 г.) и до 31.12.2011 г. поступило 27 заявлений о присуждении компенсации. Из них: возвращено – 23, принято к производству – 3, прекращено производство по делу – 1, при этом рассмотрено заявлений с вынесением решения – 2, отказано в удовлетворении заявлений – 2 (жалобы на отказ в удовлетворении заявлений оставлены Верховным Судом РФ без изменения). В 2012 г. поступило 17 заявлений о присуждении компенсации, из которых: 14 заявлений по делам о нарушении права на уголовное судопроизводство в разумный срок, 3 заявления о нарушении права на исполнение судебного акта в разумный срок, 17 заявлений возвращены в соответствии со ст. 244.6 ГПК РФ. В 2013 г. поступило 12 заявлений о присуждении компенсации, из которых: 9 заявлений по делам о нарушении права на уголовное судопроизводство в разумный срок, 1 заявление по делу о нарушении права на уголовное досудебное производство в разумный срок, 1 заявление по делу о нарушении права на рассмотрение гражданского дела в разумный срок, 2 заявления по делам о нарушении права на исполнение судебного акта в разумный срок, большинство заявлений возвращено в соответствии со ст. 244.6 ГПК РФ, 1 заявление по делу о нарушении права на уголовное судопроизводство в

разумный срок принято к производству, по которому принято решение об отказе в удовлетворении заявления о присуждении компенсации, которое апелляционным определением оставлено без изменения.

В соответствии с ч. 1 ст. 244.6 ГПК РФ суд возвращает заявление о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок, если при рассмотрении вопроса о принятии заявления к производству установит, что: 1) заявление подано лицом, не имеющим право на его подачу; 2) заявление подано с нарушением порядка и сроков, которые установлены ч. 2 ст. 244.1 и ст. 244.2 настоящего Кодекса. При этом ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи заявления не поступало или в восстановлении пропущенного срока его подачи было отказано; 3) до вынесения определения о принятии заявления к производству суда от лица, подавшего такое заявление, поступило ходатайство о его возвращении; 4) не устранены обстоятельства, послужившие основанием для оставления заявления без движения, в срок, установленный определением суда; 5) срок судопроизводства по делу или срок исполнения судебного постановления с очевидностью свидетельствует об отсутствии нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок¹.

За первый год и семь месяцев (2010–2011 гг.) действия Закона № 68-ФЗ (имеется в виду территория Томской области) поступило наибольшее количество заявлений о присуждении компенсации по сравнению с 2012 и 2013 гг. Таким образом, имеет место тенденция снижения числа обращений в Томский областной суд по компенсационным делам.

В 2010–2013 гг. Томским областным судом решений об удовлетворении заявлений о присуждении компенсации не принималось, так как по некоторым заявлениям производство по делу прекращено, большая часть заявлений возвращена, а также отказано в удовлетворении заявлений о присуждении компенсации.

В связи с этим представляется целесообразным привести пример рассмотрения заявления о присуждении компенсации Воронежским областным судом. Так, гражданин Х. обратился в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 50 000 руб., указав, что 08.01.2003 г. в Левобережный районный суд г. Воронежа им был подан иск к индивидуальному предпринимателю о защите прав потребителя в связи с обнаружением недостатков в приобретенной стиральной машине. Дело было рассмотрено по существу 21.09.2009 г., и окончательно решение вступило в законную силу 04.03.2010 г. Решением Воронежского областного суда от 21.06.2010 г. с Российской Федерации в лице Министерства финансов РФ за счет средств федерального бюджета в пользу

¹ Томским областным судом в 2010–2013 гг. заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок были возвращены по основаниям, предусмотренным ст. 244.6 ГПК РФ (в связи с тем, что заявление подано лицом, не имеющим право на его подачу; заявление подано с нарушением порядка и сроков, которые установлены ч. 2 ст. 244.1 и ст. 244.2 ГПК РФ; не устранены обстоятельства, послужившие основанием для оставления заявления без движения, в срок, установленный определением суда).

гражданина Х. взыскана компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 30 000 руб. Указанный суд мотивировал свое решение о взыскании компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок тем, что со дня поступления искового заявления в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного акта по делу прошло 7 лет 2 месяца. Исковое заявление поступило в суд первой инстанции 08.01.2003 г., рассмотрение дела было назначено на 19.03.2003 г., т.е. за пределами установленного ст. 154 ГПК РФ двухмесячного срока рассмотрения дела. С 19.03.2003 г. разбирательство дела неоднократно откладывалось. После очередного отложения разбирательства дела с 23.04.2003 г. на 23.05.2003 г. рассмотрение дела не состоялось, как не состоялось оно и 16.06.2003 г. по причине болезни судьи. В очередной раз рассмотрение дела было отложено на 21.10.2003 г. в связи с нахождением судьи в очередном отпуске. В феврале 2005 г. дело было передано на рассмотрение другому судье, судебное заседание назначено на 03.11.2005 г. (без указания причин такого длительного срока отложения). 03.11.2005 г. разбирательство дела было отложено на 01.03.2006 г. (основание отложения в определении не указано). По делу была назначена экспертиза, в производстве экспертов дело находилось 1 год и 8 месяцев (в материалах дела отсутствовали сведения о контроле суда первой инстанции за сроком проведения экспертизы). Перечисленные обстоятельства были расценены Воронежским областным судом в качестве недостаточных и неэффективных действий суда первой инстанции, что повлияло на длительность рассмотрения дела. Причем доводы кассационной жалобы Федерального казначейства по Воронежской области о том, что причиной затягивания рассмотрения дела послужили действия истца, связанные с заявлением отвода судье, изменением исковых требований, не были приняты во внимание Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ, потому что истец вправе использовать любые процессуальные средства, гарантированные ему действующим законодательством¹.

Анализ приведенного примера дает основание полагать, что Закон № 68-ФЗ является эффективным правовым средством по пресечению волокиты в процессе судопроизводства.

Необходимо заметить, что с момента принятия Закона № 68-ФЗ усилился контроль Верховного Суда РФ за соблюдением судами субъектов РФ сроков рассмотрения дел, установленных гражданским процессуальным законодательством (автором этот вывод сделан из собственной практики помощника судьи Октябрьского районного суда г. Томска). Такой контроль несомненно способствует соблюдению судами сроков рассмотрения находящихся в их производстве дел.

Вместе с тем погоня за положительными статистическими данными о рассмотрении дел в установленные процессуальным законодательством сроки может негативно отразиться на качестве их рассмотрения. Поэтому представляется необходимым соблюдение баланса качественного показателя рассмотрения гражданских дел и сроков их рассмотрения.

¹ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2010 г., утвержденный постановлениями Президиума Верховного Суда РФ от 08.12.2010 г.

Следует обратить внимание на то, что Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [4] (далее – Закон № 69-ФЗ) значительно увеличены сроки рассмотрения арбитражными судами по первой инстанции некоторых категорий дел. Так, сроки рассмотрения дел об оспаривании нормативного правового акта (ч. 1 ст. 194 АПК РФ), об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц (абз. 1 ч. 1 ст. 200 АПК РФ), о взыскании обязательных платежей и санкций (ч. 1 ст. 215 АПК РФ) увеличены с двух месяцев до трех месяцев; сроки рассмотрения дел о привлечении к административной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую или иную экономическую деятельность (ч. 1 ст. 205 АПК РФ), увеличены с 15 дней до двух месяцев; сроки рассмотрения дел об оспаривании решений административных органов (ч. 1 ст. 210 АПК РФ) увеличены с 10 дней до двух месяцев. Однако Закон № 69-ФЗ не затронул соответствующие нормы ГПК РФ в части увеличения сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции.

Представляется необходимым внести соответствующие изменения в ГПК РФ в целях всестороннего и полного рассмотрения гражданских дел в разумные сроки судопроизводства, увеличив сроки рассмотрения исковых дел судами общей юрисдикции до трех месяцев.

Литература

1. *Собрание* законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
2. *Собрание* законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.
3. *Российская хроника* Европейского Суда. 2009. № 4.
4. *Собрание* законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

Suzdaltseva Tatiana I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

SOME PROBLEMS OF A COMPENSATION PROCEDURE.

Key words: compensation, reasonable time, civil procedure.

The effectiveness of the Federal law of the Russian Federation “On the compensation for the violation of the right to a trial during a reasonable time or the right to the execution of a judicial act in a reasonable time” dated 30.04.2010 №68-ФЗ has been analyzed on the example of judicial practice on awarding the compensation for the violation of the right to a trial during a reasonable time in Tomsk and Voronezh regional courts.

The author of the present article provides statistics on applications on awarding the compensation for violations of the right to a trial during a reasonable time or the right to the execution of a judicial act in a reasonable time in 2010–2013 since the Federal law № 68-ФЗ came into force. She points out the number of both examined applications on which the decisions were passed and returned applications according with Article 244.6 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation (reasons for return provided by Article 244.6 are given). Having analyzed the judicial practice of Tomsk region, the author concludes that there is a tendency for decreasing the number of submissions on compensational matters to Tomsk regional court because during the first year and 7 months (2010–2011) of operation of Law №68-ФЗ the number of submissions for compensation was greater than in 2012 and 2013.

In 2010–2013 Tomsk regional court didn't take decisions on awarding damages because many applications were returned, the procedure in a number of cases was discontinued and some applications on compensation were rejected. In this connection, the example from the Voronezh regional court's

practice on awarding damages has been given. Thus, according to the decision of Voronezh regional court dated 21.06.2010 the Russian Federation ex parte the Ministry of Finances of the Russian Federation paid the compensation to X. from the budgetary funds. The compensation (3000 rubles) was adjudged for the violation of the right to court procedure in a reasonable time because 7 years 2 months have passed from the claim to the court of first instance to the last court decision on the case. The analysis of the above example proves the Law № 68-ФЗ to be an effective remedy against red-tapery in court procedure.

The author proposes to increase the time period for consideration of cases by the courts of general jurisdiction to 3 months for the purpose of detailed and full consideration of civil cases in a reasonable time.

References

1. Sobranie zakonodateljstva RF. 2001. № 2. St. 163.
2. Sobranie zakonodateljstva RF. 2010. № 18. St. 2144.
3. Rossijskaya khronika Evropejskogo Suda. 2009. № 4.
4. Sobranie zakonodateljstva RF. 2010. № 18. St. 2145.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Ольга Ивановна – доктор юридических наук, доцент, завкафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: univert_tgu@rambler.ru

АНДРЮЩЕНКО Ангелина Валерьевна – аспирант кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: linsy_lapochka@mail.ru

АРХИПОВ Андрей Валерьевич – судья Томского областного суда. E-mail: aav180@mail.ru

ГРУШИН Федор Владимирович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России. E-mail: fedor062@yandex.ru

ДОЛМАТОВ Александр Олегович – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: dolmatovoa@ngs.ru

ЗНИКИН Валерий Колоссович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: koloss2@mail.ru

ЛОГИНОВА Ксения Юрьевна – преподаватель кафедры конституционного и административного права Новокузнецкого института (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк). E-mail: materiamatrix@mail.ru

НИКИТИН Александр Дмитриевич – соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского государственного университета, начальник УМВД России по Ивановской области, генерал-майор полиции. E-mail: parovozzz@scalpnet.ru

РОМАНОВА Анна Васильевна – аспирант Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия правосудия» (г. Москва). E-mail: gomasheka@inbox.ru

САВЧЕНКО Дмитрий Александрович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского юридического института (филиала) Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: s-d-63@mail.ru

СВИРИДОВ Михаил Константинович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: sviridov@ui.tsu.ru

СОЛОМИН Сергей Константинович – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: sksolomin@mail.ru

СУЗДАЛЬЦЕВА Татьяна Игоревна – соискатель кафедры гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: suzdalceva_tatya@mail.ru

ТАТАРИНОВ Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kafedra206@mail.ru

ЯКИМОВИЧ Юрий Константинович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: drakonvtsu@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 году.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225-3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефон: 8 (382-2) 529-868, 8 (382-2) 783-581

Факс: 8 (382-2) 529-868

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.В. Агашев.

Научный журнал
**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
ПРАВО
2014. № 2(12)

Редактор *Е.В. Лукина*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»),
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 26.05.2014 г. Формат 70x100^{1/16}.

Печ. л. 8,1; усл. печ. л. 11,3; уч.-изд. л. 11,6.

Тираж 500 экз. Заказ № 367.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru